

АРТ ЛАНД

СОДЕРЖАНИЕ (6+)

1383-2013

<i>П. Лимеров.</i> Коми легенды о крестителе Степане (Стефане Пермском)	4
<i>А. Красов.</i> Зыряне и св. Стефан Пермский. Продолжение ..	17
ПРОЗА. ПОЭЗИЯ	
<i>О. Чупров.</i> «На серебряной ниточке голоса...» Стихи	36
<i>М. Лебедев.</i> Бурь-Ань. (Повесть в переводе Е. Козлова).	
Продолжение	44
<i>Ф. Конев.</i> Зыряне. Роман. Продолжение	87
<i>В. Лодыгин.</i> «Тадзи восьта полёйлы йёзё петан вис...» Кывбуръяс	134
ШТУДИИ	
<i>В. Шаронов.</i> Русский Лев и литовский Платон	138
АРТ-ФАКТ	
<i>И. Котылева.</i> Иконография св. Стефана Пермского XVII в.	152
<i>Т. Бойцова.</i> Союз художников России на рубеже веков: вхождение в новую реальность	165
<i>В. Морозова.</i> Большой праздник вместе с Малым театром .	181
ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ	
Рецензия на книгу «История литературы Урала»	192
Приложение к журналу: Василий Юхнин «Биа нюр. Огненное болото». Перевод с коми языка Б. Озерного и Р. Берлин.	

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республикаса литература, публицистика,
история, культурология да художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайтыр»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 21.10.13. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 6205. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

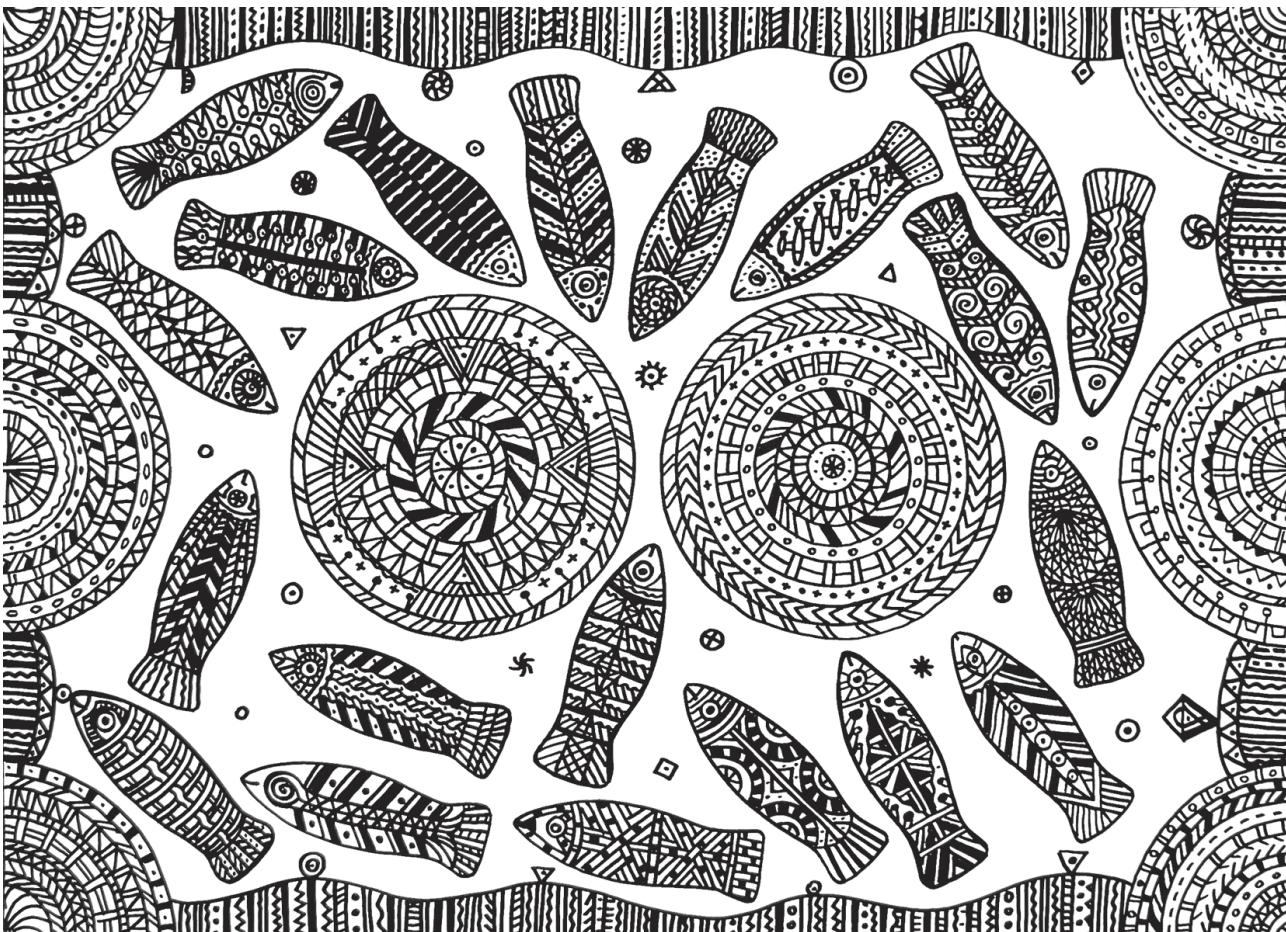
В оформлении обложки использована центральная часть иконы «Св. Стефан Пермский с житием в 16 клеймах». XVII в. Сольвычегодский историко-художественный музей.

В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикую материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йөзөдтөм гижёдъяс редакция оз рецензируйт и авторъяслы найёс оз мёддө. Редакция оз век во ѿти кывйö авторъяскöд.

1383-2013

Павел Лимеров

Лимеров Павел Фёдорович, ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Автор более 120 научных работ, в том числе учебного пособия «Коми несказочная проза» (1998); монографий «Мифология загробного мира» (1998), «Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми» (2008), сборника фольклорных текстов «Му пуксьём – Сотворение мира» (2005).

Коми легенды о крестителе Степане (Стефане Пермском)¹

Впервые об устных рассказах о Стефане упоминает в Житии Епифаний Премудрый: «... оба ухом услышах; оба же от ученик его уведах» (Епифаний, 1996. С.50), однако, едва ли представляется возможным выделить в житийном тексте именно фольклорные тексты. Между кончиной Стефана и составлением житийного текста прошло не так много времени, чтобы в устных рассказах современников Стефана проявились легендарные мотивы. Напротив, Житие отличается крайней сдержанностью в описании событий крещения и не содержит характерных для агиографического сочинения экспликаций чудес. Легендарные мотивы известны в середине XV века, этим временем датируется посох с резными изображениями сцен из жизни Стефана Пермского, изготовленный в период управления Пермской епархией епископов Ионы и Филофея. Эти сцены не находят соответствий в сюжете Жития (Чернцов, 1998. С. 230), однако, сцена наказания язычников слепотой на посохе совпадает с соответствующими эпизодами «Повести о Стефане Пермском»² и «Вычегодско-Вымской летописи», а сцена усмирения Стефаном бушующих волн, как и сцена с попыткой потопить ладью Стефана «бесом в ризах» имеет сюжетные аналогии в записях современных фольклорных текстов о Стефане. Очевидно, что в XV веке в пределах Пермской епархии существовало местное церковное предание о Стефане Пермском, обслуживавшее культа Стефана как местночтимого святого. Тексты, входящие в состав церковного предания, складывались под непосредственным влиянием агиографического топоса,

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX – первой трети XX вв.».

² Повесть о Стефане Пермском // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы / Отв. ред. А. Н. Власов.– Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского государственного университета. 1996.– С. 61–70. (в дальнейшем Повесть).

но включали и местные легендарные мотивы. Некоторые из этих сюжетов вошли в «Повесть» и в «Летопись», другие бытовали только в устной сфере церковной среды. В дальнейшем, по мере более глубокого принятия и усвоения коми народом христианской религии, и, вместе с этим, интеграции культа Стефана Пермского в структуру народной жизни тексты о Стефане, с одной стороны, проникали из церковной среды в фольклорный фонд народной культуры, а с другой стороны, в народной среде стали создаваться свои тексты о Стефане и эпохе христианизации. В той или иной мере, эти тексты дошли до сегодняшнего времени, хотя весьма вероятно, что значительная часть фонда текстов оказалась безвозвратно утерянной.

Образ Стефана Пермского в Повести существенно иной, нежели житийный. Это образ чудотворца, по велению которого слепнут напавшие на него язычники, который может накормить трёмя рыбами и трёмя хлебами тысячу язычников и который рубит чудовищное языческое дерево — «прокудливую» берёзу. Именно в версии чудотворца образ Стефана попадает в фольклор и получает здесь дополнительные коннотации. Смысловой диапазон этого образа достаточно широк и включает одновременно значения, связанные с общерусскими представлениями о святых и святыни, с определёнными житийными чертами св. Стефана, и значения, связанные с пережитками языческих представлений коми. В дальнейшем, поскольку речь будет идти о фольклорном образе Стефана Пермского, мы будем называть его фольклорным именем Степан. Мы ставим своей задачей дать аналитическое описание легенд о Стефане Пермском, охарактеризовать значение образа Степана для всей фольклорной традиции коми. Устные легенды о Стефане Пермском стали известны, начиная с 1838 г., когда Вологодские губернские ведомости опубликовали легенду под названием «Слепой Гам».¹ Это был один из наиболее распространённых сюжетов о св. Стефане и происхождении сельского прозвища гамичи — «слепой род». В дальнейшем этот и другие устные легендарные тексты неоднократно включались в различные работы о Стефане Пермском и христианизации Коми края,² однако, первые полноценные записи устных легенд о Стефане были сделаны только в конце XX века Е. В. Ветошкиной (Козловой)³ в Вымской фольклорной экспедиции.⁴

Как правило, устные рассказы о Стефане Пермском относят к жанру исторического предания, поскольку главное действующее лицо этих рассказов имеет исторический прототип. К жанру исторического предания также относят и рассказы о чуди, которые в классификациях русской несказочной прозы относятся к преданиям об аборигенах (первонаселенниках) края. Относительно коми нарративов эта классификационная схема оказывается неверной, т.к. Стефан Пермский в течение ряда столетий воспринимался не как историческое лицо, а

¹ Слепой Гам // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX в. / Сост. В. А. Лимерова.— Сыктывкар, 2010.— С. 271.

² Арх. Макарий (Миролюбов Николай Кириллович). Сказание о жизни и трудах Св. Стефана Пермского. СПб, 1856; Михайлова М. И. Описание Усть-Выма. Вологда, 1851.— С. 30–31, 52, 53, 78–81.

³ Ветошкина (Козлова) Е. В. Материалы фольклорной экспедиции в Усть-Вымский и Княжпогостский районы Коми АССР. 1981 // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 279.

⁴ Более подробную информацию о собирании и изучении легенд о крещении см.: Лимеров П. Ф. Образ Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми.— М., 2008.— С. 153–159.

был объектом культового почитания, соответственно, все рассказы о Стефане (Степане) связаны с культовым почитанием его как святого. Что касается рассказов о чуди, то в коми традиции эти тексты, в основном, рассказывают о событиях христианизации и также связаны с именем Стефана Пермского. Таким образом, учитывая христианскую религиозную составляющую этих текстов, целесообразно отнести те и другие виды нарративов к жанру легенды.

Весь сюжетный фонд устных легенд о Стефане Пермском и крещении чуди можно разделить на четыре тематические группы. К первой группе принадлежат легенды о чуди, с соответствующими мотивами крещения и самопогребения чуди, бегства чуди, гибели чудинки, чудских кладов. Во вторую группу входят легенды о путешествиях Стефана (в текстах — Степана), с соответствующими мотивами плавания по реке на камне, номинации населённых пунктов, нарицания прозвищ, пророчеств святителя. В отдельную, третью группу следует выделить легенды о крещении вымичан с мотивами ослепления язычников, возведения горы, рубки священной берёзы. Наконец, четвёртую группу составляют тексты с мотивом поединка Степана с языческим волхвом-туном.

Легенды первой группы объединяют тексты, основным персонажем которых является чудь — народ, который сопротивляется обращению в христианство. Однако сам термин *чудь* имеет гораздо более широкое употребление и известен не только по фольклорным, но и по письменным источникам. С именем *чудь* связаны, прежде всего, письменные летописные сведения о финно-угорских народах, соседивших в раннем средневековье с северными славянами и германцами, а позднее с новгородцами и ростово-суздальцами. Кроме того, имеется факт устных нарративов о чуди, ареал распространения которых охватывает огромные территории Северо-восточной Европы и Сибири. Как правило, эти тексты жанрово опознаются как предания. Основные сюжетные мотивы русских преданий были проанализированы Н. А. Криничной в монографии «Русская народная историческая проза», выпущенной уже в 1987 году.¹ Автор рассматривает сюжеты о чуди в широком контексте преданий об аборигенах края, что позволяет ей привлекать к сравнительному анализу материалы фольклора не только североевропейских, но и сибирских народов, в типологически сходных преданиях которых термин *чудь* не используется. Всесторонне проанализировав образ чуди, исследователь приходит к выводу, что на генезис образа существенным образом оказали влияние универсальные мифологические представления об аборигенах края, наделяющие этих персонажей совокупностью мифологических признаков, таких как карликовость, гигантизм, зооморфность, терратоморфность и т.п. Соотнесённость этих признаков с образом чуди, т.е. дорусского населения севера, вызывает своеобразный «эффект отчуждения» рассказчиков преданий от аборигенов — чуди, благодаря которому чудь в русских преданиях всегда показана в образе врага. В связи с этим исследователь выделяет мотив вражды аборигенов с пришельцами, который лежит в основе преданий о нападениях белоглазой чуди на русских поселенцев. Другой мотив — исчезновение аборигенов из конкретной местности включает два мотива. Первый — мотив самопогребения чуди, второй — мотив вытеснения чуди из данной территории. С этими мотивами связывается также

¹ Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. — Л.: «Наука», 1987.

мотив оставления аборигенами следов пребывания в той или иной местности. Вот перечень основных мотивов русских преданий о чуди.

В 1985 году отдельной книжкой вышел доклад Ю. Г. Рочева «Национальная специфика коми преданий о чуди».¹ Автор впервые рассмотрел специфику преданий о чуди на коми-зырянском материале и предложил их классификацию в соответствии с регионами обитания разных этнических групп коми: 1. Тексты о самопогребении чуди распространены в центрах расселения древних коми (пермян вычегодских) — на Выми, нижней Вычегде, средней Сысоле; 2. тексты о самопогребении чуди и тексты о чуди убегающей от крещения — Вашка, Вишера, Верхняя Вычегда; 3. воинственная чудь — редкие сюжеты, зафиксированные на Мезени и средней Вычегде; 4. демонизированная чудь — территории позднейшего расселения коми.² При очевидном сходстве основных мотивов русских и коми нарративов о чуди есть одна существенная разница, эта разница заключается в мотиве этнической идентификации коми с фольклорной чудью. Этот мотив отмечен как в материалах Л. С. Грибовой, так и в материалах более поздних экспедиций, и на вопрос собирателя об этнической принадлежности чуди, как правило, следует ответ, что они такие же коми. Нередко этот ответ уточняется отнесением нынешних коми к православным христианам, а чудь — к язычникам, не признавшим Стефана Пермского. Данное обстоятельство является поводом для известного отчуждения чуди от современных коми, по поводу которого писала Л. С. Грибова: «При сопоставлении народных представлений о чуди и о прошлом самих коми-пермяков различия исчезают, исключая тот факт, что чудь была “неверующей”, а коми-пермяки “всегда” были христианами».³ Наиболее яркое выражение этот мотив получил в так называемых «поминках древних», обычай поминования чуди на местах их погребений (чуд гуяс), когда чудь поминается в качестве предков, но при этом осознаётся элемент некоторой отстранённости от них, как от язычников.

Таким образом, базовой темой коми текстов является христианизация чуди, что даёт основание соотнести эти тексты к жанру легенды. В то же время, смыслообразующим мотивом этих легенд надо признать мотив переименования языческой чуди в коми: принявшие крещение чудь-язычники становятся коми, тогда как некрещёные остаются чудью и погребают себя в ямах или же покидают эту территорию. Основные мотивы чудских легенд, каковыми являются мотивы самозахоронения и миграции чуди в целом сходны с русскими, разница в том, что в русских текстах эти мотивы зачастую сопровождаются мотивом насилия над чудью. Чудь вынуждают к самозахоронению или уходу от своих жилищ новопоселенцы — новгородцы (русские), в коми преданиях чудь никто не неволит, никто не забирает их земли, чудь хоронит себя или уходит из своих мест, спасаясь от христианизации. Ср. русский нарратив: «Возле этого города когда-то, очень давно, жили не русские, а прятавшиеся в ямах с крышами поганые люди. Наши люди обрушивали крыши на поганых и так они их захоронили». Ср. коми легенда: «В православную веру стали крестить, а чуди вырыли большую яму, вошли в неё сами и сами себя убили».⁴

¹ Рочев Ю. Г. Национальная специфика коми преданий о чуди. (Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 124). Сыктывкар: Изд-во КФАН СССР. 1985.

² Там же.— С. 7.

³ Грибова Л. С. Пермский звериный стиль.— М., 1976.— С. 98.

⁴ Плесовский Ф. В. Комияс да чудъяс // Войыв кодзув. 1989. № 9.— С. 57.

В коми текстах сигналом к самопогребению зачастую служит приплывание Степана. К примеру, чтобы не допустить Степана в Богородск, вишерская чудь перегораживает реку камнями, устраивает на высоком берегу сторожевой пост, который по приближению Степана разжигает большой сигнальный костёр. После этого, язычники семьями заходят в землянки и, подрубив опорные столбы, обрушивают на себя крыши, таким образом, хороня себя заживо.¹ Степан даже не вступает в непосредственный контакт с чудью, скорее, слух о его приближении служит для чуди знаком для последующих действий. Места гибели чуди, которые коми называют «чудскими ямами», обозначены в местной топографии. Эти места считаются «нечистыми», так как здесь чудь может «явить» себя людям в каком-либо облике. Полагают, что чудь «карает» людей за то, что её не поминают. Поминальным днём чуди у коми-пермяков считается суббота после Семика. «Некоторые сами себя убили, первые люди. Зашли в ямы, подрубили стойки. Три года там жили. На Семик появились яйца и птицы (пища). Так они жили, и как-то раз вышли и рассказали о себе. Поэтому их и поминают».²

Наряду с мотивом самопогребения, как правило, выделяется и мотив вытеснения чуди с обжитой территории.³ Самостоятельных сюжетов, показывающих обстоятельства миграции чуди, нет никаких, скорее, можно говорить о топонимическом мотиве, объясняющем этимологию некоторых топонимов деятельностью чуди. Так, топонимами отмечены места прежней жизни чуди или места её самопогребения. С деятельностью чуди связывают происхождение дороги Важ йöz туй «Дорога древних людей»⁴. На верхней Вычегде есть озеро Чудин ты «Чудское озеро», в котором погибла часть чуди, уходящей на север, другая часть уходящей чуди якобы погибла на косе Чудин лыа «Чудская коса». На Вишере некоторые топонимы связываются с бегством и гибелю безымянной чудинки. Убегая, она теряет свои вещи, и они дают названия ряду ручьёв, озёр, рек. В р. Сапога «Сапожная» чудинка якобы утопила сапог, в оз. Сись пася «Гнилой шубы» она сбросила шубу и т.п. Наконец, в р. Нившере тонет она сама.⁵

Легенды с мотивом погибшей чудинки, которая тонет в реке (вариант — вешается) зафиксированы на рр. Мезени и Вашке, где девушка (чудская княгиня) представляется как последний человек из чуди, захоронившей себя. Она плывёт по Мезени и, причитая, шьёт шубу из лисьего меха, а, закончив шить — бросается в воды Мезени. Это место называется Лисьим плёсом. На Вашке сходный сюжет связывается с именем (Степана) Стефана Пермского.⁶ На Верхней Вычегде наблюдается инверсия этого мотива, здесь погибшей девушкой является не чудинка, а христианка, новокрещённая Ульяна.⁷ По легенде, Ульяна была одной из первых, крещёных на Верхней Вычегде Степаном. Печорский тун (шаман) Кыска (вариант — разбойники) сжигает часовню, и схватывает Ульяну. Чтобы не достаться язычнику (разбойнику) Ульяна выбрасывается за борт лодки и тонет. Это место

¹ Коми легенды и предания // Сост. Рочев Ю. Г.– Сыктывкар, 1984.– С. 21.

² Грибова Л. С. Указ. соч. 1991. Л. 64.

³ Криничная Н. А. Указ. соч. 1987.– С. 91.

⁴ Коми легенды и предания. 1984.– С. 20.

⁵ Там же.– С. 9.

⁶ Му пуксьём — Сотворение мира: мифология народа коми // Сост. Лимеров П. Ф.– Сыктывкар, 2005.– С. 182.

⁷ Уляшев О. И. Указ. соч. 1997.– С. 11.

называют Ульяновским, Степан строит возле этого места монастырь, который также называется Ульяновским. Кроме того, Степан настигает туна Кыску на Печоре и убивает, строит на этом месте церковь и Троицко-Печорский монастырь.¹ Таков основной круг текстов о чуди.

Анализ легенд о чуди позволяет выделить два вопроса, связанных с бытованием этих текстов в коми фольклоре. Во-первых, это вопрос появления в коми народной среде самого термина *чудь* и связанного с этим термином круга понятий, во-вторых, это проблема генезиса мотива *самопогребения чуди* — основного мотива коми чудских легенд. В русских летописях чудью называются финно-угорские племена, жившие по соседству с Новгородом, однако, после крещения *заволочской чуди* термин утрачивает значение этнонима, им называют уже только язычников. Начало употребления этого термина на коми почве возникает в XIV – XVI вв., когда коми народ вследствие христианизации был разделён на христиан и язычников, последних стали называть чудью уже свои, крещёные соплеменники, испытывавшие сильное культурное влияние русских. По сведениям «Жития» можно наблюдать разделение пермян на христиан и язычников, а затем наименование одних этнонимом *коми*, других — этнонимом *чудь*. Иными словами, изначально термин *чудь* фиксирует конфессиональную принадлежность языческой части народа с точки зрения её крещёной части. Со временем наименование *коми* становится фактом этнической самоидентификации, тогда как второе становится только фактом фольклора. Основные мотивы чудских легенд коми, каковыми являются мотивы самопогребения и миграции чуди в целом сходны с русскими, разница в том, что в русских преданиях эти мотивы зачастую сопровождаются мотивом насилия над чудью. Чудь вынуждают к самопогребению или уходу от своих жилищ новопоселенцы — новгородцы (русские), в коми легендах чудь никто не неволит, никто не забирает их земли, чудь хоронит себя или уходит из своих мест, спасаясь от христианизации. Генезис мотива самопогребения связан с представлениями о первопредках, живших в начале времён. В связи с этим рассмотрены и проанализированы тексты о карликовой чуди, как правило, оставляемые без внимания исследователями. Анализ текстов о карликовой чуди показывает, что в данном случае мы имеем дело с разновидностью космогонического мифа, описывающего космогенез как гибель мира первопредков — карликов, после которого формируется мир, современный рассказчику. Хронотоп карликовой чуди — это сжатое по вертикали пространство, где чудин, «с вершок» ростом, может достать рукой до неба, растут кустистые злаки, дающие колос от земли, дети чуди начинают ходить и говорить с рождения. Когда небо отделяется от земли, то этот мир исчезает и начинает формироваться мир людей: небо уходит вверх, начинают расти злаки с одним колосом, высокие деревья, исчезает чудесное деторождение и т.п. Исчезновение мира предков — первонаселенников мира мифологический сценарий описывает как уход карликовой чуди под землю, переосмыслимый в фольклоре как мотив самопогребения (самозахоронения) чуди. Мы полагаем, что сходные с вышеизложенными мифологические тексты были известны древнему финно-угорскому населению новгородской Обонежской пятины (Каргополье) и Заволочья. Русские колонисты, долгое время жившие бок о бок с *западнической чудью*, а кое-где уже и смешавшись с ней, восприняли эти

¹ Му пуксьём..., 2005.– С. 167–168.

мифологические сюжеты, но в ходе трансляции исказили их семантическую информацию. В результате появляются русские версии текстов, в которых описывается встреча двух чуждых друг другу культур — христианской славянской и чудской языческой, при том, что смена второй культуры первой кодируется в текстах мотивом самозахоронения. Иными словами, мотив самопогребения — это не что иное, как искажённая версия чудского текста о смене мифологических эпох. Искажённая версия, сохранив в качестве основной структуры наиболее «эпатажный» мотив, включает в его контекст новую семантику, видимо, более актуальную на тот исторический период времени. В ходе колонизации Севера, сопровождавшегося и христианизацией северного населения, по уже сформировавшейся традиции получавшей новый, как бы «переходный» этноним — чудь, этот «чудской сюжет» получил распространение на всей территории европейского северо-востока. Что характерно, он заменил автохтонные версии мифологического антропогенеза в традициях вепсов, коми-зырян, хотя эти народы, в отличие от народов Заволочья, сумели пройти через стадию «чуди» и восстановить свой этноним, уже христиански обоснованный. Относительно коми-пермяков надо сказать, что их христианизация прошла почти на столетие позже коми-зырян и, видимо, менее глубоко, поэтому в фольклоре наряду с новой семантической версией самопогребения сохраняются и прежние антропогонические варианты мифологических текстов, только соотнесённые с дохристианской эпохой, когда коми народ якобы назывался чудью.

Легенды второй тематической группы с мотивом плавания Степана на камне относятся к числу наиболее распространённых на Выми и Вычегде. Сам по себе мотив плавания (приплывания) Степана по реке на камне чрезвычайно важен для народной характеристики святителя. Поставленный в зacinе текста, он даёт представление о Степане, как о необычном путешественнике, наделённом чудесными свойствами. Природа чуда плавания на камне определяется рассказчиками сугубо точкой зрения христианской религиозности, сакральный авторитет Степана опознаётся по его способности общаться с третьей ипостасью Единосущной Троицы — Святым Духом: *«Степан Пермский, он со Святым Духом плыл, на камень ведь так просто не сядешь»; «Плыл он здесь на каменном плоту. Со святой силой, и не тонул каменный плот».*¹

Легендарная версия плавания не имеет точки отправления святого, в пространстве текста Степан появляется как бы ниоткуда, плывущим на камне в поле зрения жителей того или иного населённого пункта. Прибытие к каждому новому населённому пункту разворачивается в отдельный рассказ, объясняющий происхождение географического названия. Эти рассказы могут самостоятельно бытовать в пределах конкретного населённого пункта, однако, могут и сочетаться с другими подобными сюжетными мотивами, образуя сложные повествовательные конструкции, в которых мотив плавания разворачивается в сквозной сюжет, объединяющий ряд подобных текстов: *«Степан Пермский плыл по Вычегде на камне. Он, говорят, везде, под Серёгово и всюду плыл: «В Серёгово, здесь будет сользавод, век, мол, будут с хлебом и солью». Под Ёрысьдином плывёт: «Здесь всегда будут с лодками и досками, век им лодки делать». Через Иб плывёт:*

¹ Му пуксьём..., 2005.– С. 166.

*«Пусть, говорит, здесь всегда спят». Ибские ведь и спят, бывало, долго, дым у них всегда поздно поднимался (печки поздно топить начинали). В Березниках берёзы были, он и сказал: «Пусть берёза всегда будет». Сейчас вот от берёзы и деваться некуда. В Усть-Выми остановился, здесь и построил церкви. Степан Пермский, он со Святым Духом плыл, на камень ведь так просто не сядешь. Гора, где сейчас церковь — сделанная гора. Кирпич и землю таскали в подоле. Степан велел сделать эту гору».¹ Согласно логике сказа подобные повествования могут включать как угодно много близких по типу сюжетов, связанных с именем Степана. К примеру, рассказ А. М. Пасынковой, записанный в 1981 г., состоит из 11 эпизодов, представляющих собой самостоятельные сюжетные образования.² При этом сюжетообразующей основой является мотив плавания Степана, скрепляющий эпизоды в рамках единого текстового пространства. В сущности, этот мотив является репрезентацией более общей темы *пути* как «образа связи между двумя отмеченными точками пространства в мифopoэтической и религиозной моделях мира».³*

Путь Степана направлен из центра мира к труднодоступной периферии, и по мере его движения объекты, заполняющие или образующие пространство, связываются с высшей сакральной ценностью центра. Если начало пути Степана остается как бы за пределами текстов, то конец пути хорошо известен — это с. Усть-Вымь, которое легенды определяют в качестве главного центра языческой веры. Начало и конец пути разведены не только в географическом пространстве, но и по полюсам «своего» и «чужого», а также по религиозно-идеологическим полюсам «христианского» и «языческого». Это означает, что вся протяжённость пути Степана лежит во враждебном по отношению к нему и его миссии языческом, «диком» пространстве, и его, прежде всего, он должен окультурить и христианизировать. И Степан крестит живущую по берегам рек чудь: «Степан Великопермский плыл на каменном плоту, всех благословлял, чудь в христианство крестил»; «Однажды Степан Пермский поплыл вниз по Выми на каменном плоту. Он плавал в верховья Выми крестить. Кого смог окрестить — окрестил, а кто и в чудесные ямы зарылся».⁴ Однако целью путешествия Степана является Усть-Вымь, как максимально негативная точка этого пространства, из которой отрицательные энергии распространяются по всей языческой ойкумене. Здесь находятся основные языческие сакральные символы, которые должны быть уничтожены, но задача Степана не только в их ликвидации, он призван как бы переоформить языческую периферию в центр христианской жизни всего края.

Образ Степана Пермского — единственный фольклорный образ, общий для разных коми локальных традиций. Устные рассказы о его путешествиях распространены по всей Вычегде, на Сысоле, Выми, Мезени и Вашке, а также на верхней Печоре и Каме. Легенды этого типа являются повествованиями о событии происхождения географического названия, сельского прозвища, предсказания о судьбе села — связываемых традицией с образом Степана.

¹ Образцы текстов приводятся в переводе с коми языка автора статьи.

² Му пуксьём..., 2005.– С. 170–175.

³ Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура.– М.: «Наука». 1983.– С. 258.

⁴ Му пуксьём..., 2005.– С. 167–168.

Народная традиция приписывает Степану авторство значительного количества географических названий, несмотря на то, что сами населённые пункты были основаны значительно позднее его легендарной миссии. К примеру, согласно довольно поздней записи текста, название нижневычегодского с. Гам произошло от того, что Степан, якобы, собрал гамичей на строительство церкви, а они зашумели, и креститель назвал село Шумилиным Гамом.¹ Как видно, народная этимология на базе русского языка объясняет вторую и основную часть названия села через первую, хотя коми происхождение слова *гам* от коми *кам* — «токовище, село на месте токовища» не вызывает сомнений у лингвистов.² Само поселение Гам впервые фиксируется в 1586 г. как «погост Гам», 49 дворов.³ Другой пример: по историческим документам с. Носим на Верхней Вычегде было основано в 1638 г. крестьянином из д. Большелуг Авдеем Ивановым Лодыгиным.⁴ Легенда датирует наличие населённого пункта временем Стефана Пермского, и объясняет ойконим тем, что в те годы напротив поселения были большие пороги, и Степан был вынужден переносить вещи по берегу, отсюда — *носим* — фраза, якобы сказанная Степаном. Научной этимологии этого слова нет, но это в данном случае и не важно. Фольклорная этимология, привязывая происхождение топонима к имени Стефана Пермского, как бы меняет историческое время основания поселения мифологическим временем, в котором сам Степан выполняет роль если не демиурга, то пересоздателя мира. Его задачей в текстах подобного типа является не основание новых поселений, а переоформление старых. К моменту прибытия Степана населённый пункт якобы уже существует, и Степан, ориентируясь на некие, возникшие в момент прибытия обстоятельства, даёт ему новое название. При этом прежнее название исчезает, как будто его и не было вовсе.

Нередко момент переоформления ойконима сопровождается произнесением Степаном пророчества о дальнейшей судьбе поселения. Пророчество, также как и ойконим, соотносит существующие реалии с деятельностью Стефана Пермского, как бы сообщая информации стабильное, сакрально узаконенное качество, которое может измениться только в связи с крушением мира. К примеру, если Степан сказал, что с. Туглим будет торговым местом, а в с. Серёгово «вечно будут с хлебом и солью»,⁵ то действительно, как писал по поводу с. Туглим в середине XIX в. М. И. Михайлов: «Хотя положение селения не представляет никаких местных особенных выгод, здесь существует исстари несколько ежегодных ярмарок»,⁶ что касается с. Серёгово, то наличие соли здесь обеспечивалось солевыми промыслами. Характер пророчества может быть отрицательным, если новообращённые в христианство упорствуют в язычестве. Жителей с. Гам, тайно чтивших кумиров, Степан назвал «слепым» народом: «Да будет Гам слеп вовеки!» Как отмечал М. И. Михайлов: «Это наказание праведника лежит тяжёлым ярмом

¹ Материалы II // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы / Отв. ред. А. Н. Власов.— Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского государственного университета. 1996.— С. 109.

² Туркин А. И. Топонимический словарь Коми АССР.— Сыктывкар, 1986.— С. 26. См. также: Афанасьев А. П. Топонимия Республики Коми.— Сыктывкар, 1996.— С. 53.

³ Жеребцов И. Л. Населённые пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник.— М.: «Наука», 2001.— С. 106.

⁴ Жеребцов И. Л. Указ. соч. 2001.— С. 336.

⁵ Му пуксьём..., 2005.— С. 167.

⁶ Материалы II // Указ. соч. 1996.— С. 110.

над жителями Гама. Зыряне-гамичи подслеповаты и близоруки, а у прочих зырян слышут «слепородцами».¹ Поводом для подобного наказания может быть запрещение Степаном есть беличье мясо и конину. Нарушившим этот запрет жителям д. Кошки Степан завещает есть беличье мясо во веки веков, и за ними закрепляется прозвище: «едящие белок кошкинцы», тех же самых жителей с. Гам, употреблявших в пищу конину, Степан прозвал «гамскими рыжкоедами».² Последний мотив, актуализирующий соблюдение запретов на употребление в пищу конины и бельчатины, восходит к пищевым запретам, утверждённым каноническим правом XIV века в так называемом «Правиле о верующих в гады», в котором, в частности, предлагается длинный список запрещённых к употреблению в пищу животных, где среди прочих называются белка и лошадь.³ В повествовательном плане здесь имеет место нарушение этого запрета, которое квалифицируется Степаном как возврат к язычеству, недопустимый эксцесс, поэтому наказание нарушителей определяется не рекомендованным в Правиле четырёхлетним отлучением от причастия, а суровым приговором пребывать в нечистоте во веки веков. Не случайно ареал бытования мотива ограничивается только несколькими населёнными пунктами, по всей видимости, он отражает некоторые реалии миссионерской практики Стефана Пермского.

При рассмотрении генезиса легенд о Степане немаловажной оказывается проблема взаимовлияния литературных и устных текстов. Легенды третьей тематической группы содержат три сюжетных мотива: ослепление язычников, введение горы, рубка священной берёзы Степаном, имеющих параллели в основных эпизодах «Повести о Стефане Пермском» и в «Вычегодско-вымской летописи». Очевидно, источниками данных эпизодов «Повести» стали устные тексты, составлявшие местное церковное предание, складывавшееся по мере становления основных параметров культа св. Стефана Пермского в течение XV–XVII вв.. В «Повести» эти эпизоды получили более детальную проработку и в дальнейшем перешли в устное бытование в виде серии легенд о рубке Степаном берёзы, ослеплении напавшей на него чуди и введении горы.

«Повесть» представляет собой самостоятельное повествование о двух подвигах святого. Первым подвигом является чудо о наказании слепотой нападающих язычников, усиленное четырёхкратным повторением, причём вслед за мотивом наказания пермян слепотой с необходимостью следует мотив их духовного прозрения и воздвижения ими церкви Благовещения. Второй подвиг святого заключается в разрушении им языческой кумирницы с рубкой священной берёзы. Нетрудно обнаружить, что тексты устных легенд в целом повторяют основные контуры сюжета «Повести», хотя рассматриваемые нами мотивы часто используются рассказчиками отдельно друг от друга, в качестве самостоятельных сюжетообразующих единиц или же в составе контаминаций с другими сюжетными мотивами. Так, в самом первом по времени записи тексте П. Г. Доронина мотив наказания слепотой лежит в основе самостоятельного сюжета: «Вымичане неоднократно собирались убить проповедника Степана. Раз пришли к нему большой толпой, схватили его, хотели было тут же убить. Степан призвал на

¹ Там же.– С. 108.

² Там же.– С. 109.

³ Федотов Г. П. Русская религиозность. Часть I. Христианство Киевской Руси. X–XVIII вв.– М.: «Мартис». Т. 10.– С. 169.

помощь Бога, чтобы он наказал нападающих слепотой за непослушание. Нападающие вымичане тут же сразу все ослепли и стали просить прощения у Степана, упрашивая вернуть им зрение, обещав в будущем ему во всём повиноваться и не чинить насилий против него. Степан обещал вернуть им зрение, если вымичане воздвигнут напротив Архангельской горы другую такую же гору и выстроят там церковь. В слепом состоянии, корзинами и горстями вымичане наносили земли на холм, пока не образовалась «Степановская гора», и выстроили там церковь. Лишь после всего этого вернул им зрение Степан». Судя по всему, текст представляет собой запись по памяти спустя некоторое время после рассказывания, поэтому имеет определённую в таких случаях схематичность, однако, при этом текст сохраняет некоторые «книжные» параметры. Это касается, прежде всего, мотива обращения за помощью к Богу, нехарактерную для фольклорного образа Степана, решающего свои проблемы самостоятельно.

В повествовании оба мотива могут соединяться последовательно, взаимодополняя друг друга, нередко в повествовательную структуру легенды включаются новые сюжетные элементы, благодаря которым в тексте появляются дополнительные фабульные мотивировки. В упоминавшемся тексте, записанном от А. М. Пасынковой в 1981 г., развитие сюжета происходит за счёт интеграции в повествование эпизодов номинации с. Ляли и проклятия жителей с. Кошки, кроме того, имеет-ся как бы внесюжетный зачин в виде информации о самопогребении чуди, происходившем до приплывания каменного плата Степана на Вымь. Дополнительной мотивировкой прибытия святителя на Вымь является сообщение рассказчика о людоедстве Князя, жившего в с. Княж-Погосте. Степан неделю рубит топором огромную берёзу, стоявшую в центре культового места язычников. В ответ на это Князь посыпает 600 воинов, чтобы убить Степана, а заодно с ним и святых Питирима, Герасима и Иону. Напавшие на Степана язычники слепнут, и Степан приказывает им воздвигнуть гору, что они и выполняют, таская землю горстями и корзинами в слепом состоянии. После этого Степан возвращает им зрение и строит на горе церковь Михаила Архангела. Степан с Ионой плывут на каменном плоту до Коряжмы. По приказу Князя сорок солдат догнали Иону на Сидоре, убили его и замучили сорок человек в Усть-Выми. Тема людоедства Князя получает развитие в эпизоде поединка с ним св. Георгия Победоносного. Следует отметить, что даже повторяя основные сюжетные контуры Повести, сами мотивы возведения горы и наказания язычников слепотой имеют параллели, как в северорусской фольклорной традиции, так и в агиографии.¹

Легенды четвёртой тематической группы по своим структурным качествам сходны с текстами, определёнными А. С. Сидоровым как «колдовской эпос». В основе сюжета тех и других текстов лежит мотив колдовского состязания, когда вступившие в поединок колдуны бьются друг с другом, используя магические средства. Включив в качестве положительного героя Степана, традиция внесла в исходный колдовской сюжет религиозные корректизы, перекодировав перво-

¹ См об этом: Соколова В. К. Об этнографических истоках сюжетов и образов преданий // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов.– Л.: «Наука», 1984.– С. 135; Криничная Н. А. Предания Русского Севера.– СПб.: «Наука», 1991. №№ 120, 124, 126, 129; 284–293; Барсов Е. Преподобные Обонежские пустынножители // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–69 г. Петрозаводск.– С. 22–23, 28–29. Фроянов И. Я. Загадка крещения Руси.– М., 2007.– С. 99.

начальную мотивировку сюжета состязания сильного и слабого колдунов на сюжет состязания христианского и языческого магов. Исследование показало, что созданный в литературной среде образ святого подвижника Стефана Пермского не был усвоен народной традицией. Это произошло потому, что в устной культуре язычников не могло существовать понятий христианского подвижничества, и, попадая в среду иноверия, христианский образ включился в привычную мифологическую матрицу.

Основной персонаж, вокруг которого объединяется цикл легенд с мотивом поединка, назван в текстах «туном». Очевидно, тунами в дохристианскую эпоху называли шаманов, во всяком случае, действия этих героев во многом напоминают шаманские. Прежде всего, это касается их способности перемещаться в подводном мире, воздействовать на природные стихии, обращаться в животных и рыб, они неуязвимы к воздействию оружия и фактически бессмертны. Это могучие люди с языческими именами — Ошлапей, Мелейка, Палляйка, Корт-Айка, Кыска, что свидетельствует об их несомненном отношении к идеологии языческого мира. Степан вынужден схватиться с ними в поединке, чтобы доказать превосходство своей веры. Но качества, которые он проявляет в этой борьбе — это, скорее, качества мага, чем святителя.

В сущности, поединок св. Степана и туна — это состязание в магии. Начинает обычно тун, а Степан предпринимает ответные действия. Ошлапей насыпает на плывущего в лодке святителя огромные волны, но Степан произносит заклятие, и волны утихают. В единоборстве с туном с. Тыдор Палляйкой Степан идёт по воде, тогда как колдун плывёт под водой. Видя, что тун силён, Степан произносит заклятие, и тун начинает задыхаться. Вынырнувшего колдуна св. Степан бьёт крестом по голове и заставляет снова нырять под воду. Тун Мелейка варит на берегу Мезени пиво, когда проезжающий на лодке Степан произносит заклятие: «Сусло стой, сусло не беги!» Тун отвечает: «Коли сусло стой, то и лодка стой!» — и лодка Степана замирает посреди реки. Обменявшись первыми заклятиями, противники схватываются на берегу. Мелейка «закричал по-звериному», стал метать в Степана стрелы, тогда святитель произнёс заклятье, и стрелы противника отскочили от него, не причинив вреда. Мелейка нырнул в чан с пивом, и пиво, забурлив, вылилось из чана, затопляя местность. Степан произнёс противозаклятье «на огонь и сусло», и ошпаренный Мелейка с криком побежал к реке. Корткеросский тун Корт-Айка и печорский Кыска промышляют тем, что перетягивают поперёк рек железнную цепь, чтобы не пропустить проплывающего Степана. Святитель крестом ударяет по цепи, и она лопается. Когда неуязвимый для оружия, обладающий железным телом Корт-Айка пошёл напролом на св. Степана, тот ударил его крестом по голове, и тун упал как подкошенный, сразу испустив дух.

Все туны обладают властью над стихией воды, и, как правило, утеря этой власти ведёт к гибели туна. Так погибает Корт-Айка, исчерпавший водяные заклятия, Ошлапей, Палляйка, Мелейка, Кыска — терпят поражение в «своей» водной стихии, укрощённой заклятиями более сильного Степана Пермского. Кстати сказать, Степан Пермский оказывается в роли нового повелителя водной стихии — он путешествует по поверхности воды, а не под водой, как это делают туны. Противник святителя умирает в страшных мучениях, и каким образом

облегчить ему смертный час тоже знает Степан Пермский. Он советует перерезать пояс Мелейки, даёт указание бить наотмашь от себя топором заговорённого от оружия Кыску, стрелять из лука в Ошлапея особым образом. Места гибели тунов становятся значимыми топонимами. По месту смерти Ошлапея называется село Ошлапье, на месте гибели Кёрт Айки основано село Корткерос, на месте гибели Кыски Степан строит церковь и Троицко-Печорский монастырь.

Мотив поединка, с одной стороны, близок по семантике мотиву колдовского состязания, и, в силу этого, легенды о Степане могут включаться в группу текстов так называемого «колдовского эпоса», а с другой стороны, по типу персонажа-антагониста эти легенды легко сближаются с группой преданий об отверженных героях-тунах (волхвах), волшебные качества которых оцениваются фольклорным миром как демонические. Эти герои обладают чудовищной силой и сверхъестественными способностями, мотив избавления от них достаточно устойчив в жанре преданий. Было бы заманчиво представить Степана в качестве эпического героя-мага, освобождающего народ от демонических угнетателей — тунов. Неожиданно близкие параллели к мотиву поединка Степана с волхвом обнаруживаются в древнеирландской агиографии, где в качестве соперников легендарного крестителя ирландцев св. Патрика выступают друиды. В житии св. Патрика эпизод поединка святого с друидами имеет важное значение, поскольку с него начинается обращение ирландцев в христианскую веру. При этом, как отмечает исследователь ирландской агиографии Г. В. Бондаренко, «в воображении агиографа св. Патрик сам приближается по свойствам магу-друиду».¹ Очевидно, в том и другом случае мы имеем дело с народной интерпретацией событий крещения. Соответственно, чудеса, творимые святым в поединке с волхвом, по составу близки магическим. Разница лишь в том, что они производятся именем христианского Бога, и вступившие в единоборство святой и волхв имеют силы совершенно противоположной природы. Если волхв обладает силой, природа которой явно хтонического происхождения, то святой всегда выступает в роли божественного посланца, и природа его силы — небесная.

В заключении можно сказать, что тексты легенд и преданий о христианизации созданы уже христианской культурой, поэтому имеют соответствующую точку зрения на оценку описываемых событий. По-видимому, была и другая, языческая (чудская) точка зрения на эти события, а значит, и другой круг текстов, который сохранялся и бытовал, пока процесс христианизации коми не был завершён окончательно. Какова была эта точка зрения, была ли негативной, включала ли совершенно другой круг героев, а может, она порождала иные, неизвестные сегодня жанры, к примеру — эпос о крещении, где главным положительным героем был бы языческий волхв Пам — нам уже, может быть, не узнать никогда. Героем становящейся коми христианской культуры стал Стефан Пермский (Степан Перимской), причём, в первую очередь героем, а не святым, поскольку героико-магическое начало в его образе явно превалирует над святостью.

¹ Бондаренко Г. В. Мурьху Мокку Махтени: христианизация древней Ирландии и рождение национальной святости // Одиссей. Человек в истории.– М.: Наука, 2006.– С. 358, 360.

Александр Красов

Красов Александр Васильевич (1865–?), священник, литератор, переводчик. Родился в Вологодской губернии. Был священником, имел учёную степень кандидата богословия. В 1890-х преподавал в Петербургской духовной академии. Книга Красова А. В. «Зыряне и просветитель их святой Стефан, первый епископ пермский и устьвымский (1383–1396)» была опубликована в 1900 г. на французском языке в Париже под названием «Жизнь, нравы и экономическое состояние зырянского народа Северо-Востока России с изложением его языческих культов и обращения в христианство». Как образцы народной поэзии в книге на французском языке были опубликованы стихи Куратова И. А. «Зон» и «Порысь морт». В книге публиковались и благодарственные письма

Красову А. В. президенту Франции Феликса Фоора и королеве Англии Виктории «за подаренные экземпляры русского варианта книги». Красов А. В. был и переводчиком на коми язык.

Зыряне и св. Стефан Епископ Пермский*

Начало в № № 2 и 3 2013 г.

Глава II

Войтэл

О существовании этого божества у Пермян и Зырян имеем только одно свидетельство в грамоте митрополита Симона к Пермскому народу 1501 года. Кроме этого, свидетельства о *Войтэле* мы не нашли нигде. В народном предании сохранились смутные воспоминания об этом божестве.

Митрополит Симон в своей грамоте к Пермякам, обличая их в несоблюдении постов, в безнравственной жизни, в соблюдении языческих обрядов, между прочим говорит следующее: «А кумиромъ бы есте не служили, ни требъ ихъ не принимали, ни *Войпелю* болвану не молитеся по древнему обычаю, и всѣхъ Богу ненавидимыхъ тризницъ не творите идоламъ»¹. Из этого послания митрополита Симона видно, что у Пермян, жителей Великой Перми², просвещённых христианством, почти на столетие позже Зырян, именно в 1462–1463 гг., в 1501 году ещё сохранялись идолы, которым совершались жертвоприношения, как и прежде. Между прочими идолами-кумирами митр. Симон отличает *«Войпеля болвана»*. Трудно сказать, когда появилось это божество в Зырянской мифологии. Быть может, оно было древнейшее, древнее *Йомалы* и *Зарни-Ань*, а потому и наиболее чтимое жителями Чусовской Перми. Быть не может, если бы Пермичи воздавали большие почести

* Публ. по изданию Зыряне и св. Стефан Епископ Пермский. СПб., 1897.

или даже равные другому какому-нибудь идолу, чтобы митрополит Симон не упомянул о них в своей грамоте. Может быть, оттого и не сохранили известий о «*Войпеле*» ни наши летописи, ни сказания иностранцев, что оно было древнейшее, неизвестное им божество. Недаром митрополит Симон указывает на древний обычай моления этому идолу.

Что же было за божество *Войпель*?

Разбирая это название этимологически, получим: «вой» — ночь³, «пель» — ухо. Так как по правилу зырянской речи имя существительное, стоящее впереди другого существительного, получает значение прилагательного, то «вой» в соединении с «пель» значит ночное или северное ухо. Из этого словообразования и значения слов — «вой» и «пель» и выводят весь смысл и значение этого зырянского божества.

Г. Михайлов в своей статье «Устьвымъ» приходит к следующему заключению относительно этого божества: «Думаем, что этот истукан почтился неусыпным стражем, верным хранителем, защитником народа»⁴. С этим толкованием согласны и другие исследователи быта Зырян: гг. Пенн, К. Попов и Рогов. В основу такого толкования приводят слова волхва Пама, обращённые к св. Стефану: «Наша вѣра лучши есть (т. е. вашей, Стефановской): вѣсті у нась вскорѣ бывають; еже бо что сдѣлется на далнѣй странѣ, на иномъ градѣ, на девятой земли, сего дни доспѣлося что, а сего дни въ томѣ часѣ вѣсті у нась упльные обрѣтаются, его же вы християне неудобъ возможете увѣдати, во многи дни и во многа времена не увѣдадете»⁵. Таким образом, *Войпель*, будучи неусыпным стражем, передавал через жрецов вести из чужих стран. Изображение этого идола соответствовало его служебному назначению: он имел фигуру человека, сидящего верхом на коне и трубящего в рог⁶.

Как неосновательны эти догадки и подтверждения исследователей относительно характера божества *Войпель*, тем не менее правильность определения его нам представляется сомнительным, и тем более, что ни в предании, ни в сказках Зырян нет и помину о *Войпеле*, как неусыпном страже. Нам кажется правдоподобнее происхождение этого божества ставить в связь с другими языческими божествами и производить из явлений природы.

Если *Йомала* был бог грозы, грома и молнии, *Зарни-Ань* — богиня суровой северной зимы, то *Войпель* (загадочное божество), по нашему мнению, был бог холодного, северного ветра. Такое мнение находит себе подтверждение и в предании Зырян и в существовании подобных богов у соседних, родственных Зырянам народов. У Зырян сохранилась следующая отрывочная присказка: «Тэлэ, тэлэ! кэнъ тэнадъ пѣчидъ? — Вѣтеръ, вѣтеръ! скажи, гдѣ твоя бабушка? Или: «Тэлэ, тэлэ! пѣчидъ кулы» — Вѣтеръ, вѣтеръ! твоя бабушка умерла. Таким образом, в сознании народном предполагается существование у «тэла» (ветра — отца, матери, бабушки)⁷.

У Черемис был бог *Тулъ-Юма*, управлявший ветром⁸. Вотяки и теперь ещё имеют божество, называемое *Тэлъ-Пери* — ветер, несущий поветрие. Припомним, что в Обдорском крае северный ветер часто предвещает сильные морозы, а за ним следуют снег и выюга, и что северные ветры приносят большую гибель народу в Зырянском крае. Зимой они заносят снегами целые селения, проезжающих в дороге засыпают снегом и нередко хоронят их на полях навеки; весной — затоп-

ляют поля и лишают таким образом жителей хлеба. Мурманские Поморяне и теперь обращаются с мольбою к ветру⁹. У язычников-Славян был *Стрибог* — бог ветра¹⁰. Таким образом, и природа Зырянского края, и предание, и существование божества-ветра у родственных Зырянам народов убеждают нас признать и у Зырян божество с таким же характером. Догадываемся, что в грамоте митрополита Симона вкрадась ошибка в начертании имени божества: вместо *Войтэл* написано «*Войпель*»¹¹. Ошибка в букве *p* вместо *t*¹². Эта-то ошибка и дала повод исследователям Зырянского быта заключать и разъяснять существование какого-то таинственного божества у Зырян: *Войпеля* — ночного уха. Не зная утвердительно, в каком виде изображался у Зырян *Войтэл*, заметим только то, что на Печоре, в центре Зырянского края, есть гора под названием *Вой*, с ручьём того же имени. Из этой горы с XVII века добывается превосходный брус. С одной стороны — принимая во внимание название этой горы, с другой — особое почитание язычниками-Зырянами гор и, в частности, именно этой горы¹³, думаем, что эта гора¹⁴ признавалась местопребыванием *Войтэла*. А из того, что Богуличи, как и Самоеды, поклонялись при реке Лосве горе, похожей на оленя, можно думать, что и древними Зырянами, поклонниками гор, бог ветра представлялся в виде горы, напоминающей чем-нибудь это животное¹⁵.

Мы представляли по возможности полное очертание Зырянских богов. Нам не известно, были ли ещё какие-нибудь языческие божества у Зырян. Монах Епифаний, изображая язычество Зырян в XIV веке, говорит, что богов-идолов у них было очень много. Князёк Зырянский Пам в защиту своей веры говорил св. Стефану: «Вѣра наша многимъ паче лучши есть вашеѧ вѣры, понеже у васъ, у христіянъ единъ Богъ, а у насть мнози бози, мнози поспѣшницы, мнози поборницы; тѣ намъ даютъ ловлю и все елико въ водахъ, и елико на воздусѣ, и елико въ блатехъ и въ дубравахъ, и въ бортѣхъ и въ лузѣхъ, и въ порослехъ, и въ чащахъ, и въ березникѣ и въ соснягѣ, и въ елникѣ, и въ раменѣ и въ прочихъ лѣсѣхъ, и все елико на древесѣхъ, бѣлки или соболи, или куницы, или рыси и прочая ловля наша; отъ нихъ же и до васъ достигнуть нынѣ, нашею ловлею»¹⁶. Св. Стефан, «по лѣсу обходя безъ лѣни съ учениками своими и по погостомъ распытуя, и въ домѣхъ изискуя, і въ лѣсѣхъ находя, и въ привежкѣхъ обрѣтая, и здѣ и ондѣ», — везде у Зырянъ находилъ идоловъ¹⁷. Известно также, что язычники-Зыряне для каждого промысла имели особого идола: для промысла соболей имели одного идола, другого для лосинного и т.д.¹⁸. Не зная ни наружного вида других Зырянских богов, ни значения их власти, приведём описание идолов, находимых при раскопках в разных местах Европейской и Азиатской России, — в старинных обиталищах финского народа, — укажем сходство их по наружному описанию с Зырянскими идолами и тот материал, из которого были приготовлены те и другие.

По свидетельству г. Спасского, идолы или каменные статуи самые древние находятся в Восточной Сибири и на Алтайском хребте, что, по его мнению, и указывает на первобытное отечество народа, соорудившего эти памятники¹⁹. На равнине около реки Абакана, впадающего в Енисей, найден истукан, изображающий мужчину²⁰. В левой руке его — чаша²¹, против головы копьё, под которым изображена птица, ниже — фигура мальчика с чашкой в руке; на левой стороне идола изображены два человека — один с копьём на лошади, другой пеший с огромным луком²². Недалеко от этого истукана найден другой с безобразным

женским лицом, под названием *Куртъяк-там*²³. По левую сторону статуи изображён мальчик с остроконечной шапкой на голове, по правую сторону — фигуры верблюдов²⁴. Этот каменный идол был в большом почтении у туземцев. Отправляясь на промысел, они клали в рот истукана масло и табак²⁵.

Такие каменные идолы или статуи были находимы и в разных местах Европейской России. Так, на юге от Астрахани был найден истукан, привезённый, как утверждает г. Эйнхвальд, с берегов реки Маныча. Описание этого идола следующее: на толстой голове истукана виден платок с треугольным концом впереди, позади идёт тот же платок в виде мешкообразного шлейфа до кос; длинные груди висят почти до самого желудка, выпукло выдающеся; ниже живота истукан держит обеими руками цилиндрическую, небольшой длины, чашу²⁶.

В южных пределах Европейской России, в частности — в окрестностях Ставрополя, было найдено множество подобных каменных истуканов женской фигуры; все они изображены с плоской остроконечной шапкой²⁷, у всех видна чаша, которую они держат в руках у нижней части желудка, голова весьма толстая, туловище средней толщины, руки и ноги длинны и тонки, глаза малы, нос и рот больше²⁸. По уверениям Эйнхвальда, эти каменные идолы — произведение народов финского племени, именно Команов, соорудивших эти памятники ещё ранее XII века²⁹. В доказательство он приводит свидетельство Рубриквиса, посланника французского короля Людовика IX, при татарском Мангу-Хане. Рубриквис уже в 1253 г. описывал каменные статуи. Он рассказывал, что *Кожаны* имеют обыкновение делать насыпь над могилами покойников и на них ставить статуи, обращённые к востоку и держащие в руках чашу, что они над телами богатых устраивали пирамиды и небольшие островерхие домики и проч. Это известие, по мнению Эйнхвальда, заслуживает полного внимания, потому, что оно прямо указывает на *Команов*, как на тот народ, который соорудил каменные статуи или идолы³⁰. В самом деле, если сравним каменных идолов, приписываемых *Команам*, с идолами Зырян и Пермяков, по описаниям Стурлезона, Герберштейна и Гваньини, то найдём между ними сходство. Безобразный истукан *Зарни-Ань*, по описанию, сходен с помянутыми каменными статуями, в особенности с идолом *Куртъяк-там*: оба идола изображались с мальчиками; даже обрядовая сторона служения идолам почти одна и та же: рот *Зарни-Ань* Зыряне мазали кровью и салом от жертвеннного оленя, а в умилостивление *Куртъяк-там* клали идолу в рот масло, табак и проч. Чаша, которую увидали Скандинавцы на коленях *Йомалы*, была при каждом каменном истукане древних *Команов*³¹. Рассказ Рубриквиса о насыпях, делавшихся вокруг каменных статуй, вполне применим к описанию храма идола *Йомалы*, кругом которого были также гробницы и курганы, где хоронилось оставшееся после покойников богатство.

Разница между каменными статуями *Команов* и идолами Зырян, по нашему мнению, состояла только в материале. Так, жизнеописатель св. Стефана, инок Епифаний, очень часто и всегда положительно говорит, что идолы Зырян были деревянные. «Болваны изъваанные, истуканныя — древо суще бездушно, дѣло рукъ человѣческихъ», — говорит он об идолах³². О разрушении Зырянских идолов св. Стефаном Епифаний рассказывает так: «Богы ихъ раскопа, еже суть бльваны издлѣбенныя... И обухомъ въ лобъ бъяше идолы и по ногама съкрушаše я и сѣкирою ссѣчаше я и на удеса рассѣкаше я, і на полѣніе раздробляше я... і до

конца искореняше я, і огнемъ сжегаше я, і пламенемъ испепеляше я... и не могоша идоли вредите его»³³. Отсюда ясно, что идолы Зырян были сделаны из дерева, а не из камня или металла; с каменными или металлическими идолами нельзя бы было так быстро справляться: колоть топором на мелкие части и сжигать³⁴.

Какая же была причина того, что язычники-Зыряне имели идолов деревянных, а не каменных или металлических? Последние, разумеется, отличались бы несравнимой прочностью. Известно, что у Зырян не было недостатка в камне, в их владении была целая гора Брусяная. Из этой одной горы можно было пополнить каменными идолами все кумирницы и дома.

Мы уже говорили выше, что язычники-Зыряне в числе других гор обожали и Брусяную гору³⁵, почему и полагаем, что ломать из этой горы камни, хотя бы и для приготовления идолов, считалось преступлением.

Зыряне не имели недостатка и в металлах. По свидетельству Стурлезона, на коленях идола *Йомалы* была огромная серебряная чаша, наполненная монетами, а в кладбищах было зарыто столько золота и серебра, что Скандинавские купцы решились воспользоваться этим богатством. Монах Епифаний также утверждает, что в Зырянских кумирницах было так много золота, серебра, меди, олова и железа, что св. Стефан признал нужным предупредить от соблазна своих учеников и последователей: «Бѣ бо възбранивъ преподобный ученикомъ своимъ сі і отрокомъ своимъ, служащимъ ему, не повелѣ отинюдь взяти что отъ кумирницъ или златное, или сребреное, іли мѣдь, или желѣзо, или олово или иное что»³⁶. Из этих свидетельств ясно, что у Зырян металлы были в избытке. Нельзя сказать, чтобы они не знали или не умели приготавлять идолов из металла, при их знакомстве с культурными народами, например, Булгарами, которые знали это искусство. Если же у Зырян не было ни каменных³⁷, ни металлических идолов, несмотря на избыток того и другого материала, то остаётся предположить одно, что у них существовал такой обычай, по которому идолы приготавливались из дерева, а не из другого материала. Нам известно, что этот обычай существовал и у других народов, например, идол Святовит на острове Руяне был вырезан из дерева, Перун и у Киевлян был тоже деревянный, только голова у него была серебряная, уши золотые и ноги железные. Подобный Киевскому, был Перун и Новгородский³⁸.

Все ли идолы Зырян изображались в виде человека, сказать трудно. Известно, что Остяки изображают своих богов и в виде человека, и в виде животных, например, оленя³⁹. Богуличи вырезывали своих идолов из дерева в виде человека, вставляя глаза из свинца или кораллов⁴⁰. Корреспондент Академии Наук Я. Фриз в своей «Летописи города Устюга» говорит, что в 1779 г. Ярославский и Вологодский Генералъ-Губернатор Мельгунов отыскал в Зырянских странах медных идолов, изображавших большей частью зверей, соболей, лисиц, которые и представил Императрице Екатерине II, что эти идолы, вместе с некоторыми Зырянскими книгами, поступили в Эрмитаж, но что Зыряне считали их не своими богами, а Богуличскими, и даже не богами их, а изображениями жертв, приносимых идолам⁴¹. Из данных относительно Остяков, Богуличей и других северных народов можно заключать, что и Зыряне некоторых своих богов изображали в виде зверей, например, в виде оленя, соболя и проч.⁴².

Местом пребывания многочисленных Зырянских богов были: каменные уще-

лья, пещеры, высокие и крутые каменные горы, высокие деревья; им посвящались речные берега, в лесах рощи, холмы. С развитием языческого культа, боги-идолы Зырян помещались в особо устроенных храмах или кумирницах⁴³. О внешнем виде и внутренней обстановке этих храмов можно судить по языческим храмам родственных Зырянам народов: Остяков, Богулов, Черемис и др.

Богуличи имели свои кумирницы в лесу, сделанные из досок; в них они ставили своих идолов. Они имели языческие капища и в горных пещерах и горах⁴⁴. Черемисы для молитв и жертвоприношений огораживали тыном рощу или лес с известным числом дерев, из которых каждое было посвящено особому богу⁴⁵. Остяки и Вотяки до сих пор имеют свои кумирницы или *керемети*, также в лесу, приготовленные просто, из деревянных досок⁴⁶.

И Зыряне имели свои храмы в лесу, загороженные высоким забором, каков был, например, храм бога *Йомалы*, описанный Стурлезоном. Из этого описания, дополненного Шлецером, видно, что храм *Йомалы* отличался изяществом постройки и богатством украшений. И это неудивительно, во-первых, потому, что Зыряне не всех своих богов одинаково почитали; некоторые из них пользовались такой славой, что к ним приходили для молитв из дальних стран с богатыми жертвами⁴⁷; во-вторых, Зыряне путём обширной торговли, познакомившись с культурными народами, само собой, постепенно, перенимали от них искусство в постройках языческих храмов и украшении их.

Не так были богаты со вне и внутри обычные храмы Зырян⁴⁸. Это были обширные, деревянные здания, в виде сарая, крытые кровлей самой грубой работы. Средину храма занимал главный идол, которому посвящался храм, а вокруг него располагались другие идолы, жертвенные орудия и священные предметы. Идолы были в большом и малом виде, чаще во весь рост, деревянные, резные, с грубым очертанием частей человеческого тела и подобием человеческого лица⁴⁹. Как главного идола, так и остальных, второстепенных, Зыряне тщательно обёртывали приносимыми в дар шкурами пушных зверей, разными тонкими тканями, обвязывали металлическими вещами, отчего идолы делались очень толстыми, а приносители жертв, по мере их утолщения, больше боялись и благоговели перед ними.

Внутри храма по стенам развешивались приношения Зырян, состоявшие преимущественно из шкур зверей: соболей, бобров, куниц, выдр, лисиц, росомах, горностаев, белок, медведей⁵⁰. В важных случаях Зыряне приносили в жертву идолам и домашних животных: лошадей, коров, овец. В дар идолам приносились также вещи домашнего употребления и произведения земли⁵¹. Этими приношениями поддерживались языческие храмы Зырян; кроме того, они имели и постоянные доходы с полей, лугов, торговцев и промышленников.

Языческое богослужение у Зырян было общественное и домашнее или частное. Для общественного богослужения Зыряне собирались из «дальних погostов за три дня, и за четыре, и за неделю соущи»⁵², с богатыми дарами и по особенному случаю. Такими случаями были общественные бедствия, например: неурожай хлеба, наводнение, падёж скота, приписываемые гневу суровых Зырянских богов.

Богослужение начиналось тем, что принесённые в жертву богам дары: олени, дичь, рухлядь и проч. отдавались жрецам. В то время, как жрецы выбирали жертвенных животных, народ становился в кружок около идола. Затем главный

жрец представлял идолу назначенных ему животных; народ падал на колени. В это время жрец с поднятыми руками громко взывал к идолу, прося его о прекращении несчастия, о здравии народа, плодородии, успехе в зверином промысле и рыбной ловле. После этих прошений, по данному главным жрецом знаку, один из стоящих вблизи жертвенного оленя стрелял в него из лука, а прочие доказывали его копьями или другими орудиями. Убитого оленя протаскивали за хвост и рога трижды вокруг идола; затем мазали рот и глаза идола кровью, запёкшуюся в сердце жертвенного животного, а оставшуюся кровь, собранную в особый сосуд, выпивали жрецы и народ. Потом снимали кожу с животного, которую вместе с черепом и рогами вешали на сосну вблизи храма. Разрезанное на части мясо животного тут же варились или жарилось над разведённым огнём; лучшие части поступали в пользу идолов и жрецов, а худшие разделялись между жертвователями, которые тут же и съедали. Обряд заканчивался пляской и криком народа.

В частных случаях, при домашних нуждах, каждый Зырянин приносил жертвы своему домашнему идолу в виде малых звериных кож, рыбы, птиц и пр. Поднимая руки перед ним и благодаря за промысел, Зырянин падал на колени и с криком «сьой» (ешь), намазывал рот идола кровью и жиром животных. Чем удачнее был промысел, тем обильнее приносились и жертвы идолу.

Для прекращения болезни совершались жертвоприношения всегда у жилища больного. В руки больному давалась верёвка, которой было привязано животное, назначенное в жертву. Между тем жрец творил молитву. Но как только больной потягивал за верёвку, животное немедленно закалывалось, кровью его намазывались губы идола, а мясо варилось и истреблялось. Если же больной не выздоравливал, идол подвергался ругани и даже побоям.

Эти черты языческого богослужения Зырян выведены нами частью из остатков языческих обрядов, сохранившихся у Зырян до настоящего времени, частью из сопоставления их языческим обрядам соплеменных Зырянам народов: Вотяков, Богулов, Черемис и Остяков.

Так, Богулы и Черемисы для жертвоприношений верховному божеству *Йоме* собирались (одни мужчины) в священные леса, в тёплую и ясную погоду, летом и зимой, в белой одежде, становились перед идолом на колени и, смотря на небо, кланялись ему до земли; призывали на помощь *Йому* и его помощников, просили его о плодородии земли, здравии и успехе в ловле зверей. Затем принесённых животных закалывали, варили и ели все; остатки жертвенного мяса брали домой и съедали с семейством⁵³. Кроме животных, в жертву богам приносили также пиво и вино, которое уничтожалось жертвователями по окончании молитв и прошений, обращённых к идолу⁵⁴.

Остяки совершают празднества в честь особенно чтимых богов дважды в год. В эти дни приносятся общественные жертвы из оленей, лошадей и петухов. Первое из этих празднеств совершается в лесу. В большой юрте ставится идол⁵⁵ или кусок дерева, верхушка которого обделана на подобие человеческого лица и обита жестью или серебром. На божка надевается рубаха из цветного сукна, украшенного золотыми и серебряными позументами, а иногда и несколько таких рубах. Затем навешивают на него кожаные шкуры и разные мелкие вещи. Начало жертвоприношения божеству открывает шаман. Он звонко ударяет в бубны.

Женщины с криком начинают бегать вокруг идола, а мужчины вооружаются ножами и тоже поднимают крик. Затем жрец завязывает глаза жертвенному животному, и после двукратного обхода вокруг идола он ударяет обухом в голову животного, а в это время другой жрец вонзает нож в сердце животного. Кровь собирается в чашу, и жрец, обмакнув в неё палец, делает на каждом идоле чёрточки. Остатки крови выпиваются жрецами и народом, а мясо жарится на огне, части его (лучшие) подносятся идолам, а остальные разделяются между жертвователями. Пляской и криком оканчивается празднество⁵⁶.

Второй праздник совершается в честь рыб. Остяки гурьбой на лодках доплывают до средины реки, потом поднимают вёсла и хлещут ими по воде с криками. Затем приплывают к берегу с пойманной рыбой, и жрец приносит в юрте божку жертве. Кровью и жиром рыбы намазывают губы идола, а сама рыба съедается жертвователями⁵⁷. При этих жертвоприношениях жрецы дают народу знать о том, приятна ли богу жертва. Если жрец, после многих кружений, падал без чувств, и из его рта выходил голубой дым, то, значит, жертвы приятны богу⁵⁸. Праздники, подобные описанным, совершаются и Вотяками в честь бога *Керемета*⁵⁹.

У Зырян, с принятием христианства, праздники языческие слились с днями христианских праздников или святых. Доказательство видим в том, что в дни некоторых, празднуемых весною и летом, святых, напр., св. Прокопия Устюжского (8 июля), пророка Илии (20 июля), мучеников Флора и Лавра (18 августа), Модеста (16 мая), Харалампия (10 февраля)⁶⁰, Зырянами совершаются обряды, много напоминающие собой языческие празднества. В один из этих дней, утром, до богослужения, приносится к церкви целым обществом бык, или три овцы, или телёнок. В церковной ограде убиваются эти животные, и мясо делится на три части: одна — богу, т. е. в церковную казну, другая — причту, а третья варится в расставленных близ храма больших котлах. По окончании обедни и по совершении вокруг полей крестного хода, Священник над расставленным на столах сваренным мясом читает молитву и окропляет святой водой⁶¹. После этого освящённое мясо, разрезанное на мелкие части, разносится старостами и десятскими в особых сосудах. Зыряне при этом обряде тут же, на месте, съедают полученную часть, а отсутствующим уносят частички мяса в их дома. Как на дом принесённые части, так и полученные на месте, потребляются без хлеба и непременно натощак, иначе жертва не достигает цели. Кровь от жертвенных животных, собранная в особый сосуд, вместе с костями и полученным отваром, зарывается глубоко в землю, чтобы не досталась на поругание собакам или другим животным.

Праздник этим не кончается. Ещё накануне варится Зырянами общее, из сбора с каждого домохозяина, пиво. С наступлением вечера праздничного дня, после совершения священного обряда, Зыряне со всего погоста отправляются к старшине или старосте, у которого варилось пиво и заготовлен *курыд юан*⁶², и здесь-то они продолжают свой праздник, обыкновенно заканчивающийся широким разгулом и разнузданностью, очень близко напоминающими языческие празднества⁶³.

Подобные празднества совершаются Зырянами и в конце лета, по случаю обильного урожая хлеба⁶⁴, зимой, по случаю улова зверей, или наоборот, при случаях каких-нибудь болезней на домашних животных и прочее⁶⁵.

В развитии языческого религиозного культа Зырян видное место занимает

особый класс людей «Шаманов», «Тунов» или жрецов. Мы не ошибёмся, если скажем, что как в самые отдалённые времена язычества в руках жрецов или «Тунов» находилась духовная власть в связи со светской, так и перед началом христианства у Зырян ими одними поддерживалась языческая религия, так ещё и до сих пор существует этот особый класс лиц у Зырян и сохраняет ещё в глазах тёмного народа всё своё прежнее значение. Поэтому изложим о древних языческих жрецах у Зырян, по возможности, подробнее.

Известно, что во времена глубокой древности, Финны славились чародейством⁶⁶. Они продавали иноземным мореходцам попутный ветер, завязанный в трёх узлах, по мере развязывания которых он усиливается и, наконец, при развязке всех трёх узлов поднималась буря, которая была укращаема ими одним движением руки. В стакане вина Финн видел судьбу своего вопросателя и предсказывал ему всю его будущность. Финн-волшебник излечивал самые опасные болезни и даже лечил отсутствовавших. Изумлённые этим волшеством, иноземцы приезжали к Финнам обучаться их колдовству и не могли надивиться их искусству⁶⁷.

Будучи одного происхождения с Финнами, Чудские или древнепермские волхвы и Знахари⁶⁸ пользовались такой же известностью среди Русских. Последние обращались к ним за предсказаниями.

В XIV веке, когда св. Стефан распространял христианство среди Зырян, он встретил в Зырянской стране много волхвов и «чаровников» и между ними влиятельного волхва «Пама», «нарочита кудесника, волхвом начальника, обавником старейшину»⁶⁹.

Епифаний повествует, как сильно защищал свою языческую веру этот волхв и правитель Зырянской области пред основателем в ней христианства св. Стефаном и как настойчиво пришлось бороться с ним последнему: «И бяше сей кудесникъ лють супротивникъ преподобному и злоратоборецъ великъ, неукротимъ супостать и боритель, хотя развратити вѣру христіанскую, и лютѣ попремногу възмущаше вѣрныя, повсегда спирашеся съ нимъ, часто супротивяся ему о вѣрѣ»⁷⁰. Местом жительства этого главного волхва и старейшины был Княжпогост, где, вероятно, находился и главный языческий храм Зырян; прочие кудесники и волхвы находились в ведении этого начальника «Пама».

Был ли этот класс волхвов во главе с «Памом» наследственным у Зырян или они только пожизненно избирались в своё звание, сказать трудно. Г. Михайлов говорит, что долгое время управляя страной, волхвы умели передать право наследственности своим детям⁷¹, но это мнение не подтверждается тем обстоятельством, что жрецы Самоедов, Черемис, Вотяков, Богулов — выборные. У них даже существует до сих пор особый обряд возведения в звание жреца, а перед избранием кандидат должен пройти известный искусственный процесс, продолжающийся до пяти лет⁷².

Главное назначение волхвов и «Тунов» у Зырян состояло в том, что они были посредниками между народом и богами. В случае какого-нибудь народного бедствия, они узнавали от богов причину его. Тогда они назначали общественное богослужение, определяли количество и качество необходимых жертв богам и присутствовали на общественных богослужениях в качестве главных совершивших жертвоприношений. Как люди, обладающие тайным знанием и находящиеся в непосредственных сношениях с богами, волхвы, кроме того, предсказывали будущее, лечили народ от различных болезней и прочее⁷³. Кроме этих обязанностей,

волхвы заботились об украшении языческих храмов и о сбережении богатств, там находящихся. Все приношения богам находились в их ведении; они распоряжались продажей излишних даров и вырученные деньги употребляли на украшение богов и храма. Никто из непосвящённых лиц не смел воспользоваться этими дарами богов, не должен был даже прикасаться к ним под страхом лишиться благоденствия богов, быть постигнутым неожиданно страшной болезнью или, по меньшей мере, сделаться неудачным стрелком. «Бѣ-бо у нихъ» (т. е. у Зырянъ), — говорит Епифаний, — прежде пошлина была сицева до крещенія: аще который Перминъ прикоснется хъ кумиру, или возметъ что ото идолослуженія, или вданное и принесенное блъваномъ, или намененное і оборченное бѣсомъ, или ино что неповелѣнное и възбраненное ими требно кумиром посяжетъ, то извергаетъ его и изламаетъ и искрятаетъ; такобо на се бъяху кудесы кудесникі ихъ, да того ради никто же и ничтоже не смѣяше взяти или втаю или въявѣ, или что укости отъ кумирницъ или отъ идоложрѣвенныхъ и отъ кумиротребныхъ»⁷⁴. Будучи полными распорядителями богатств, которых, по свидетельству Епифания, было немало, при всегдашнем усердии язычников к идолам⁷⁵, волхвы, разумеется, обращались с приношениями богам не всегда безуказненно; чаще всего они увеличивали ими свои собственные доходы.

Как относились к своим волхвам язычники-Зыряне? Если волхвы присвоенной ими властью ограничивали свободу Зырян (что несомненно случалось), если они не стеснялись распоряжаться не только богатством, принадлежащим богам, но, злоупотребляя своей властью, часто простирали её ещё и на собственность Зырян, то нужно думать, что Зыряне не любили своих жрецов, но боялись и ненавидели их. Наше мнение имеет сильную опору ещё и в том обстоятельстве, что как только волшебник Пам был обличён во лжи св. Стефаном, то Зыряне выдали Просветителю их головой своего бывшего начальника и учителя⁷⁶.

Как Зырянские волхвы смотрели на самих себя? Были ли они сознательными обманщиками народа? По нашему мнению, эти жрецы, чародеи, обоянники и пр. употребляли своё искусство не как орудие обмана, но по бессознательному к тому влечению; суеверие вводило их самих в обман, так что они считали себя действительно способными творить чудеса.

Таковы колдуны в настоящее время во всём Зырянском крае, с их замечательным искусством напускать на людей и скот болезни («шева лѣчны» — портить) и вылечивать их; таковы, думаем, были и волхвы во время язычества Зырян.

Может быть, у волхва Пама, уничиженного св. Стефаном, была так глубока вера в себя, в собственное призвание, что даже очевидные факты (бессилие пройти сквозь огонь и воду) показались ему недостоверными. Суеверие подсказывало ему, что обманщик Стефан, и ни в каком случае не он, Пам. Иначе Пам убедился бы в истине проповедуемого учения и принял христианскую веру, а не бежал вместе с другими волхвами в Обдорскую страну.

Воспоминание о волхвах-колдунах, вроде Пама, сохранилось до сих пор в преданиях Зырян. Вот эти предания.

В самые отдалённые времена, когда ещё на берегах Печоры и Ижмы⁷⁷ рассеянно жили полудикие племена Зырянских родичей, питаясь от промысла зверей и рыб, когда они ещё не знали истинного Бога и поклонялись каменным и деревянным богам, вблизи одного из Зырянских селений жил необыкновенный человек. Ростом

он был с высокую сосну, по голосу и по виду похож был более на зверя, чем на человека. Чёрные длинные волосы, лицо, обросшее чёрной бородой, налитые кровью глаза, косматая одежда из выделанной медвежьей шкуры, — вот приметы этого человека, которого Зыряне называли «Яг-Морт»⁷⁸. Никто из Зырян не знал ни роду, ни племени «Яг-Морта»⁷⁹; говорили, что он вырос вместе с дремучими лесами Запечорья⁸⁰, и ему было столько же лет, сколько и этим лесам. «Яг-Морт» был великий чародей: в воде не тонул и в огне не горел⁸¹. Оспу⁸² и другие человеческие болезни, скотский падёж, бездождие, безветрие, лесные пожары и вообще все физические бедствия и необыкновенные явления природы Зыряне приписывали волхвованиям «Яг-Морта». Он повелевал стихиями, помрачал звёзды, солнце и луну и, по понятиям Зырян, не было предела тёмному могуществу чародея.

«Яг-Морт» жил отдельно от Зырян, в неприступных местах, за непроходимыми болотами, рассеянными около реки Кучи, в Запечорье, но он часто приходил к Зырянам для насилия, грабежа и убийств. Последние избегали с ним встречи. Одно имя «Яг-Морта» наводило страх на Зырян. Сохранилась и до сих пор песня, которую поют Печорские Зыряне, пугая в ней «Яг-Мортом» неугомонных детей:

Ягъ-Мортъ ыджид, қыдчъ буръ козъ-пу.

Ягъ-Мортъ съэдъ, қыдчъ пачъ шомъ!

Энъ бэрдъ, піе! Ягъ-Мортъ воасъ,

Кутанъ бэрдны, — тэнэ съоасъ.

«Ягъ-Мортъ» великъ, какъ добрая ель;

«Ягъ-Мортъ» черёнъ, какъ печной уголь!

Не плачь, дитя! Ягъ-Мортъ придетъ,

Станешь плакать, — тебя съѣсть.

«Яг-Морт» любил навещать Зырянские селения ночью, и тогда каждый шаг его обозначался кровью и опустощением. Он уводил, резал скот, похищал жён и детей⁸³. Ненависть «Яг-Морта» ко всему живущему иногда простиравась до того, что он убивал без всякой причины встречного и поперечного. Выведенные из терпения всеми его злодействами Зыряне всеми мерами старались погубить его: они ловили его, как зверя, строили засады, выкапывали громадные ямы, но ничто не помогало. Хитрости он противопоставлял хитрость. Во всём Запечорье не выискалось человека, который бы мог померяться силами с «Яг-Мортом»: размах топора был ему нипочём, удары копий отражал он палицей, а стрелы отскакивали от его груди.

Затем рассказывают о пропаже красавицы «Райды» из одной Зырянской семьи⁸⁴, и причина этого несчастья объясняется похищением её «Яг-Мортом». Старики Зыряне так и порешили, что «Райда» пропала безвозвратно, потому что искать суда на «Яг-Морта» не у кого. Но жених «Райды» кликнул клич, выбрал равных себе молодцов и решил вместе с ними, во чтобы то ни стало, убить ненавистного колдуна. Они увидали «Яг-Морта», когда тот переходил вброд реку Ижму, и незамеченные им из-за густого леса поражали его стрелами, копьями и каменьями. После отчаянного и кровопролитного боя Зырянам, однако, удалось побороть врага. Тогда они схватили «Яг-Морта», отсекли ему руки и пригрозили отрубить голову, если он не скажет, где скрыта «Райда», и обескураженный и изуродованный волшебник-силач должен был покориться воле своих победителей. Он повёл их на высокий, отвесный берег реки Кучи⁸⁵, где была выкопана огромная

пещера, жилище «Яг-Морта». Недалеко от входа в эту пещеру, на большой груде разного хламу, лежал полуистлевший человеческий труп. Это были обезображеные остатки красавицы «Райды». В глубине пещеры Зыряне нашли много разных богатых вещей, сложили всё в кучу и сожгли, а пещеру засыпали землёй, забросали камнями, заклали брёвнами. Затем «Яг-Морту» отрубили голову, в спину забили осиновый кол⁸⁶ и закопали его глубоко в землю⁸⁷, а на том самом месте сделали небольшой холмик или курган. Этот холмик, под которым похоронен «Яг-Морт», и теперь в памяти у Зырян. Он находится на правом берегу реки Кути, впадающей в Ижму, в полверсте от Ижемского села⁸⁸. Всякий, проходящий мимо этого холмика, непременно должен бросить на него камень, сук, палку или что-нибудь⁸⁹. Это ведётся у Зырян с незапамятных времён и кто почему-нибудь не исполнит такого обряда, того старожилы осудят за неисполнение отеческих обычаев. «Озъ ло силы шань, съе нинэмъ ээзъ шибить Ягъ-Мортъ гу вылэ⁹⁰», — говорят они такому. Старики уверяют, что в прежнее время очень часто, особенно в тёмные осенние ночи, запоздалые путники встречали каких-то ужасных страшил, бродящих около кургана, и курган окружался синеватыми огоньками⁹¹, нередко слышались там нечеловеческие крики и рыдания⁹².

Вот образчик Зырянской легенды. В ней, разумеется, к прошлому много прибавилось нового: к простому рассказу о «Яг-Морте», как волхве, «Шамане», привнесены черты разбойника, отъявленного злодея и проч. Вообще, по нашему мнению, вторая половина рассказа о «Яг-Морте» есть позднейшая прибавка.

Рассказ, подобный преданию о «Яг-Морте», существует о «Морт-юре»⁹³.

В отношении к древним волхвам, «Шаманам» интереснее другое предание.

В Устьсыольском уезде Вологодской губернии есть село «Кэрт-керэс»⁹⁴. Название села состоит из двух Зырянских слов: «кэртъ» — железо и «керэсъ» — гора, плоское возвышение; «кэртъ-керэсъ» значит железная гора. Точно так же, как в трёх верстах от «Кэртъ-керэса» есть «кэртъ-ты» — железное озеро, а недалеко от него: «кэртъ-ягъ» — железный бор⁹⁵. С этим названием села и соединено предание у Зырян. Зыряне говорят, что село «Кэртъ-керэсъ» потому носит такое название, что когда-то, в старые годы, здесь имел пребывание *Кэрт-Айка* — железный свёкор, необыкновенный колдун, чрезвычайно рослый, сильный и, вообще, страшный человек. Все окрестные жители трепетали от *Кэрт-Айки*. Они много страдали от его ужасных злодеяний, но все требования «Кэрт-Айки» исполнялись Зырянами строго. Никто из них не смел и подумать, чтобы хоть когда-нибудь возможно было освободиться от жестокого влияния этого страшного колдуна. Каждый из Зырян боялся, чтобы «Кэрт-Айка» не простёр свою месть на всех тех, которые и втайне решились бы замыслить что-нибудь против своего ужасного врага, потому что он наперёд узнал бы все замыслы против него Зырян. Торговые суда, проплывавшие рекой Вычегдой в Сибирь, не могли никак избавиться от задержки и грабительства со стороны «Кэрт-Айки». Во всю ширину реки Вычегды, по течению её, ниже села «Кэрт-Керэса», была протянута железная цепь, на конце которой висел колокол для сигналов ночной стражи *Кэрт-Айки*. Этот караул ежедневно назначался по обе стороны Вычегды, около протянутой через неё цепи. *Кэрт-Айка* владел всем Зырянским, Вычегодским краем и злодействовал более ста лет. И только св. Стефан («Вежа-Стэнэ»), просветитель Зырянского народа, положил конец страшному владычеству *Кэрт-Айки*: он заставил его удалиться из Зырянских пределов.

Мы рассмотрели полный круг языческих верований Зырян. В заключение укажем на условия, под влиянием которых родились и воспитались эти верования; уясним кратко соотношение этих условий к выросшей на почве их и воспитанной ими языческой религии Зырян.

Языческие божества древней Греции, как известно, разделялись на два лагеря: одни были добрые, другие — злые; одни помогали людям в их делах, а другие вредили, но добрые боги и духи превосходили и численностью и силой злых богов и духов⁹⁶; от самых образов божеств веяло симпатией и красотой. Не таковы божества древней Индии, Китая и, вообще, азиатских народов. Самы изображения этих божеств пугали своих поклонников. Большинство из богов были злыми, карали человечество. Причина того, что в одной стране было больше добрых богов и духов, а во второй больше злых, чем добрых, — понятна. Известна та истина, что каждый человек — дитя своей местности, своей родины. Влияние местных условий на характер жителей, на их темперамент, на их физиономию, сложение тела, цвет кожи и т.д. — неоспоримо. Равным образом, язык, психические свойства (движение мысли, воли и пр.) и религиозные представления подлежат влиянию тех же местных условий. Индиец, Брамин, Буддист не мог себе представить божество иначе, как существом чудовищного вида, грозным, карающим, потому что кругом себя видел величественные, но в то же время грозные виды и явления природы: перед ним высались горы с непроходимыми ущельями, скалы, покрытые высоким, девственным лесом, в котором жили громадной величины животные; ему грозили гибелью частые ураганы, смерчи и т.д. и т.д.; словом, здесь природа устрашала человека.

Совсем другого характера влияние природы на человека в Греции. Здесь природа своими красивыми видами ласкала человеческий взор. Воображение Грека не было поражено грозными явлениями; оттого оно и населило Олимп божествами и духами прекрасными, величественными и добрыми.

Вглядываясь пристальнее и глубже в духовную жизнь Зырян, мы также можем, до известной степени, проследить, каково было влияние природных условий местности на духовное развитие и свойства жителей. Малочисленное (судя по занимаемому ими пространству)⁹⁷, неразвитое население, среди глухих лесов, прежде всего должно было подчиниться подавляющему влиянию местности: тут громадные деревья, издавна поваленные вихрями, вместе с вывороченными корнями, облепленными комками земли, гниют нетронутыми; там непроходимые болота и озёра; здесь горы и овраги; везде местность неровная, некрасивая, неприветливая. Всё это даёт картине Зырянского края колорит очень мрачный. Даже и теперь, вблизи от жилья, в Зырянских лесах испытывается какое-то тяжёлое чувство. Зимой Зырянский край принимает ещё более суровый оттенок. Глубокие снега, трескучие морозы (до 45° и бол. по R.), сильные выюги и метели, засыпающие и дорогу и путника вместе с санями и лошадью, окончательно сковывают воображение жителей края, навеки отдаляют их от возможности испытать что-либо прекрасное, содействующее пробуждению и развитию духовной жизни. Отсюда весьма естественно, что влияние мрачной природы на душу Зырян выразилось, как нельзя лучше, в их языческой религии. Идея божества представлялась Зырянам в образе грозном: у них везде были злые божества и духи. Главное, если не исключительное, свойство *Куля*, *Вэрса*, *Йомы*, *Зарни-Ань*, *Войтэла* и др. алчность

к жертвам. Но эти жертвы, стоившие времени и громадных трудов, со стороны Зырян не были выражением благоговейного чувства к богам: они приносились им, как необходимая дань. Служение богам было только умилостивлением⁹⁸. Зыряне только боялись своих богов, а не надеялись на них!

В этом, по нашему мнению, состояла коренная особенность языческой религии Зырян.

¹ Акты исторические, т. I, № 112.

² См. I гл., стр. 37, примеч. 2.

³ А по отношению к стране — север.

⁴ Вологод. Губ. Ведом., 1850 г., № 2.

⁵ Памятн. Старин. Русск. Лит., вып. IV, стр. 142.

⁶ Такие фигуры, выплавленные из меди с вызолоченным лицом, бородой и руками были найдены в 1836 г. в имении графов Строгановых.

⁷ Замечательно, что у Зырян и ветер называется *тэл* и зима тоже *тэл*. Сходство названий заставляет нас предполагать о родстве этих явлений природы в созерцании Зырян. Быть может, *Зарни-Ань* (*тэлъ-ань*) приходилась бабушкой ветру (*Войтэлу*).

⁸ Знаменский, «Горн. Черем. Казан. Края», Вестн. Евр., 1867 г., Дек., стр. 43.

⁹ Русский Вестник 1888 г., Ноябрь, «О молении ветру Мурманских Поморян».

¹⁰ «Слово о полку Игореве». Ветры в Слове называются «Стрибожьими внуками». Зырянский бог *Войтэл* был тоже внуком: у него была бабушка.

¹¹ *Войтэлъ* — значит северный ветер.

¹² Точнее: к *п* не достаёт черты справа или слева. Русский переписчик не досмотрел и допустил эту ошибку в грамоте митрополита Симона.

¹³ Лепехин, «Записки о путешествии...», т. IV, стр. 408, СПБ., 1790 г.

¹⁴ С развитием языческого культа (во 2-м периоде языческой религии).

¹⁵ Миллер, «Описание всех в Росс. Госуд. обитающих народов» СПБ., 1776 г., I ч., стр. 74. Архим. Вениамин «Языч. вера некрещ. самоедов». Вестн. Русск. Географ. Общ., 1855. Кн. III, стр. 120–124. Митрополит Симон даёт *Войтэлу* эпитет *болвана*, из чего можно заключить, что идол был сделан из дерева. Но поклонение Зырян горам, откуда раздавались различные звуки, шум и вой, по причине ветра, заставляют предполагать, что Зыряне в начале представляли бога ветра под видом горы, напоминающей оленя. Почему нужно было здесь подобие оленя, думаем, потому, что олень был любимым жертвенным животным у Зырян. Быть может, по быстроте бега, он напоминал Зырянам движение ветра. Идолы — «блъваны истуканныя, изваянныя, издльбённыя, вырѣзом вырѣзанныя» известны у Зырян с конца XIV века (См. Памятник. Р. Лит., в. IV: стр. 127, 133, 136, 140 в «Повести о Стефане» инока Епифания»).

¹⁶ Памятн. Старинн. Русск. Литер., вып. IV, стр. 141.

¹⁷ Ibidem, стр. 136.

¹⁸ Историко-Географ. Описание Перм. губ., 1813 г., в отд. «Вогуличи».

¹⁹ См. «О древних чудских курганах и о каменных бабах», Сибирский Вестник за 1818 г., ч. II.

²⁰ По имени «*Киджи-тамъ*», т. е. мужчина-камень.

²¹ Чаша составляла главную принадлежность идолов: она находится почти у всех каменных истуканов.

²² Сибирский Вестник, 1819 г., ч. II, табл. VII.

²³ Сибирский Вестник, 1819 г., ч. II, табл. VIII. *Куртъяк-тамъ* — значит старуха-камень.

²⁴ Изображения верблюдов доказывают, что народ Чудский в отдалённые времена обитал в северной и южной странах Азиатской России и в разных местах употреблял для езды различных животных.

²⁵ Сибирский Вестник, 1818 г., ч. II, стр. 149–150.

²⁶ Записки Археолог. Общ., 1856 г., т. IX, в. I, стр. 295. «О чудских копьях».

²⁷ У нынешних Остяков, Боголов и Самоедов идолы имеют на голове такую же шапку.

- ²⁸ См. Зап. Археолог. Общ. за 1850 г., т. III, ст. Пискарева: «О местонахождении каменных баб в России».
- ²⁹ Команы, получившие название от реки Комы или Кумы, впадающей в Каспийское море, жили между Каспийским и Чёрным морями, в тех странах, где кочевали и Аорсы и Зыряне (по Эйнхвальду Эрсы и Зыряне), принадлежавшие финскому племени (Записки Имп. Археолог. Общ. 1856 г., т. IX, вып. I, стр. 366–367; 298; 300: «О чудских копьях» Эйнхвальда. Сравн. «Путешествие по России» Плано-Карпини, перев. Языковым).
- ³⁰ Нужно заметить, что Эйнхвальд, и по происхождению и по сходству названий этих *Команов с Коминами* или Зырянами (см. 1 гл. 17 стр.), отождествляет первых с последними. См. Зап. Археолог. Общ. т. IX в. 1, стр. 297–298; 366 и доп. къст. «О чудских копьях».
- ³¹ Так как каменные статуи, по мнению Эйнхвальда, служили символом возрождения покойников, то чаши в их руках находились для употребления вина в будущей жизни. Терпешние Чудские народы: Черемисы, Чуваша, Вотяки, Богулы, Остяки, Зыряне также снабжают своих покойников при погребении чашами, котлами и другой домашней посудой, для будущей жизни.
- ³² См. Памятн. Старин. Русск. Лит., вып. IV, стр. 133.
- ³³ Ibidem, стр. 127, 132, 136, 137, 140.
- ³⁴ По описанию Стурлезона, идол *Йомала* был также деревянный. Скандинавец Карли одним взмахом топора отрубил голову *Йомалы* (Histor. Rer. Norvegicorum conscrip. a Snorrio Sturlae filio. T. II. Cap. CXLI, 124 р., изд. 1777 г.). Относительно идола *Зарни-Ань* (Золотой Бабы) Гваньини говорит: «hoc antiquissimum idolum, de lapide excisum... id est aurea anus» (Rerum Polonicur. Cuagnini. libr. II, 205 р.). Быть может, этот древнейший идол был высечен и из камня. Мы не имеем положительных оснований не соглашаться с Гваньини. Это свидетельство, скорее всего, говорит в пользу близкого сходства Зырянских идолов с каменными бабами.
- ³⁵ См. 2 гл., 60 стр. По свидетельству г. Спасского, в начале нынешнего столетия Бурята также чтили камни, горы, пещеры и всякие чудные произведения природы и места, признанные шаманами их святыми. (Сибир. Вестн., 1818 г., ч. IV, стр. 167–168).
- ³⁶ Памятн. Старин. Русск. Литер., вып. IV, стр. 136.
- ³⁷ Мы сделали оговорку относительно идола *Зарни-Ань*.
- ³⁸ Строев, «Кратк. Обозрение Мифологии Славян Российской». М., 1815, стр. 25. Кастрорский, «Начертание Славянской Мифологии». Фамицын, «Божества Древних Славян», СПБ, 1884, вып. 1, стр. 135, прим. 1. По свидетельству академика Лепехина, некоторые из новгородцев, не желая принять Христианскую веру, во время крещения Руси князем Владимиром, бежали от его преследований на север России в Биармию или Пермию, которая была им уже известна по торговле. При этом новгородцы захватили и своих идолов и распространяли между Пермяками свои языческие верования. («Записки Путеш.» ч. IV, стр. 409). Таким образом, по Лепехину, выходит, что Зыряне, познакомившись с Новгородскими идолами, стали, наподобие их изображать и своих. Не спорим, быть может, Зыряне переняли обычай делать своих идолов из дерева и у Славян, чего раньше, может быть, и не было.
- ³⁹ Тобольские губ. Вед., 1861 г., № 15. «Об Обдорских Инеродцах».
- ⁴⁰ Историко-географ. опис. Пермск. губ., 1813 г., ч. III, стр. 59.
- ⁴¹ Северный Архив, 1822 г., кн. 2, стр. 327. Митр. Амвросий, «Истор. Росс. Иерарии», т. VI, стр. 574. Прот. Евг. Попов, «В.-Пермская епархия», стр. 346. Пермь. 1884 г. Впрочем, митрополит Евгений (Болховитинов) говорит, что это свидетельство Фриза неверно, потому что по справкам оказалось, что никаких старинных Зырянских вещей (идолов и книг) никогда в Эрмитаж не поступало. (Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина». Спб. 1827 г., т. II, стр. 235).
- ⁴² Архим. Макарий утверждает, что у Зырян были деревянные идолы, изображавшие собой соболей, куниц, белок и других зверей. («Сказание о житии св. Стефана», СПБ. 1856 г., стр. 10). В XII т. Записок Геогр. Общ. («Описание Березовского Края») говорится, что Остяки поклонялись божествам, имевшим вид птиц и зверей, в особенности медведя. В Пермском Сборнике за 1859 г., т. I. («О Пермских древностях» Ежевского) представлены

фигуры Остяцких идолов: четыре фигуры медведя, восемь фигур с грубыми очертаниями человека и проч. Известно, что идолы Зырян, с распространением христианства в их стране, перешли с удалившимися Остяками в Березовский край. Вот почему мы имеем основание думать, что большая часть идолов, которым поклонялись Остяки, были в почитании и у Зырян. У жителей Большого Алтыма, Тобольской губернии, до сих пор сохранилось предание, что предки их, в числе нескольких семейств, перешли сюда из-за Камы (древней Перми) с шаманом Пам-Сотником. (Абрамов, «Введение христианства у Березовских Остяков». Ж. М. Н. Пр., 1851, Дек., стр. 12. Ср. Зап. Лепехина, т. IV, стр. 395).

⁴³ Св. Стефан нашёл Зырянских идолов также на перекрёстках дорог, в полях, на выгонах и в каждом доме. (Мон. Епифаний, Памятн. Старин. Русск. Литер., изд. 1862 г., вып. IV, стран. 136).

⁴⁴ В Белой Горе сохранилась пещера (в Соликамском уезде, Перм. губ., при реке Цейве, впадающей в Яйву), бывшая когда-то капищем Богульского народа. Около масляницы Богулы собирались в эту пещеру для своего богослужения, состоявшего из жертвоприношений деревянным идолам, которые хранились в пещере. Почти вся пещера была завалена костями жертвенных животных: оленей, лосей (Хозяйственное Описание Перм. губернии, ч. I, стр. 21). В Кунгурском уезде есть гора Молебна, названная так потому, что в древности Чудский народ приносил на ней свои жертвы богам. Сверху горы виден ров, окружавший жилище чуди (*Ibid*, стр. 26). Уважение к священным местам Финских народов выражалось в том, что каждый, проходя мимо, должен был или выстрелить из лука или бросить камень; плывя по реке, посвящённой какому-нибудь божеству, должен держаться средины, чтобы не коснуться берега.

⁴⁵ Хозяйственное Описание Перм. губ., 1813 г., ч. III, стр. 44;

⁴⁶ «Угорские народы», Майнова: Историч. Вестн. 1884, апр. «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда», Первухина. Вятка, 1888.

⁴⁷ Епифаний, Памятн. Стар. Русск. Литер., в. IV, стр. 136.

⁴⁸ О почитании идолов в этих храмах Епифаний говорит: «Ов'ємъ убо р'єдци моляхуся и худу честь воздаяху» (*ibidem*).

⁴⁹ Повесть о Стефане. Памятн. Старин. Русск. Литер., в. IV, стр. 136.

⁵⁰ «А еже пов'єщенное около идолъ, іли кровля надъ ними, или на приношениe, или на украшениe имъ принесенное, или соболі, или куницы, или горностаи, или ласицы, или бобры, іли лисицы, или медв'єдна, или рыси, іли белки, то все събравъ въ едину кущу, съкладе і огневи предастъ я», — говорит Епифаний о св. Стефане. (Памятн. Ст. Р. Л, вып. IV, стр. 136).

⁵¹ Принесённые идолам вещи из домашней одежды или утвари, по прошествии одного года или дольше, хозяева отбирали назад и хранили в домах уже как святыню. (См. Хозяйств. Опис. Пермской губ., за 1812 г., ч. II, стр. 220).

⁵² Памят. Старин. Русск. Литер., в. IV, стр. 136.

⁵³ Хозяйствен. Опис. Перм. губ., 1813 г., ч. III, стр. 44, 45 и 60.

⁵⁴ Историко-Геогр. Опис. Перм. губ., 1812 г., ч. II, стр. 220.

⁵⁵ Общие имена языческих богов финских народов сохранились до сих пор. Так у Остяков и Богуличей есть бог *Куль*, *Ортик* — господин (по звунию напоминает зырянского *Orta*), *Сарни-Турын* (зырян. *Зарни-Ань*), *Лонъх* (зырян. *Лъок*) и др. Сутки у Остяков, как и у Зырян, называются составным именем *Лун-вой* (день-ночь), месяц называется луной (зырян. *тэльсы*) и т.д.

⁵⁶ См. соч. проф. Альквиста: «Unter Ostiaden und Wogulen».

⁵⁷ Тобольские Губ. Вед., 1861 г., № 16. «Сведения об Обдорских инородцах».

⁵⁸ Вестн. Импер. Русск. Геогр. Общ., 1855 г. кн. III, «Самоеды Мезенские. Языческая вера». По свидетельству Лепехина, в Сибирской истории сохранилось описание одного древнего обряда, совершившегося у Демьянских Остяков перед идолом, вывезенным будто бы из России во время крещения Руси св. Владимиром. Этот кумир, вылитый из золота, сидел в чаше. Остяки вливали в неё воду и потом пили с надеждой, что с ними не случится никаких несчастий. Во времена молений идола ставили на стол; около него жрецы жгли сало и серу в особых чашах, а народ стоял кругом стола и приносил свои молитвы. («Записки о путешествии», ч. IV, стр. 396).

⁵⁹ Первухин «Эскизы преданий и быта инородцев». Вятка, 1888 г. «Вестник Европы», за 1880 г., Сентябрь, стр. 155.

⁶⁰ Дни этих святых соединены у Зырян с началом сенокоса, посева полей и выпуска стад на пастбище.

⁶¹ Принося эти жертвы, Зыряне просят Бога, чтобы Он благословил наступающее лето обильным урожаем хлеба и сохранил скот.

⁶² Домашнее, самодельное вино у Зырян (кумышка у Вотяков).

⁶³ Священники, желающие уничтожить описанный обряд и пиршество после него, обыкновенно бывают встречаются чрезвычайным ропотом своих прихожан, относящих эту меру к охлаждению в них якобы благочестия.

⁶⁴ У Зырян издавна существует так называемая «тыла», т. е. подсечная система земледелия. С этой целью Зыряне иногда уходят весьма далеко от своих жилищ, верст за 100–150 и далее; здесь они очищают место, вырубая лес и сжигая его, а потом сеют хлеб, который бывает почти всегда удачен.

⁶⁵ Академик Лепехин в своих «Записках о путешествии» по Зырянскому краю в 1780 г. говорит, что у Зырян тогда существовали некоторые языческие верования и празднества, заимствованные ими у Славян. Именно, 23 июня (канун Иванова дня) они топили баню, которую устилали купальницей, из неё же приготавливали веники, которыми, после употребления, колдовали, купаясь в реке. «В этом, как известно, — говорит Лепехин, — состояло и у древних язычников-Славян празднество богу Купале». (Записка, том IV, страница 410). Описанный Академиком Лепехиным обряд, совершившийся у Зырян более 100 лет тому назад, сохранился у них и теперь. Именно: в вечер на Иванов день («Иванъ-лунъ»), окончив дневные работы, Зыряне идут в баню, где, что есть силы (некоторые из Зырян, особенно старики, способны париться при 85° температуре; средняя же жара в бане бывает около 68°; при такой жаре Зыряне моются до 2 1/2 час. со всей семьёй) парятся вениками, только что связанными из мягких, распустившихся прутьев берёзы с прибавкой к ним нескольких цветков купальницы и веточек рябины. Эти веники, по мнению Зырян, имеют свойство очищать тело от всякой нечистоты, приобретённой в течение года. Затем веники кидают в реку; если какой-нибудь веник утонет (Зыряне думают, что подобные веники сами по себе никогда не тонут, а крадёт их *Vаса* (водяной) для своего домашнего употребления), то бросивший его должен умереть в том же году; если — нет, то владелец его будет жить благополучно до следующего года. В самый Иванов день близлежащие к деревням луга и поля оживляются пёстрой толпой молодых девиц и парней, собирающих купальницу, которая потом кладётся в умывальники. Вечер Иванова Дня проходит описанным нами выше порядком.

⁶⁶ Соловьев говорит: «Финское племя искони отличалось наклонностью к волшебству, искони славилось им. У Финнов преимущественно было развито учение о злых божествах, духах и о сообщении с ними». (Истор. России, т. I, стр. 72).

⁶⁷ Olai Magni Historiae septentrionalium Gentium Breriarium изд. 1769. Historia Rerum Norvegicorum conscripta a Snorrio Sturlae filio. Т. II, 68 р.

⁶⁸ «Кудесники» и «Обоянники» у Зырян (См. Памятники Старин. Литер. Вып. 4-й, 138 стр.), «Карты» у Черемис (Вест. Евр. 1867, Дек.), «Татибеи» у Самоедов (В. И. Геогр. Общ. 1855 г., № 3).

⁶⁹ Памятники Старин. Русс. Литер., вып. IV, стр. 138.

⁷⁰ Там же, стр. 139.

⁷¹ Вологод. губ. ведом. 1850 г. № 3.

⁷² Вестн. Имп. Русс. Геогр. Общ. 1855 г., кн. III: «Языч. вера Самоедов». Этногр. Сборн. 1858 г., кн. IV: «Некрец. Черем.» Вестн. Евр. 1880 г. Авг. «Вотяки».

⁷³ Быть может, эти должности разделялись между волхвами. Одни, стоящие выше («*тэдыси*» и «*туны*»), сообщались с богами и предсказывали будущее; а другие второстепенные («*вэчиси*» и «*кериси*») лица исполняли жертвоприношение. Так, по крайней мере, делятся иерархические лица (жрецы) у Чуваш, Черемис, Самоедов и др. У Чуваш, напр., два рода духовных лиц: «*Гемси*» — ворожеи и гадатели, и «*Азамси*» — заклинатели, кудесники. См. Ж. М. Г. Имущ. 1845 г. Ч. 15, стр. 77–78. «О религии Чуваш» Леонтьева.

⁷⁴ Памятники Старин. Русс. Литер., вып. IV, стр. 137. По верованиям Чуваш, за вещи, похищенные из «Кереметя» (кумирница), постигала вора падучая болезнь, обмороки. Причина была в том, что «Азамеи» намазывали деньги и ткани местными растениями, одуряющими и расстраивающими организм. («О религии Чуваш». Казан. губ. Жур. М. Г. Имущ. 1844 г. Ч. XI, стр. 80). Остяки и Богуличи, в стеснённое время, занимают у богов пожертвованные им зелёные и синеневые бумажки (кредитные деньги); но беда тому, кто вздумает не возвратить этого долга: боги отнимут остальное у неверного должника. (Ист. Вестник за 1884 г. Апрель. Стат. г. Майнова «Угорьские народы» (Остяки и Богулы), стр. 173–174).

⁷⁵ Памятники Старин. Р. Лит. в. IV, стр. 136.

⁷⁶ После посрамления Пама, св. Стефан спросил у Зырян: «что се вамъ мнить?» (Чего он достоин по вашему суду?) Они же решают: «повиненъ есть казни». Тогда мужи Пермьсти, приступльше, яша и, и имше, предаша и Стефанду, глаголюще: «Возмы сего и казни и, яко повиненъ есть казни и по нашей пошлине долженъ есть умрети»... (Памятники Ст. Р. Лит. в. IV, стр. 145).

⁷⁷ Река *Печора* берёт начало в Пермск. губ. и впадает в Сев. океан; она проходит почти весь Зырянский край; её притоки: *Ылдыч* («далняя река»), *Пэдчеремъ* («река, усыпляющая рыб»), *Мылва* («му» — земля, «ва» — вода), *Чугуръ* («кривое русло»). *Ижма* (по зыр. «Изъ-ва» — каменная река) — приток р. *Печоры* начинается в Вологод. губ. Устье. уезда.

⁷⁸ «*Ягъ*» — лес, бор; «*мортъ*» — человек; — лесной человек.

⁷⁹ Указание на самозванство древних волхвов.

⁸⁰ Местечко в Вологод. губ. Устьысье. уезда.

⁸¹ Сравн. хвастовство волхва «Пама», старейшины Зырянских волхвов. Памятники Стар. Русск. Лит. в. IV, стр. 143.

⁸² Натуральную оспу Зыряне называют «*Иенъ-письки* (Божья оспа), а правившую «*мортъ-письки*» (человеческая оспа). Принимать какие бы ни было меры против «Божьей оспы» считается грехом.

⁸³ Указывается на алчность и жестокость древних волхвов.

⁸⁴ «*Райдъ*» — имя, общее почти всем Зырянским преданиям.

⁸⁵ *Куч*, по-зырянски орёл.

⁸⁶ Осиновый кол играет важную роль во всех преданиях Зырян о чародеях и волшебниках. Он вколачивается в спину чародея для того, чтобы тот не ожил.

⁸⁷ По другому преданию, «*Яг-Морта*» сожгли живого и пепел развеяли по ветру.

⁸⁸ «*Кучча*» от «*кыдчъ*» значит река круговая или кольцом.

⁸⁹ В Волог. губ., Кадниковск. уезд. есть курган, где по преданию похоронен известный всем Аника; всякий прохожий непременно обязан также бросить прут или камешек.

⁹⁰ Т.е. не видать ему добра: он даже ничего не кинул на могилу «*Яг-Морта*».

⁹¹ По всей вероятности, «блуждающие огоньки».

⁹² Женщины-Зырянки и дети и теперь от души верят подобным рассказам своих почтенных дедушек и боятся приблизиться к заколдованныму кургану: они обходят это страшное место.

⁹³ В Вологод. губ. Устьысьольск. уезд. этим именем названа речка, впадающая в реку *Блычъ*.

⁹⁴ В 45 верстах от г. Устьысьольска.

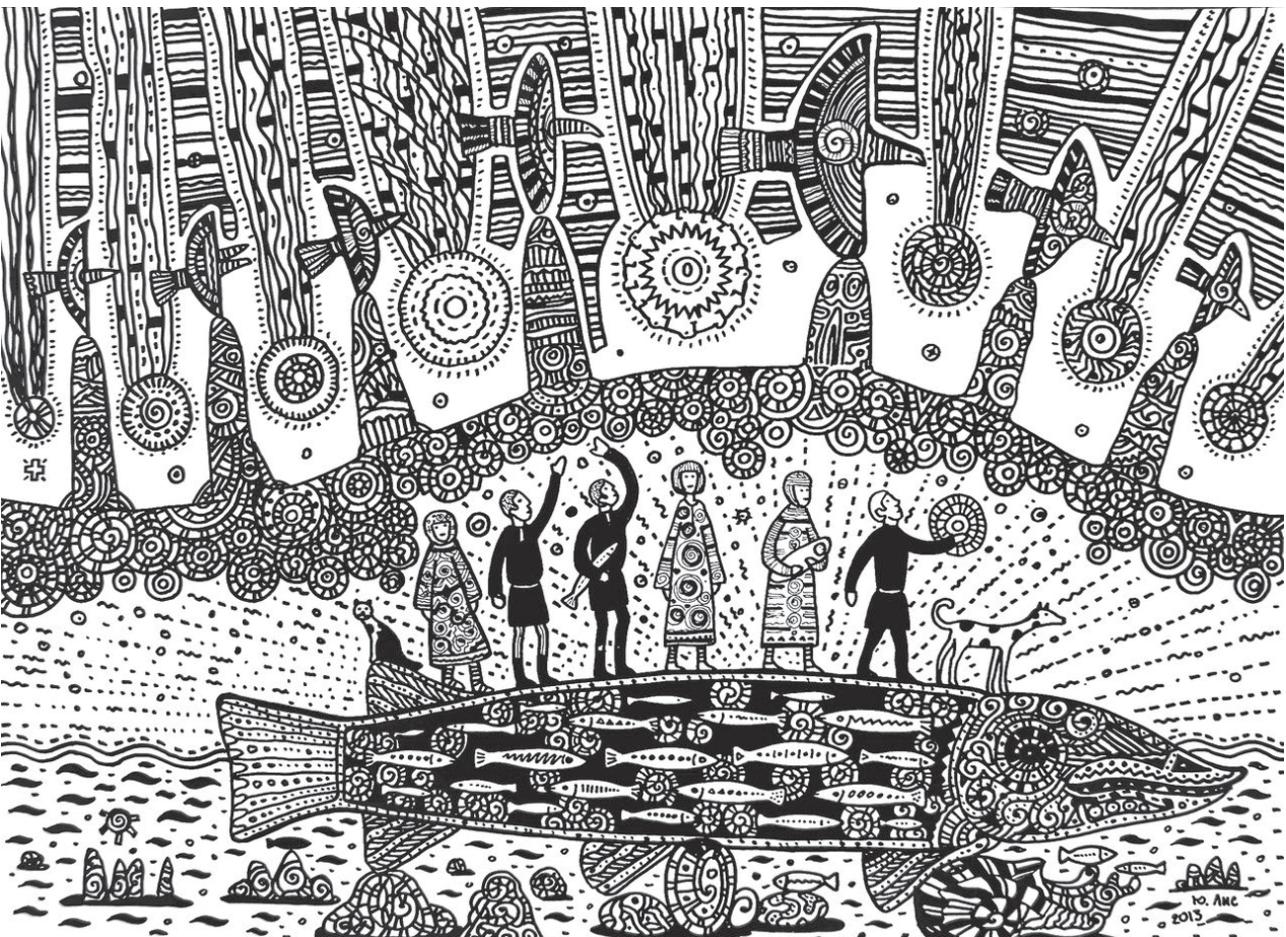
⁹⁵ Заметим, что «Кэртъ-керэсь» — название села старинное. Теперь Зыряне называют это село «*Кия*» по имени речки «*Кии*», протекающей в версте от села и впадающей в Вычегду.

⁹⁶ Мы не говорим о неумолимой Мойре (*Мо́ра*, *Анфыкъ*).

⁹⁷ В настоящее время Зырян более трёхсот тысяч; в Вологодской губ. 140 тысяч, в Пермской 120 тысяч, в Вятской 20 тыс., в Архангельской 40 тыс.

⁹⁸ Принося обильные жертвы богам, Зыряне не просили у них помощи, но старались лишь о том, чтобы они хоть не вредили им; чтобы утолить их кровожадность, они мазали идолам рот кровью убитых животных.

Проза. Поэзия

Олег Чупров

Олег Акимович Чупров родился в 1939 году в селе Усть-Цильма Республики Коми. Окончил литературный институт им. А. М. Горького, работал на радио, в газетах. Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат Всероссийских литературных премий им. А. И. Фатьянова, А. А. Прокофьева и других. Награждён Почётным дипломом Законодательного Собрания «За выдающийся вклад в культуру г. Санкт-Петербурга и создание текста Гимна города». Академик Петровской академии наук и искусств. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

«На серебряной ниточке голоса...»

Пушкинское небо

Вл. Кострову

Опять напомнила душа,
Что живы не единым хлебом...
Медвяным воздухом дыша,
Взлетаю
В Пушкинское небо!

Прошли над Соротью века,
И песня иволги всё тишь...
Но рядом — радуги строка
Сверкнула,
Как Посланье свыше!

Не канет в Лету
Дивный свет,
Струящийся от неба к полю.
И Богом избранный Поэт
Дарует нам покой и волю!

Вспыхает золотом заря,
И под державным омофором,
Всевышнего благодаря,
Сплотимся
Пушкинским дозором!

России путь необъясним,
Неведомо куда несётся...
Она воскреснет —
Только с ним,
Святой поэзией спасётся!

Нет крепче этих кровных уз,
В победу веры не теряю...
В Михайловском,
Под сенью Муз,
Вслед за поэтом повторяю:
«Друзья, прекрасен наш союз!»

Жаворонок

Ветер детства
Взъерошил мне волосы...
С первой ноты певца узнаю.
На серебряной ниточке голоса
Крепко держит он душу мою!

В звонком горлышке
Звука нет лишнего,
И оркестры ему ни к чему...
Как бесценную милость Всевышнего,
Песню жаворонка приму!

Не под силу орлу или соколу —
Так внезапно, на радость другим,
Взмыть в зенит,
Чтоб простору высокому
Исполнять удивительный гимн!

И душа оживает усталая
И вбирает в себя небосвод...
Не в Кремлёвском дворце —
Птаха малая
На ладони у Бога поёт!

* * *

В печке трещат дрова,
 В печке поёт огонь.
 Слышу его слова:
 «Родины нет другой!»
 Родины нет иной,
 Мысли о ней чисты.
 Кто же всему виной,
 Что потерялся ты?
 Ветер, как из пращи,
 В окна наотмашь бьёт!
 За морем не ищи,
 То, что в тебе живёт.

Тусклый свет декабря
 Канул давно во тьму...
 Печку топлю не зря —
 Стало теплей в дому!
 Значит, не вышел весь,
 Не оборвалась нить.
 Значит, ещё я — есть!
 Рано меня хоронить...
 Снова шепчет огонь:
 «Рад, что вернулся ты...»
 Родины нет другой,
 Мысли о ней чисты.

Подушка

И вдруг войдёт,
 Присядет рядом,
 Посмотрит долгим, странным взглядом.
 И, зябко кутаясь в платок,
 Не сгорбленная, не седая,
 Ещё такая молодая,
 Мне молча скажет: «Спи, сынок...»

К её руке прижмусь щекою,
 А сердцем — к вечному покою,
 Который там, среди берёз...
 И засыпаю я послушно,
 И просыпаюсь...
 А подушка —
 Вся мокрая от чьих-то слёз.

Душа

В эту ночь, у судьбы на краю,
Я бессмертную душу свою
Попросил, чтоб со мной посидела...
И увидел, что вся поседела!

А такою была молодой —
Как заря над весенней водой!
Вот сижу в тишине и немею,
И в глаза заглянуть ей не смею.

Лишь под утро поведать успел:
Песню главную так и не спел.
Неприкаянно как-то, нескладно
Доживаю свой век... Ну и ладно!

Объясни, что случилось со мной?
Но душа повернулась спиной.
То ли плачет, а то ли смеётся...
Что ещё ей теперь остаётся!

Мама

Вот покурить я вышел в сенцы
От гомона и суеты...
И вдруг тоска мне сжала сердце:
Я вспомнил — есть на свете ты!

Ты никуда не уходила!
Но позабыл об этом я...
Там, на холме — твоя могила,
А здесь, в избе — душа твоя!

* * *

Только правду
одну говори!
Только правду одну —
не иначе!
Никогда и ни в чём
не хитри:
Ни с друзьями...
с врагами тем паче!

Презирай поминутную ложь,
Обнажай свою душу
И тогда ты,
Хитрым,
пред всяkim!
моj друг,
прослыvёшь —
лживым,
лукавым,
двойким!

10

Село, в котором я родился,
Дом с покосившимся крыльцом...
Я снова вспомню, как гордился
С войны вернувшимся отцом!
Ну у кого ещё похожий —
На всё на сто дворов окрест! —
Был вот такой, обитый кожей,
Никелированный протез?
Теперь пригрезится,

сквозь муку,

Как я отца не раз просил
Снять металлическую руку —
Перед ребятами форсил!
И он снимал...
Глядел в окошко.
Блестели тускло ордена.
И, словно мёрзлая картошка,
Катилась по небу луна.
Потом... отцовская могила
И скудный хлеб
Тех трудных лет.
И тихо мама говорила:
«Учись, сынок! Ученье — свет!»
Но, пережив и с ней разлуку,
Увижу вновь,
Как станет мать
Ту — словно бы живую — руку
К груди иссохшей прижимать...

* * *

Странно мы живём сейчас,
Как-то бестолково...
Но ведь было же у нас
Поле Куликово!
Вспомни, друг, Бородино
И на Волге битву!
Чтоб не падать нам на дно,
Сотвори молитву!
Путь нелёгкий предстоит,
Но — по Божьей воле —
Посмотри:
Уже стоит
Ратник в чистом поле!
Понапрасну не зуди:
Дескать, путь неведом...

Не по бедам Русь суди —
По её победам!

Соловьиная песня

Берёзки нежно светятся
от солнышка румяного,
И птицы заливаются
в рассветной тишине...
Поеду в город Вязники —
на родину Фатьянова!
Там каждая тропиночка
о нём расскажет мне.
И голова закружится
от воздуха духмяного,
От аромата пряного
владимирских полей...
И песню задушевную,
что на стихи Фатьянова,
Вновь заведёт за речкою
весёлый соловей!

И пусть немало прожил я,
но здесь, как будто заново,
Судьбу начну завидную
с подружкой молодой...

Ах, славный город Вязники —
спасибо за Фатьянова!
Он душу поседевшую
омыл живой водой.

Меня обнимет милая,
хмельного, но не пьяного,
И поведёт желанного
в тот терем на краю...
И песню соловьиную,
что на стихи Фатьянова,
Споёт природа русская!
А я ей подпою...

* * *

В лесу просторно, тихо, ясно.
Снег осыпается, звенит!
Сосна светла —
И жизнь прекрасна,
Когда направлена в зенит.

И солнце, и деревья — рыжи.
Покой и блеск сведут с ума.
За поворотом чьи-то лыжи
Запели истово... Зима!

Таинственно молчат деревья,
Хотя на эхо лес не скуп.
И неожиданно — деревня!
И дым Отечества из труб...

* * *

Он впадает в смятенье...
Лица выраженье —
Словно кислый лимон проглотил:
«Посоветуй, к кому же
пойти в услуженье,
Где богатых найти воротил?»

Если просишь совета,
отвечу охотно:

«Лишь пред Богом одним
падай ниц».
...Труд поэта отныне
приравнен почётно
К бескорыстному пению птиц!

Музыка светлой печали

Сердце тревожит ночами,
Но ни о чём не молю...
Музыка светлой печали
Жизнь озарила мою.

Вспомню печорские дали,
Сосны в тумане седом...
Музыку светлой печали
Там различаю с трудом.

Там я стою на причале,
Мама прижалась к груди.
Музыка светлой печали
Где-то ещё впереди!

Громко гудки прокричали,
Скрылась деревня вдали.
Музыкой светлой печали
Первые строки пришли...

Столько всего за плечами!
Вроде, я счастлив вполне.
Музыка светлой печали,
Ты остаёшься во мне!

Звёзды с тобой повенчали,
Город, где шпиль золотой.
Музыка светлой печали
Будет витать над плитой...

Снова, как в самом начале,
В небо взлетят сизари!
Музыка светлой печали
И незакатной зари...

Михаил Лебедев

Лебедев Михаил Николаевич (1877–1955). Чужис Усть-Сысольск уездса Межадор сиктын.

«Последние дни Перми великой», «Таня Осинина», «В волостном омуте» да мукбод повесьт революцияйдз на гижліс рочён, коми йөзлөн легендаяс подув вылын лёсъёдис «Көрт-Айка», «Яг-морт», «Юрка», «Повтём зон» поэма-мойдъяс, ас кадо сцена вылын пуктылісны сылысь «Мича ныв», «Тун» да «Настук» опереткаяс.

Уна кывбур да басня лоины радейтанаён верстъёлы и челядьлы. Комиёдис А. Пушкинёс, И. Крыловёс, В. Маяковскийёс, С. Маршакёс.

Бурь-Ань

Повесьт

Заводитчö 2013 вося 3-ёд номерын

X

Эжва юлён крут берег пёлён, Ва-шор (ёнія Висер — авт.) усянісінъ неылын, волі нюждчома керка нелямына неыджыд сикт. Тайё сиктыс мукбодысь торъяліс сійён, мый керкаяссö тані волі ләптöма яг веретя вылёр, и оланінъяс гёгёр кодиёма джуджыд бёрözда, та понда весиг зера кадо няйт эз вёдитчыв. Керкаяс эз пёлнясъны, эз съёдёдны ни тшакассыны, көтү кыдзи и мукбодлаын шоныдсо татчöс войтыр перийсны из горъя пач отсöгён: көзяевалён зіль киподыс тёдчис быдторыйн. И керка пытшкösъяс торъялісны: наын волі тырмымён сöстöм. Керка вевтъяссö волі топёдома лёсалём тьоскысь, а джодж пыдди — джек помъясон зымёдом да уна кокён талялём му-матиыс. Пыран ѡздös весътъясын эз ёшав кёрку, кыдзи мукбодлаын, а воліны нин лёсалём плакауыс вартём да ку дзир йылёр ёшийдом бур ѡздосъяс. Ёшинъ розъяссö волі зэвтöма ёш гаддьён; лун югыдсо керкаёт татшом ёшинъ уна эз ләдз, но гожся кадо унджык ёшинысö волі простиёдёны. Керка пытшкösъяс татчöс войтырлысъ озырён шуны эз позь. Колананинын: пелька тәчём изъя гор, тёдчис — тәчома кужысь киён, си понда мый мукбод сиктъясын тәчлісны сідз-тадз; гор весътъясö писькёдома тшын петан розь, тшыныс кайліс весъкыда сэтчö да эз тырт керкасö дукён; стен бокъяс-

ын турунён вольсалом пёлатьяс; йирк улын — раз йылёр зэвтём звер куяс, а кутшомкө пельёсын видзисны быд колананиас вёдитчан дозмукъяс... Ставыс — олан керкаяс и скёт видзан картаяс — видзёдсис сэтшом пелька да сёстёма, мый позис думыштны: збыль-ё тані зыряна олёны, ёд найё кызыныс оз радейтны пессыны сёстомлун да крепыдлун понда?.. Но медся нин синмё шыбитчис öти керка, коді суаліс дзик ю дорас. Тайё волі роч ног лэптём коромина: кык ската, лёсалом тьёс вевта; керкалён куим пельёсын сярвидзисны ёшинъяс — ыджыдöсь, вылысладоръяссö гёгрёстома асык моз, и гадь пыдди наын волі диво кодь югъялды слюда, нёльбэлладорас вёчома керкаводза кильчö. Вевт вылысладорас тыдаліс труба, код серти позис гёгрёвоны, мый горийс тані абу сьёд, а еджыд. И тайё волі збыль сідз. Керкаö пыромён тшотш син улёр усьё еджыдöдз мавтём ыджыд пач; кок улёр вольсалома плака джодж, а юр весьтын — сёстома еджви-дзысъ ийирк; стенъяс пёлён сувтёдома күён вольсалом паськыд лабичъяс, а налы воча еджыд дёрайн вевттюм неыджыд пызан. Татшом керка пытшкёсис висьталаис сы йылдысъ, мый олысыс абу зыряна пёвстыхъ, либо морт, коді тёдлёма мёд кёра олём, — но кодён вермис лоны сійё? И кутшом сиктын тайё керкаыс?

Тайё волі Вадоръ, кёні оліс Бурь-Ань, и еджыд керкасö вадорса лэптылісны буретш сылы, а мёдис быд ног зіліс кокнёдны татчос войтырлысъ олём-вылёмсö.

Волі кад, кор Вадоръ суаліс вутшка-баддяинын, гёгэр волі зыбуч нюр, и керка доръясын вёдитчис помтём няйт, а тувсов и лымварыд кадо ойдліс, но воис татчо Бурь-Ань да казяліс: татчос войтырлён олёмис вывті голь дзик си понда, мый овмёдчомаёсъ лёкинö; керкаяс сьёдёдбомаёсъ, джынвыйö сісёдьсъ, оз кутны ни кёдзыддысъ, ни пёжан шонддысъ, зэрьсъ ни лымайсъ; йёз ветлісны пыр öти паськомён, кытчодз оз ротсая вылысаныс; ни öти морт эз тёд, мый позъо мыссыны, весавны вылыссыныс воясон листалом няйт; некоді эз пессы мукёд понда, быдён сомын ассыс и тёдіс, и олісны öдва судзсымён, — но воис Бурь-Ань, и сылон войпёдомён вадорса пондісны вежортны, мый и збыльдысъ бурджык лоё, керкаяссö кё вуджёдны косинö... Но дыр на ковмис виччысыны налысъ кыпаломсö, дыр на луасисны велалом няйтас. Ковмис тырмымён кад, медым вёрзёдны найёс тайё нюрсысъ. Олёма войтыр броткёдчисны Бурь-Ань вылёр, шуасисны, мый сійё сюйсъё не аслас могъясъ. Но коді кызвысис Бурь-Анлысъ, найё быдсон ловзисны: керкаяс лои вуджёдома выльлаё, косинö, нёшта и гёгёрыс канава кодийисны, медым зэра кадо эз няйтчи. Та бёрын тшуписны выль керкаяс, вевттисны топыд тьёскён, тәчисны горъяс, пыраннъяс ёдзосалісны, — и ставсö тайёс вочисны Бурь-Анъён индёд серти, коді кёсийис кёть тадзи кокнёдны войтырлысъ олёмсö. И, гёгэрвоана, Вадоръ сикт быдторыйн водзмёстчис сылон мывкыдён, орчча сиктъясын сомын и завидтыны кужисны татчос войтырлы.

Но та вылын эз на ставыс помассы. Эз сэтшомъяс пёвстыхъ вёв Бурь-Ань, медым мыйысъкё сэтшом регыд эновтчыны. Сійё велёдіс вадорсаёс овны ас костаныс зыксыйтёг да вензытёг, велёдіс пасьтасыны сёстома да быд асыв мыссыны, а сідзжё отсасыны гольяслы да конъоръяслы... Вадорса эз вермыны вунёдны шань сьёлёма нывлысъ бур вёчомсö, си понда мый оліс на костын, а орчча сиктъясын сійёс аддзывлісны кадысъ кадо, сомын кодыр воліс налён корём серти да буродліс вензысъяссо либо корсыліс накёд тшотш пикё воимысъ петан туй, но мыйён саявліс, пыр жо вунёдлісны сылысъ кывъяссö.

Эжваполёнса сиктъяс гёгортіғон Бурь-Аньлён лолыс пыр усылі: быд пельөсісь адззис сомын помтём нужда да вермытёмлун, и таңы съёлёмыс нойтчіс съёкыд мёлёт моз, а кёнкө пыдын пескылясис шуштём мёвп. Гёгёрвоис, мый ставлы отсавны сылён некутшом вын оз судзсы. Дзикодз нин весьбопрліс сысыс, мый ясыда вежортіс — зыряна войтырлён помыс абу ылын... Татшом здукъясо сомын Вадорын и бурмыліс песссыс съёлёмыс; сиктын, кёні суалісны сыён чуйдомён ләптөм пелькини керкаяс, а медся кокнёдліс сылы выл юлсөдом овмосын. Тані сійё шойччодліс ловсө да чојжліс могсө водзö портөм выл юл содтөд вынъяс.

Зыряна сійёс пыдди пуктісны, лыддисны шогын и ускоттъёын видзыс дорийыссын, и налы волі весьбопртана кывны, кыдзи Бурь-Ань сёрнито кристианалён вера йылыс, быттью сомын сійё сетас ставлы мезд, чуксало вочаавны москуаса Степаноц шаня да восьса съёлёмён, «...либі сійё ставлы сомын буркёсій».

Унаён тадзи кымын шуасисны:

— Мый понда нё сійё водзджык роч вера йылыс ээ сёрнит? Али ээ тёдлы си йылыс? Сэсся оні кытыс друг тёдмаліс? Од тёдса, мый ээ на ветлы Степаныслы воча Эжва горулас, сомын си йылыс юр кывліс... Колоқо, сэтшом нырис сылён эм: тёдё, мый мукод весиг ээ на кывлыны. Сы выл юл сійё и Бурь-Ань.

— Кывсёо, Важъ-горт сиктсаоц ыджыд неминучайс дорийма, — сёрнитісны мукод. — Медводз ставлы кывмён шүома, көсійысянныд кё по выль верао пыртчыны, кристианалён Енмыс тіянёс и доръяс. И найо по көсійыссыомаоц, та борын вогулъястö роч войтыр бирёдомаоц. А ёна-о окота волі налы ми кодыс понда вогулъяскö тышкасын, ээ кё налён Енмыс инды? Со на кутшом сійё, роч Енмыд. Выныс сылён помтём. Миян Войпель серти вынаджык лоё. Оз позь миянлы Бурь-Аньлыс кыв вуджны... — Бурь-Аньоц кывзом борын татшом сёрнияс нүодісны зыряна; а мукодыс ас ног вежортісны и сійёс, мыйла Бурь-Ань водзджыксо роч вера йылыс ээ казытывлы.

— Кыв по сетлôма: некод водзын не воссыны, кытчöд москуаса Степан оз лок. А оні воис, — и вомсö восьтіс...

Став съёлёмнас сетчис Бурь-Ань москуаса Степаноц проповедь нүодан удж дорö, и кыдзи вермис да сяммис, зилис дасстыны ассыс войтырсö. Выль вераыс сылы чайтсис — да сідзи и волі збыльвылас — му выв олёмын сэтшом колана югорён, кодос сымда кад весьшорö корсис асланыс олём шорыс. И со — корсыссыомыс пондис збыльмыны: кристианалён вера Эжва горулын разодис язычество-лыс энмөвойсі пемыдлунсö. Важъ-гортсаоц Бурь-Ань си понда и корис, мед көсійисисны пыртчыны выль верао, мый сомын таын адззис вогулъяссы мездыссыом. Помтём вына волі кристианалён Енмыс, и Бурь-Ань чорыда эскис Сылы, сійё здукас сомын Сійё вермис дорыныны зыряна войтырёс пон кодь вой дикаръяссы, кодъяссян позис виччыссын сомын эмбүр мырддюм да морт виом...

Вадоръ весьтын вой пемыдис дзикодз сукмис. Енэжын дзирдыштісны медводдза кодзувъяс, тадзи чоломасисны мувывсакод, но толыс ээ тыдав; тайо волі выль толыс чужан кад. Сынодыс тёдчымён ыркаліс. Гожом пом волі матын нин, и та понда войяс нюжалісны да ыркалісны, ковмыліс топырддыхика пöдлавны ёшиньяс да вой уло вевттыссын звер куясон. Эжваладорсян юйтис төвру. Борын, кылø, вижодны пондом пишу да кыдз пу шаркоддисны усыссы коръясон. Ар матыстчис, став ывлалыс сетчис гажтөм уло...

Сиктса ло́сьодчисны узыны. То ётилаын, то мёдлаын кусласисны ёшиньводз дузгандыяс, и регыд Вадоръ вйтчис войся сьодпемыдас. Сомын Бурь-Аньён ёшинын битор пыр на чусаліс, сэтчань кадысъ кадо́ кыйкнитавлісны тайо́ вой кежлас индом кык караульной, видзёдласны и юрнас довкйёдлёны:

— Ишь, кутшом дыр матушканым миян юр-мортъяскод сёрни нүёд. Уна жо и пессьом сы вылёт усылёт, весиг вой шёра войё узьём оз тёд...

— Гёгэрвоана, абу ми воклон кодь сылён олан ладыс, — тёдса ёшинь весьтö сувтовкерлёмён шуис мёдыс. — Став понда пессьё, быдёнлы бур кёсий, со и роч вераад пыртчыны тшёктö. Шань вераыс по, шубо... Кылан, и оні со сы йылысь жо толкуйтö. А юр-мортъяс кывзёны, чөв-лёнь пукалёны...

— Бёръя кывсö шуны оз лысътны, — Бурь-Аньён сёрнио кывзысыштöм борын гёгэрвоодис воддазыс. — Найо абу сэтшом йоз... Оз на вежортны, бур-ё-лек выль вераыд, сы понда мый роч мусысъ воис. А роч мусын войтырыс чорыд сёлёмайс...

— И сэні быдпёлосыс эмёсъ, — торкис мёд дозорнёйыс. — Со коть ушкуйтö босыт, кодос Бурь-Ань Важъ-гортсыд вайоидис. Даром мый багатыр, оні дзиюдз нин бурдома, а некутшом ногон некодос оз дзескод. И йозыс сылён сэтшомёсъ жо. Ачыс со кутшом шань: миянёс ньёввужъяс вёчавны велодис, петкодліс, кыдзи чери кыйны... Татшомыд лёк вёчны оз понды...

— Бурь-Аньным найёс смилитис... Ми нё мый татчо сибдим? Мунам, берег вылёт петалам; сэні кывзысыштам, оз-о кыв мыйкó? Эз сы понда миянёс кыйдчыны индыны, медым тані сулавны да тёв чужъявны.

— Мунам, мунам, — соглас шыасис мёдыс, и вой пемыдас одва тыдалыс пурысёд найё веськодчисны ю ковтыслань...

Войся кад вылёт видзёттöг, Бурь-Аньён пелькиник вежёс чукёрмис морт дас, и найё пырёмён тшётиш юксисны кык пельё. Оти чукёррас лоины нёльён: роч паськёма, блед, висълос чужома войтыр; на серти позис шуны, мый неважён на тёдлёмайсъ сьокыд висъом, да сомын на кокнёдома. А мёд чукёррас, ота-мёд бердас топодчомён, лёня пукалисны квайт зырянин, кодъяс горд, лэчкё шедём ручлон кодь полысъ синъясон кадысъ кадо́ кыйкнитлылісны воча пукалысъяслань. Сий нёльыс волини новгородса ушкуйяс: атаман Отпектый да сылён ёргъяс, а мукёдыс — Эжва пёлон сулалысъ сиктъясысъ юр-мортъяс, и воисны Вадорё ыджыд могён, медым юавны Бурь-Аньлысъ, кыдзи вежортны тунъяслысъ шуомсö? Найё тшёктомайсъ вайны Войпельлы дона козинъяс, а мёд ног по зыряна му вылёт усып помтём шаг...

Эз татшом сёрни виччысъ Бурь-Ань. Юр-мортъяслон висътасьом борын сий гёгэрвоис, мый на кодыслы дыр на ковмас овны тупкыса синмён, коть кыдзи ошкы выль верато, и курдис сёлёмис, кор юр-мортъяс вёйисны, абу-о по бурджақ эновтчыны пыртчомсъис, «либo абу на тёдса, мыйся бур ваяс подув выйён эскёмтö вежомыд...».

Пёся вочавидзис та вылёт Бурь-Ань. Кывъясыс ылькнитисны поньтавломись мездмом шор моз, и сёрни вынсо кылёмён эз лысътны вензыны сыкод юр-мортъяс. Асланыс эскём динё налысъ сёлём эз вёв көрталома, но и выль вераыс налы чайтисис вежортны позытём гусятторйон, юрён пудъясян нёшта оти дзугийон, и шойёвашомён видзёдисны ота-мёд выланыс да лёня кывзисны Бурь-Аньлысъ

пöсъ сёрнисö... Коркö сэсся и сiё чöв ланьтiс да здук мысти мöд гёлöсöн нин юалiс:

— Эсканныд-ö меным, юр-мортъяс? Ог ылöдлы ме тiянöс, а дзик збыльсö висьтала. Оз Войпельлы козинъяс ваявны ков, а кристианалён Енлы юрбитны. А тунъяс ылöдлöны тiянöс; эн эской на кодь ылöчысыяслы...

Юр-мортъяс видзöдлiсны öта-мöд выланыс. Синъясныс полёмпырысь котралiсны öтарö-мöдарö.

— Гёгörвоана, ставыс сiдзи и эм, матушка Бурь-Ань, — ныв вылö синсö лэптывтöг, падъялёмён шыасис на пиысъ öти. — Оз ков Войпельлы козинъяс ваявны... сöмын тунъясöс кызвытöг абу олöм: оз прöстит миянöс ыджыд Пам. Виас! А тэнад кывъяслы ми эскам: тэныд не эскины оз позь...

— Сiдзкö, меным кö эсканныд, мыйла тунъяссö кызвыны колö? Эн полой ыджыд Памысъ: сылён кадыс коли. Нином вöчны оз вермы...

— Ой, вермас, матушка Бурь-Ань, вермас, — пöлöstchом чужёмён öти вомысъ моз гордiсны юр-мортъяс. — Сiё быдтор вермас керны! Сысыс он сайöдчы. Сылён синъясыс ёссысъ, быдён бöрся кыйöдчö... Сiё ставсö аддзö, быдтор тöдö...

— Нином сiё вöчны оз вермы, — юр-мортъясöс эскöдöм могысъ лöня шуис Бурь-Ань. — Абу сылён си мында выныс. Мöскуаса Степаныдкöд тай со нином эз вöч, а мöдys öд тулыссянь нин миян муын. Вермис кö Степаныслы лёк керны, важён нин мöдys эз вöв ловъя. Весьшöрö Памсыд поланыд!..

Юр-мортъяс бур здук мёвпалисны. Татшöм мёвпыс налён вежёрö некор эз волы. Збыль öд, тешкодтар артмö: мыйла нö мёскуаса Степаныс мытшöд оз тöд, выль вера быдлавын пыртö, ыджыд Памлён кö выныс помтöм?.. Збыль мёй нином вöчны оз вермы?.. Сiдзкö, мый понда налы повны колö? Бурь-Ань тай со оз пов... И нином эз вермыны вочавидзны юр-мортъяс, сöмын пинь пырыс лэдзисны:

— Сiдз, сiдз, матушка Бурь-Ань! Эскам тэнад кывъяслы...

— Да, водзö эн и полой Памысъ, — олöма войтырлысъ лов кыпöдыштöм могосъ содтiс Бурь-Ань. — Бордъяссö сылысъ чинтыштöма лои. Оз вермы сiё миянöс воддза моз мыждыны ни мылыштыны, либö сылён кадыс коли. Онi мёд-джык кадъяс пуксёёны. Эн полой, мися, эн тiралой си водзын, юр-мортъяс, а лöня олой асланыд сиктъясын да виччысъёй мёскуаса Степанёс. А сыкёд муюгыд да мезд. И ме виччыся сiёс, и тi виччысъёй, и воас миянлы ыджыд милосът кристианалён Енсянь. А тунъястö ассыныд эн кывзöй, найё тiянöс ылöдлöны!..

— А регыд-ö виччысыны мёскуаса Степансö?

— Регыд, регыд воас. Виччысъёй да дасьтысъёй, вокъяс.

— Гёgörвоана, колö дасьтысъны. Сöмын ваяс-ö шудсö вера вежёмыд? Öд сиcянь роч дукён öвтö. А рочьясыд — лёк войтыр...

Тайёс шуалёмён юр-мортъяс полёмпырысь видзöдлiсны налы воча пукалысъ удал молодечъяс вылö, но найё эз бура вежётны зыряналысъ сёрнисö да тёвар эз вартлыны. Бурь-Ань торкис сёрнитисъясöс:

— Быдсяма рочыс овлö! Быд войтырлён аслас обича: лёк либö бур. Ми öд абу жö дзик ставён öти шаньёсъ. И миян пöвстын эмёсъ лёкъяс и буръяс, лёкыс весиг унджык лоё. Сiдзкö, мыйла рочьяссö колö лёкёдны? А вера вежёмысъ ыджыд шог оз ло. Абу сiё сэтшöм, кристианалён вераыс, медым коньёр йöзлы шог вайны. Вына кристианалён Енмыс и видзас Сiё пыртчомаясöс быд шогысъ

и ускоттёйс. Казтыштой Важъ-гортын лоёмтортö: эз-ö петкодлы Сийё ассыыс вынсö да мывкыдлунсö? И тиянлы, пыртчанныд кö, шаньыс вичмас...

И ань лыбодчис пукаланінсыс да содтис:

— А оні муной да шойччой. Тиянлы индом керкасö тёданныд. Аски асывнас пыралой ме дорö. Туйё петтöдзныд бörбяя кыв шуа.

Юр-мортьяс улодз копыртчылісны да көсийисны нин петны керкассыс, тайё здукас ывла вылын кыліс шум, и керкаö сы ни садь пырисны кык дозорнойыд.

— Матушка Бурь-Ань, — отвыйясь горёдісны найё, — берегö пыж тшукöдчис, и, сёрнияс сертиныс, Нязь-погостысь Пам воёма! Ыджыд Тунён сы дорö шыасынс, ми и вежёттим, мый тайё Пам...

Том ныв дрёгмунліс, весиг чужём серыс кельдöдис. Татшомтор сийё виччысын эз куж. Кытысь уси Памыс?.. Юр-мортьяс ловъяось нисьё куломаёс колины сулавны. Ушкуйяс пиыссы оти чуймёмён видзöдис на вылö, эз гёгрво, мыйыссы ставён тадзи шызисны? Но регыд и налы лои гёгрвоана, мый сийё Памлон воёмыс.

XI

Сыктывъ-дорысь пышёйом бöрын Пам ассыыс дум эз веж, мёдарё на — вирыс пуны пондис, быттьё ставсыс мыжакён Бурь-Ань и лои, — та понда шуис чорыда мыждыны сийёс. Рочъяс тайё пöриё мездисны Сыктывъ-дорсаёс, но Бурь-Аньёс найё, Памлон чайтём серти, дорыны оз вермыны, и пöрысь тунлён синъясыс лёкыссы кодзлалісны, кор шуис аслас туй ёртъяслы:

— Шуда на вёлёма Сыктывъ-дорыд: роч иёс ми шёро воисны! Но Вадорын найё абуось. Некоди сэні оз чайт менсым воём... Шог лой кывзыстыом Бурь-Аньлы! Некутшом прöща сылы оз ло!.. Зильджеука сынёй, ог вермы ни узыны, ни сейны, ни юны, кытчöдз ловсö ог босыт вежавидзтöмлес.. Тэрмасьёй, тэрмасьёй!

Сынысьяс вын эз жалитны, медым Памлон сьёлём бурмис, налои сынёмён пыж шуньгис водзö и водзö, бöраныс ва вылö сёмын быгъя туй коли. Пам син водзын ставыс вералис; берег отарас и мёдарас кузяла шувгис пемыд вёр, сёмын коръяскö вочаасьлісны нэвиджыд сиктъяс, но некытчö эз сутвокерлы Пам, сылён вöлї оти мог — регыдджык воёдчыны кытчö колё. Со и збыльмис көсийомыс: сы водзö петкодчис колана сикт. Пыж тшукöдчис берегö... Вöлї стöч вой шёр кад.

— Со и Вадорыд, ыджыд Пам, — гажаа юörtис Сюзь да отсалис Памлы петны пыжыссы. — Йенъяс отсöгён, воим тай. А ставлы жё вичмис мудзыс, чёлой нёль сутти катим, пошти шойччывтöг! Оні кöтте неуна личöдчылам...

— Та йылысь сёрни оз вермы лоны, — пемыдö вёйччом Вадорлань видзöдиг-тыр стрёга шуис Пам. — Кывзыстыом вылö сьёлём пюö... Выйті ыджыд сылён мыжыс, но и мыждомыс оз ичётджеек ло... Но гортас-ö сийё? Эз-ö Эжва катыдö мун?.. Эй, кесийлөссяс менам! Босытой ассыныд кипельястö да локтой ме бöрся. Тэ, Сюзь, тшотш лок. А тi, сынысьяс, би пестой да шойччыштöй. Тi оні меным он колой... Видзöдлам, гортын-ö Бурь-Ань, а гортын кö — шог сылы лöй!..

Памёс видзысьяс кыв шүтöг мёддöдчисны тэрыба восьлалысь кёзяин бöрсаяс. Сюзь мунис медводзын. Сиктын ставён узисны, шыч ни рак эз кыв, но мыйён туй

выв йöz воисны кыр йылас, син водзаныс мыччысис би югёр, а кык мыгёр вұдҗортісны на водзті да саялісны матысса керка сайö.

— Тайö Буръ-Аньлён керкаын, — шöпкёдіс Сюзь да индіс юғыд öшинълань. — Коло чайтны, гортас. А мысся йöz котörtісны? Тöдісны öмой миянös?

— Веськодь, — öвтыштіс кинас Пам. — Вадорсаысь ме ог пов. Сомын мед рочъяс абүось.

— Некысь налы лонысö. А оні? Веськыда сы ордö мунам?

— Сідз... Оз воштысь сійö меңсі!

Сюзь воськовтіс водзö, и некымын здук мысти нин сулатіс Буръ-Аньлён кильчö вылын, ньоти вежавидзтöг пондіс гымöдны кабырнас да лöвтны:

— Эй, восьтой регыдджык! Лэдзöй бур йözös да виччысяна гösтьясöс!..

— Коді сэн? — юаліс керкаводзсяныс ныvbaba, и Пам пыр жö тöдіс Буръ-Аньлысь гöлöссö.

— Гösтьяс, шуöма тэныд! Восьт öдзöстö!

— ГösТЬЯС войын оз шöйтны, — лöня вочавидзис Буръ-Ань, эз и думайт найös лэдзны. — ГösТЬЯСЫД лунын ветлöны, а оз войын. Тi кö збыльысь гösТЬЯС, локтöй аски асыв. А оні ме тiянös нинöмысь ог лэдз...

— Да тöдан-ö тэ, кодъяс ми лоам! — вештіс Сюзьös öдзöс водзсыыс да поводнöя дöзмöм гöлöсöн равöстіс Пам. — Ноко, пыр жö восьт!..

— Ог тöд и тöдны ог кöсйы, кодъяс тi лоанныд. Локтöй аски асыв.

— Он тадзи понды сывны, яндысytöм син, кор тöдмалан, коді ме сэтшöмыс! Ме зыряна войтырлöн ыджыд тун — Пам! Кылан-ö тэ тайös? Шуöма, регыдджык восьт!..

Памös здук кежлö дзикöдз падмöдліс керкаводзын лöня шыалысь гöлöсис:

— Ог эскы, мый тэ Пам. Да мед кöть и Пам тэ вöлін, эг эськö восьт...

— Мый понда сэтшöма? — пинь пырыс лэдзис пöрысь тун да пондіс ставнас тıравны.

— Отдор йözös войын ме некор эг лэдзлы... И Памös ог лэдз...

— Видzöдлам, кыдзи на лэдзан! — не аслас гöлöсöн шöпкёдіс Пам да туй ёртъясланыс бергöдчöмөн горöдіс:

— Сюзь! Слугаясöй менам! Жугöдöй öдзöссö! Оз восьт миянлы кыв гögörвотöм баба, дак ми асыным пырам...

Памлöн туй ёртъяс дасьось нин вöлі пöртны олёмö сылысь тшöктöмсö, но тайö здукас зялъкнитіс пытшкöсиган, и Буръ-Ань шуис:

— Эн ноксöй мыйön оз ков, войся рöзбояяс! Кöть лёкён локтiнныд, ачым восьта! Бурпырысь кора!

Öдзöс гурыйв вossис, и ывлa пемыдсö поткёдіс би югёр, мыччöдліс Памлысь да сыкöд локтöм войтырлысь мыгöръяссö, но здук мысти бöр лои пемыд: Буръ-Ань киын вöлі юғыд сись, но мыйön «гösТЬЯС» воськовтісны керкаводз пытшкö, сійö пырыс керкаас.

Пам пинь пырыс сöдзöдіс:

— О, яндысytöм син! Вöрсаыс да вакульыс мед тэнö нылыштасны — татшöм кывъяс меным шуны лысytöс! Рöзбой туйын ми тэныд лоим?.. Тайыс тэныд на ковмылас! Быд кывыйсы!..

Скёрлуныс пöдтöмөн пöртіс пöрысь тунös. Тiralan киён сійö корсис пыран öдзöс: со, аддзис жö... Пам нетшыштіс сійöс асланыс да шыён воськовтіс пытш-

кё. Тані волі тырмымён юғыд: пызан вылас и гор вылын дзузгисны сисъяс. Кианыс чераөсү, Сюзь да Памлён кесыйлөс воськовтісны сы бёрсү.

— Пов, Войпельлы паныңды мунысы! — лёккүсь равостіс Пам да уськодчыс пызан дорын суалалыс Бурь-Ань вылә. — Енәжыс тә водзын гугассис! Ыдҗыд Войпель бергөдчис тәйсү. Менам ёрд лој дженены...

Но друг сійді джёмдіс да повзом синъясоң пондіс шыбласыны ётарё-модаро. Сы водзын югнитісны мечъяс: голъскис көрт бердө көрт. Роч пасъкома, ыдҗыд тушаа нёль морт потшины Бурь-Ань дорө туйсө да сэтшом чужомъясоң пондісны зырны пёрыс тун вылә — асылыс төдліттөг шатовмұнліс бөрвыв да топодчыс сійс видзыссыяс дорө, кодъяс повзомаөс, гашкө, Памысы ёнджақа... Бара роч войтыр!

— Вузалісны... Вузалісны!.. — шойовошомён броткодчыс пёрыс тун да петитчыс петанінланы. — Кытысъ воисны тайо ѹозыс?..

Рочъяс колльодісны найос ѿздөс дордзыс и виччысисны, мый шуас Бурь-Ань, коло-о вётлыны керкассы, но нын вөчис ас ногыс. Отпектайлы да ёртъясылы петкодліс кинас, мед вешъясны бокө, ачыс шыасис Пам дорө, коді оні волі гүй веcъкалөм көин кодь.

— Эн тәрмас менё мыждыны, Пам. И дорыйссыяс менам эмбес. Тайо — новгородса витязъяс, а насыс қындызи и татчош ѹоз ставон ме дор сувтны дасьбес... Весьшорё лёкалан! Видзас менё кристианалён Енмыс тэнад ёромыс...

— Войпель қындызи мөд йен абу! — пөдом гөлөсөн городчыс Пам да синкым увсянныс видзодліс Бурь-Ань вылә. — Войпельсъ вылоджык кристианалён Енлы не пуксыны...

— Войпельыд сійо абу йен. Эз вөв и оз ло некор. Отнас кристианалён Енмыс волі и пыр лој, нәмись нәмбес. А Войпельтө тунъяс думыштісны...

— Эн ылодчы, вежортөм баба! — веcъопрөмён равостіс Пам да бара вувзысис Бурь-Ань вылә. Эз төд, қызды лёксө песны. Войпель йылысъ татшом қывъяс кылөм борын сійо бара сэтчөдз скормис, мый вунодчомён кватитіс тасма пуртоссыыс ыдҗыд пурт да уськодчыс Бурь-Ань вылә.

Отпектай кватитіс сійос қыкнан киодыс да песовтіс бөрладорас.

— Прочь, гадина подлая! — чорыда шуис сійо да ѹоткыштіс Памбес некымын воськов бөрвыв. — Не съ зырянами воюешь ты! Найдётся и на тебя управа! Мы тоже ребята не трусливые!..

Памлён синъясыс өзийисны.

— Нойтой, нойтой найос, слугаясой менам! — кирган гөлөсөн горзіс вежорсөштөм тун. — Нойтой ѡкаянной мутиясөс, и қызызыстөм бабасө тшотш!.. Вины найос тшоқта!.. Бергөдчыс на дорысъ ыдҗыд Войпель!..

Сюзь да Памлён войтыр кианыс черон вөчлісны некымын воськов водзю, ушкуюясланы нырён, но на водзын бара югнитісны мечъяс, и повзом зыряна джомдісны, эз лысътны пырны венё збойлунён торъялысъ новгородсакод.

Отпектайлын синъясыс пемдайлісны. Поясалом вирысла тіралысъ киыс күтчысис меч воропо сідзи, көтө оні кералас кодос коло. Памлён лёкалоымыс сэтшома өзийодіс атаманос, дась волі сапкыны тайо пёрысъ выжывсөс, коді лысътіс воны Бурь-Ань вылә, но нын эз сет вөчны тайос, водзвыв өлөдіс том молодечъясөс, мый «ни одинъ волосъ не долженъ упасть съ головы Пама и его людей».

Юр-мортьяс воліны тан жо. Памлён другусъ воом йылысъ қылөм борын найо

дзикодз шёйёвошины да кёсийисны нин пышыйны вёрё, но Бурь-Ань пановтіс найёс да корис лоны Памкёд аддзысылём вылын. И волі та вылёр ыджыд помка. Дозорнойяслы Бурь-Ань тшёктіс садымёдавны сиктсаös да чукостны чукортчан-керкаö, а ушкуйяс лоßьодчисны вочаавны гоßтьясоß, сы понда мый Бурь-Ань гоßрвоис: Пам эз бурысь лок Вадорё.

Збыльясь, Пам шуис вины Бурь-Аньёс... но сылон вын паныдасис сы кодь жё, пожалуй, вынаджык на вынкод, — и весьёпёромён кодзлаліс синнас пёрысь тун, эз тёд кытчо воштысыны сисъясон югзьёдом керкаын.

— Бара, бара рочьяс... — ёдва кывмён шёпкёдіс сійö. — Мудеритісны менё... Накод нином вочны ог вермы! Рочьястö ниномён он повзьёд...

Лёксö песомён пёрысь тун видзёдіс Бурь-Ань да сійёс дорийсьяс вылёр. Сійö, Пам-сотник, медся вына тун! И вочны нином оз вермы!.. Шевалыс пёйтіс. Эз тёд, мый вочны, мый шуны водзё; кок ув мыджёдыс воши сы улысь; эз татшомтор виччысь пёрысь тун, кор мёдёдчис Вадорё, — Бурь-Ань пановтіс сійёс. Друг видзёдласыс крукасис пельёсö жмитчом юр-мортъясо, и мисытём ру вужжортис пёрысь тунлон синъясын.

Тыдалё, тёдіс найёс.

— А ті мыйла танёс? — на вылёр лёксö песомён скорысь горбодіс Пам. — Омой ыштінныд? Ыджыд Войпель ёрас тіянёс... да и ме мыждытёг ог коль...

Юр-мортъяс тёдчымён рушмисны. Век жо Пам налён вежёрын волі помтём вына, быдтор вермыс мортон, и тайёс кылём борын эз тёдны, кытчо воштысыны: уськодчыны пидзёс вылёр да прёща корны али водзё чёв овны, оз-о шыась на пыдди Бурь-Ань... Ныв видзёдліс на вылёр да гоßрвоис, мый юр-мортъяс збыльясь родёны, и ачыс шыасис:

— Он колана ног сёрнит, Пам-сотник. Ни Войпель, ни тэ ачыд — он вермой мыждыны. Коли тэнад кадыс. Тырмымён куражитчин ми вылын! Кристианалён Енмыс доръяс миянёс тэнад лёкалёмысь...

Пам ярчкис пиньнас. Эз вермы кывзыны, кор сы дырайи казытыштёны кристианалысь Енсö, но... выныс эз сы дор вёв, и сійö ланьтіс. Ньюжёйоник ладмёдіс пуртсö коскас ѡшалысь пуртёсö да пёдём лолён пычкис:

— Быдён ас ногыс чайтё, ныబаба. Тэ эскан кристианалён Енлы, а ме Войпельлы, а коді миян костын весъкыдджык — абу тёдса. Сы понда и вои татчо, медым тэкод аддзысылыны да толкуйтыштны...

— Татшом ногён сёрнияс оз панлыны, Пам-сотник, — пёрысь тунлысь сёрни вежём помкасö гоßрвоомён сероктыштіс Бурь-Ань. — Тэ медводз керкаö лёк думён пырин, быттьё войдур, сэсся пуртён ме вылёр шыбласин. Тадзи бур войтыр оз вочлыны!

— Эг вермы ләптыны ыджыд Войпель вылёр ыршасьомтё, — скор видзёдласын ставёс гоßртёмён вочавидзис Пам. — А тэ мый могысь рочьяссö вайёдін? Ог вермы терпитны роч вирсö. Тшёкты, мед петасны. Сэки и сёрни лоё...

— Найё миян сёрнилы абу задев¹: оз вежортны ми ног.

— Ог кёсайы на дырайи сёрнитны. Тшёкты, мед петасны.

— Тэ аслад войтырлы тшёкты, сэки и сёрнитам! А рочьяс татчо кольёны...

— Оз ло тэ ног, ныబаба. Тэ лёктор мёвшытін!

— Эг ме, кёнкё, а тэ лёксö мёвшытін, Пам-сотник. Но ме тэысь ог пов. Тэнад лёкалёмыд менё оз чегсёд. И сёрнитны тэкод нужда абу, но кёсъя, медым

¹ Абу задев — не помеха.

некоді весиг думыштны эз лысьт, мый повзи тэысь, и кора петны чукортчан-керкаö, медым став йöz дырий сёрнитны!

— Йöz дырииыд сёрнитны бурджык! — мыйлакö друг сетчис Пам, весиг Бурь-Аньсянь увтыртан кывъяссö пыдди эз пукты. — Тайös тэ бура мёвпыштöмьид. Мунам, петам йöz дорас да сёрнитам.

Ныv чуймёмён видзöдліс Пам вылö, казяліс вежсьюмсö, но тайö ньёти эз майшöдлы сiйös, и бергöдчис ушкуйяслань чужомён.

— Вы, молодцы, пойдёте за мною в чукэртчанъ-керку. Не оставьте меня, слабую, безъ защиты. Можно надеяться на вась?

— Мы, матушка, жизнь за тебя положимъ, — отвылышьон горёдчинсы найö да наянпырысь видзöдлісны Пам вылö. — Не дадимъ тебя въ обиду самому дьяволу, не то что старому кудеснику. Да скажи ты слово одно, такъ мы его на осину кверху ногами повъсимъ!..

— Нетъ, не надо трогать его, только меня не оставьте.

— Не оставлю я тебя до гроба! — пося шöпкодіс Отпëтый да любопырысь видзöдліс ныv вылö, и мёдыс кокныд сьёлёмён воськовтіс öдзöслань, сёмын чёвланьтöм юр-мортьяслы шуис:

— И тi локтöй, юр-мортьяс. Кывзыштам, мый пондас висътавны пöрысь тун. Да эн полой сысь. Шуа, эн полой... Нином сiйö тiянкöд оз кер!

— Видзöдлам на, мый ме верма да мый ог! — öдва кывмён пычкис Пам да мисьтöм чужомён петис Бурь-Аньлён керкаысь. Кутшöмкö лача чужис сылон вежёрын, и пöрысь тун ловзыштiс весиг. Но став лачаыс регыд быри, эз и сямы пöрысь тун öдöлитны Бурь-Аньös.

XII

Вадорса шойёвошины: Памлён воём, да нöшта татшöм видчысътöг, абу бурводзын. Дерт, татчöс войтыр эз нин родны воддза моз, но велалöмпöрысь век на полыштiсны. Дерт, тайö эз нин вöв весьбöрмён полём. Вадорын олiс Бурь-Ань, и сысянъ вадорса босытiсны уна бурсö, тшётш и повтöмлун да матысса йözлэ отсöг сетны дасылун, но онi, кор дозорнöяс вой шöра войö садымöдалiсны найös да корисны локны чукортчан-керкаö, кутшöмкö гёгöрвотöм ловкылöм майшöдліс на.

Тэрмасигтыръя локталiсны вадорса. Кодъяскö гора гёлöсён видiсны Памöс, мый ветлöдлö сэнi татшöм кадö, но унджыкыс зумыш чужомъясон чёв олiсны да мёвпалiсны быдён ассыыс. Керкаын регыд лои тыр йöz, стенö кодийм кык прöдущникин ловзисны тшынöдьсис сисяяс. Кодлы тырмис места, пуксялiсны ош күён вевттöм лабичъяс вылö. Öтитор эз тыдав, мыйлы колiс лоны быд чукортчан-керкаын: Войпельлён бôлбаныс.

Зыряна чуймёмён юасисны ёта-мёдыслыс:

— А кёнi нö Памыс? Мый понда миянöс чукортiсны татчö? Некодöс эг на аддзылой да...

— Пам матушка Бурь-Ань дорö пырис, — шöпкöдöмён висътасисны тöдьсис войтыр да катлöдлісны юрнас. — Тыдалö, ёна скöралö, но миян матушкакöд нином оз вöч: роч молодечъяс си дорын. А рочьястö кодi öдöлитны вермас?!

— Пам-сотник буало! — чукортchan-керкао пырёмён горёдіс дозорнёйас пишысь ёти. — Кыйкнитлі ѡшиньёдыс да аддзи: Буръ-Ань вылө ыджеңд пуртён уськодчыліс! Да ладнö атаманыд кутіс... Ог сетёй матушканымёс ёбидәо, вокъяс!

— Виам порысь рөзбойёс! Ог сетёй Буръ-Аньёс ёбидитны! — Памлён лёкалём ийалыссы кылём борын шызысны зыряна да став чукорнас веськодчисны петны ывлао, медым мунны Буръ-Аньлон керка дорё.

Но дорийсыны ээ и ковмы. Сыв дас вешайисны чукортchan-керка дорысь, налывоча котёрён воис мёд дозорнёй и юортіс, мый Буръ-Ань да Пам асланыс войтыркод локтёны татчо.

— А мый нö Буръ-Аньыскод? Эз-ё көть дойд Памыс? — пондісны юасыны силясь. — Ловъя-дзоньвидза-ё?

Но мёдыс тшёктіс бергёдчыны да пырны чукортchan-керкао.

— Ловъя и дзоньвидза, вокъяс! Роч войтыр дорийисны... Да ті бёр косёй. Найё регыд воасны.

— Аттьё роч йозлы. Абу ставныс ёткодь лёкёс... Да и ми Пам водзын огкопыртчой. Буръ-Ань вылө сийёс ог вежой...

И зыряна бёр пырисны чукортchan-керкао да чорыда кёсйисисны: Пам водзын копрасыны оз пондыны, и сёрнисё кывзасны веськодьпрысь, мый көть сийё оз понды висътавны.

Коркё сэсся и Пам воис. Зумыд воськовъясон матыстчис шёркост лабич дорё да сёкыдпрысь пуксис, та борын петкодліс Сюзълы да сийёс видзысьяслы, мед сувтасны мыш саяс. Та борын пырис Буръ-Ань да пуксис орчча лабичо, сылён мыш сайё сувтісны роч войтыр да наяныпрысь пондісны кыйявны Памлань. Коймёд лабичас пуксисны чукырбось чужёма, мудер синма стариқъяс, нёль морт. Найё чола видзодісны Пам вылө.

Порысь тун чуймёмён гёйгертіс видзодласнас чукортchan-керкао локтём войтырёс. Некоді сы водзын ээ копыртчи, и пидзёс вылө морт ээ ләдзчысь: войтыр суалалісны стен моз, сёмын зывоқтана видзодласъяс чөвталісны сылань. Некор и некён на татшома вежавидзтог ээ вочаавлыны зыряналыссы медыджеңд тунёс да сотникёс!.. И Пам таись нёшта ёна дёзмис:

— Кодъясоц аддза ме ас водзысь? — быд кыв тёдчодёмён шыасис сийё. — Зыряна вира войтырёс али мёскуаса Степанлысслугаяссоц? Вунёдінныд вына Войпельёс, менё вунёдінныд; вунёдінныд польясыздлысса да айясыздлысса эскомъяссё... Оні юала тіянлысса, зыряна войтыр, мый понда бергёдчинныд асланыд йенъясыссса да мый могысс Буръ-Ань борсая вётчанныд? Сийё тіянныныд синнытё пёртмалё, ылодчо сийё, а ті и эсканнныд! Пёгубитас тіянёс! Вётлой сийёс ас дарсыныд да пыдди пуктыны! Мёд ног — шаг сёмын тёдланныд!.. Пидзёс вылө, пидзёс вылө, вежавидзтөм пемёсъяс! Проща корой менсым!

Зыряна ээ весиг вörзывыны. Буръ-Ань волі накод, а сы дырий вадорса ниномысс ээ повны. Пам аслас ёрсюмён да видчомён ээ вörзьёд налыссы руссо, и проща кором йылышсы весиг морт ээ думыштлы. Боръявыв олома нёль мортис шёпкодчылтісны ас костаныс, и на пыссы ёти чеччыттөг шыасис Пам дорё:

— Тадзи сёрнитны миян матушка Буръ-Ань йылышсы абу лада, ыджеңд тун! Сийё миянёс оз ылодлы ни оз повзёдлы, тайёс тә чукльёдлёмён висъталан. А

тэнсъыд прёща корны помкаыс абу: ми тэ водзын нинёмён эг мыжмой! Со күтшом миян ётвьетыс.

Пам югнитліс син пёвнас.

— Аслад мывкыдысь вылоджык чеччалан, пёрысь морт, — этшё воштёмён горёдіс сійё. — Водзвыв вежорттөм кывъясон пеңласян... кыв шуны лысъстан и ме водзын он чеччи! Ог прёстит татшома збоялёт! Да и эг тәкәд ме сёрнисө пан, а став бур войтырыскёд. А тэ мыйся сэтшом морт? И кызды лысъстан пукавны мекёд орччон? И тәкәд пукалысъясыс кодъяс лоёны? И кызды лысъстанныд пукавны, кор ме тіян водзын сёрнита? Йенъяслон дозмомыс ті выл ѿсь...

Олома морт повтог видзёдіс Пам выл.

— Ми тайё сиктас медся арлыда йозыс, — вочавидзис сійё став пыдди, — миян кокъясным мудзомаось дыр оломсыс. Ми весиг матушка Бурь-Ань водзын ог чеччылой, непоштот тэ водзын. А сёрните ійоз нимсянь, и он кё эски меным, юав бур войтырыслыс. Но, збыльсө ме висътала, вокъяс?

— Сізд, сізд, — кыліс гёгёр, и тайё Памлыс ловсө пыкис, гёгёрвоис, мый став Вадорыс сылы паныд мунё и некоді оз понды копрасыны сы водзын. Став лачаыс пакталіс. Чукортчан-керкалань восьлаліғон сійё чайтіс, мый вадорса сыйтывдорса кодъ жо полысь кочъяс да регыд сетчасны сы уло, но оні тыдовтчис, мый сорсис, и вывті ёна: вадорса эз петкёдлыны сы водзын некутшом полём, весиг вывті вежавидзтөг сёрнитоны Памкёд. Тадзи сійёс неконі эз на паныдавлыны!..

Син бёжнас видзёдліс чукортчом войтыр выл: нином абу сы ног. Сы водзын сулалісны сійё жо зырянаыс, кодъясо аддзё быд лун, но мыйён торъялісны тайё йозыс, волі синмад шыбитчо. Найё, кодъяс водзті воліны пыр мыссывтёмөс, лёк дукаөс, чедзалаом пасъкомаось, вочаасиг синсө уло ләдзёны, оні воліны соңтёмөс, дзоньвидзаось, бур пасъкомаось, и видзёдёны весъкыда синмас, тодчо, некутшом родом ни весъюпёрөм налён вежорын абу кольома, — волі мыйясь шойюшны... оні нин пёрысь тунлы. И сійё збыльсь падмис. Скёрысь дернитіс асьсо тошкёдыс да вомгорулас броткыштіс: «Ишь, вёрса, мыйся вөвлыттөм войтыр тани! Некор на татшомъяссө эг паныдавлы. Съокыд пуд — татшомъяскёд ётвьылсъ тёлк да сям корсыны...»

— Но, вокъяс, — вежсюм гёлөсөн, сы понда мый аддзис — повзьодлёмён тані нином оз чукты, водзю сёрнитіс Пам: — Ме вои тіян дорю эг вензюм понда, а ыджыд сёрниён. Кывлі, отдорчанныд ыджыд Войпельсьсь, роч верао пыртчыны дасьось. Збыль-о тайё?

— Збыль, дзик збыль, — кылісны гёлөсъяс, и Пам скёрысла льом кор моз гөрдөдіс, но кыдзкө кутчысис. Оні гымавны да вирдавны тёлк абу, кор чукортчом пёвстын сыйыс нимсө морт пыдди оз пукты. Ас кадо нылыштіс петны вөйзийсьсъ лёк кывъяссө да водзю сёрнитіс:

— Мый понда, сіздкө, татшома отдорчанныд ыджыд Войпельсьсь?

— Войпель абу йен. Оз вермы сійё бур ни лёк воччны... Эг тодлой сыйянь некутшом мылыштөм... А тунъяс сомын розборитоны ми кодъсө...

— Энлой, энлой, — досадапырыссы кинас ётыштөмён торкис Пам. — Он весъкыда ті сёрнитой. Войпель — ыджыд да вына йен; сійё кристианалён Енмысъ вынаджык. Тунъяс тіянөс оз розборитны, а ыджыд йенлы козин мыччоны. А Войпель козинъястö коромён кор.

— Оз Войпель, а тунъяс, — паныдаліс олёма мортъяс пиысь ѿти да видзёдліс Пам вылёр. — Тайёстö ми ставён тёдам...

— Коді тіяны татшомторсö висьталіс? — көрис синкымъяссö порысь тун.

— Буръ-Ань висьталіс, — синсö вештывтöг шуис сiйö жö олёма мортыс. — А Буръ-Аньлы не эсқыны оз позь. Сiйö некор оз ылётлды.

— Тi чайтанныд, оз и ылётлды?

— Гёгёрвоана, оз. Абу сэтшом морт сiйö.

— Бур, — сöмын юрнас и довкнитiс Пам, эз аддзы, кыздзи та вылёр вочавидзен.

Зыряна сы вылёр ѿнi видзёдісны вылісянь моз. Ставлы лои гёгёрвоана, мый порысь тунлён воши мыджёдыс, оз тёд, кыздзи подулавны ассыыс видзёдлассö, а подувтöг водзö сёрни нүöдём волi весьшöрё кад воштöм кодь. И Пам тайёс гёгёрвоис. Зывётана видзёдлассöн гёгörtiс чукортchan-керкаö локтöмаяссоs да пöлöса нюмдöмён пычкис:

— А ѿнi ме ассым кыв шуа, войтыр. Бур делё тi мёвшыштöмныd — ассынты рочьяслы вузавны! Мёскуаса Степанöс сэтчöс нязь ыстöма тi кодьёс роч вераö кыскыны. Конкё, кывлінныd, мый пыртчыны окотитысьяссö сiйö ваö войтлö, кутшöмкö вордчöмъяс лыдьё, кымös и морёсвыв мыйёнкö мавтö, а та бöрын сыллiад пас ёшёдö. Тайё висьталё сы йыллыс, мый мортыс мёскуаса нязьлён верён лои. Сэсся татшомъяссö нүöны Мёскуаö либо Новгородö, а сэнi — нэм кежёл нёвёля!.. Оз нин аддзывны татчöс вörяяссö да еджыд лымсö, дона Эжва юсö оз аддзывны! Тайё жö и тiянöс виччысьё, Буръ-Аньлыс ылётчöмсö кö кызванныд. Зыбуч нюриö тiянöс, синтöмъяссö, нүöдö сiйö. Асланыd юр вылёр шог кёвъяланныd, а менё вётланныd. А Ѻд ме тiяны сöмын бур кёсъя...

— Наяннитан, Пам, он веськыда сёрнит! — порысь тунллыс повзьöдчан модасö тёдомён горёдісны вадорса. — Оз нюриö миянöс нүöд матушка Буръ-Ань, а нэм кежёл югыдö да шань олёмö петкёдö. А тэнад сёрнияслы ми ог эсской: рочьяслён лукавитан сямнад унаöн повзьöдлелисны, да вераыд абу лукавитöм... Ог пондöй тэнö водзö кызвыны, Пам-сотник! Мун миян сиктись бурён, грекö эн вöйт, мëдым эз ковмы гусясыс рöзбайöс моз тодмышкавны! Он лысът миян матушка Буръ-Ань вылёр лёк кывъясан воны!..

И Памлён восьсöн пöръясöм вылёр дёзмём зыряна дасьбос нин волi киён сы вылёр воны, сэтчöдз порысь тун воштöс пыдди пуктöмсö, но тайё здукас шыасис ачыс Буръ-Ань, и ставён лёнисны да бергöдчинсны сылань:

— Лёнылёр, эн вензьёй, вокъяс! — шыллыдö гёлсöн пондiс сёрнитны сiйö. — Нёти эг чуймы Памсянь татшом кывъяс кылёмись: сiйö некор веськыда эз сёрнитлы. Но эн вётлой сiйöс, либо мекöд сёрнитны локтöма. И вот став бур войтыр дырыйыс кёсъя ѿнi юавны Памлыс: тэ ног, мый понда кристианалён вераыс миянлы сöмын лёк ваяс? А мый мёскуаса Степан миянöс роч нязъяслы вузавны вонис, таё эсқыны дзик нин оз туй.

— Вочавидз, Пам-сотник! — шызисны зыряна да бара пондiсны сылань зырыны: — Мый понда кристианалён вераыс миянлы лёк? Веськыда вочавидз, лов сертизыd!

Пам чепёйис места вывсыс.

— Ланьтöй, вежöртöм войтыр! — кулакъяссö вывлань кыпöдёмён равöстiс сiйö. — Синъястö тiянлыс Буръ-Аньлён водзöс перйёмён пöртмалöма! Кристи-

аналён вераыс тіяңлы лёк ваяс сы понда, мый рочъяслы вер туйё лоанныйд! Да ёдті он эской меным! Мед ёрас тіяңөс ыджыд Войпель. Мед нэмсө лоанныйд ёрёма-ось да шудтёмөс! И лою тіяңлы бырлыгтөм шог! Ыджыд неминучаяс пондас ыставны ті юр вылө ыджыд Войпель! Казытыштланнный на менсым кывъяссо!

— Эн повзьёдчы, Пам-сотник! — кокныдиқа нюмдіс Бурь-Ань, весиг чужом вылас әз вежсыыв. — Пыдди ог пунктой тэнсыыд туналомтой! Оз весышшор шуны, мый повзьёдчыны тә кужан, а мывкыд кывийн чуймодны путыыд абу. И оні повзьёдчан, да некод нин тәйсөз оз пов. Татчөс йозыс абу нин сәтшомөс, медым тәнад кывъясысь чегсыны... Эновтчы аслад лёкаломыс, сёрнит толкён, висьтав, мый көсъян висьтавны. А он кө пыдди пунктты миянөс, аслад гаж. Мун бурён... кодаро мунссо!

Пам быттөй измис места вылас. Зыряна войтыр водзын... Бурь-Ань... сылы... шуаліс сы мында: кывзіс и әз эски, мый сёрнитоны сыкод, Войпель борын медся ыджыд тункод! Кытчо воши сы ним водзын кок сөн бырмөн поломыс! Вирон тырины синаканъясыс, чужомыс векыштчис. Бара кватитчис пуртой, лёк песомён Сюзьлы да видзысьясылы городіс:

— Нойтой, ставөс нойтой, менам слугаяс!.. Со тәнайд ыджыд Войпельсянъ водзосыс!

И вувзыисис Бурь-Ань вылө. Модыс весиг вешиштны әз вевъяв, кор сылён юр весытын югнитис пурт... Пам нином әз аддзы ни әз кыв, сомын том нывлыссы мустом чужомс ылосаліс. Пуртыс кодзалаис си киын... но друг си водзот петис кодлонкө скормом чужом, и порыс тун оти здукон лэбыштис борывы.

Зыряна тайо серпассо аддзомон ставон весьёпёрлісны. Пам лысътіс лэптыны ки найос дорийс вылө! Татшомтор терпитны әз позы. Мый выныссы горзомон да чамзомон найо уськодчини кымынъон қуйлыс Пам вылө и дасьось волі чашины, но тайо здукас съмертыссы мынном ныв шыасис тіран голлосон:

— Эн ворзьёдай сійос, вокъяс! Скёралом пондасы вежорсө воштыліс. А ме со ловъя и дзоньвидза. Оні видзодлой ставон, и ті, юр-мортья, тшотш, — ныв индіс медся олома нёль морт вылө, кодъяскод сёрнитіс чукортчан-керкао Памлон пыртодз: — Аддзанныйд, күтшом сёрни артмис ыджыд тункод! Оз сяммы сійо кыв отсогон сёрни визы нүодны. Скёрлунон тыр сылон съёломуис, мөвпъясыс сомын лёк тодёны. Быд ног сукляліс роч нязъяссо, быттөю пой найо миянөс неволяю босытны зільёны, но ми сылы ог эской. Рочъяс оз чайтны миянөс неволяю нүодны, а чайтисны кө, мый могыссы миянөс асланыс вераю пыртны? Тайо ставыс поръясъом... А оні висьталой, мый вочны Пам-сотниккод? Вывті скёр сійо оні, ог ме вермы сыкод водзот сёрни нүодны... да и ниномла водзот сёрнитныс. Ләдзам сійос да мед мунё, мед Эжва горув кывтө, а Эжва йылө катны ог сетой. Тадзи-ө, вокъяс?

— Вины коло сійос, порыс рөзбайос! — пондисны горзыны Памос пыр на күттиссы вадорса. — Сомын ловсө босытот и сулало. Тә вылө киён воны лысътіс!

— Ләдзой! — лёня, но чорыда тодчодіс ныв. — Ме понда олом некоді на эз воштыв, и Пам-сотник мед олө. Нуодой слугаясыскод ю доро, налон пыжыс сәні... И дасьтой кык пыж да колльюдой Эжва горув Көрт-керес сиктодз. Тода, Көрт-керес одз ылын, но оз позы сійос отнасс ләдзны, шызыбодас матысса сиктъяссо. Көрт-керессянь Сыктывъ-дор матын нин, а Сыктывъ-дорсиянь Эжва горулодз сиб. Сәні Памыссы нем повны, либо сәні мөскуаса Степан ассыс мог портө. А Степанос

венны силён вын оз судзысы: Степан вылын кристианалён Енсянь вежа пас, и некутшом морт вын оз ёдлит тайё пассо!..

Вадорса ыджыц кёситог портисны олёмё асланыс дорыйсыльсь тшёктёмсö: Памёс лой лэдзёма вёля вылёт. Кёин моз векыштылыс сиё шань сёйлому ныв вылёт, коди кык пёриё нин прёститис сиёс, пёрыс тунёс, сэсся кирган гёлёсөн городис аслас войтырлы:

— Локтой ме бёрся!

Сюзь да Памёс видзысьяс юр лэдзёмён вётчисны си бёрся. Ёти-кё, найё эз портны олёмё смыльсь тшёктёмсö, кор шуис «нёйтой ставёс!»; повтог сулалыс вадорса падмёдисны найёс, а мёд-кё, Памёс тані буракодь летийисны, а найё весиг дорыйны эз вермыны, и став водзын тадзи яналём увтыртис лов кылёмнысö.

Берег дорё Памёс «колльёдисны» нёль роч мортыйд, кодъяс окотитисны ветлыны Кёрт-кересёдз. Вадорса налы дасытисны кык пыж, наё сөйтисны колана мында сяян-юан, и шонді петёмкёд тшётш пыжа войтыр кылёмдисны горув, весиг здук эз лэдзлыны син водзыныс пёрыс тунёс.

Пам жё аслас пыжын пессис ләчкё шедём орт моз да быд ног ёрис Бурь-Аньёс. Нывбаба ёдлитис! Сиёс! Увтыртис став водзын! Татшомыс некор на эз вёвлы... Сиё ярчкис пинъясанас да лэдзис вомсыс помтём лёк кыв, но лоёмасö бергёдны волі сёр нин, и чегём бордъя тун ньёжйёниён лёнис да уси сьёкыд думё, шогпрыс кыйяліс на бёрся кывтыс пыжъяс вылёт, а наын воліны вадорса — квайт мортён быд пыжын, да нёшта рочьясис по-кыку.

Быдлаын, быдторыйн неладу! Сыктывъ-дорын рочьяс торкисны да, пышыны ковмис, а Вадорын и став войтырыс, Бурь-Аньёлён да новгородсалён юрнүйдём улын, паныд сувтисны. Ы-ыджыда ышловзис тун, ёдва кывмён сөдзёдис пинь пырыс:

— Эз мойви тайё пёриё! Шудыс меңсис бергёдчис. Янёдисны... Да мый нё ме сёмын ки да кок лыддя, а юр вörзьёдны ог лысит? Москуаса Степанлы воча пета: сиё ставлы юрыс. Сыкёд сюсяланы ворсёдчом пана, а сэні ѿти пом: либо сиё менё йёз водзын янёдас, либо ме сиёс!.. Пета, пета Степанлы воча! Тырмас сымыс повны!..

XIII

Мича гожём исковтис, и арыс бёрё коли, пукисис кёдзыд, джуджыд толаяса да чизыр туробъяса тёв. Бёр-вавыс быттьё джём сувтис. Лым шапкаяс улын чёвлёньё войтчомён сулалисны ѡта-мёдсö пыкыс джуджыд пожёмъяс да козъяс; гажтём сер мыччёдлисны веж платтьёнысö воштём кызд, пипу, льём; кадыс кадё паныдасылсны еджыд вылын веж рёмён вышшитчыс пуюс, но татшом серпасыс паныдасылс сёмын сэні, кёни волі тёв нырлы вёля, и сиё лун-лун шынняліс пу лапъяс костёд да гылодис на вылыс лымсö; унджыкыслон жё мыгёрыс саявліс лым туктаяс улёт, и видзёдны кё ылысян тшем сулалыс вёр вылёт, кажитчё, быттьё кодкё пиня-пиня еджыд потшёс сувтёдома ю берег пёлён.

Чёвлёня сулалё еджыд шушунё пасытасыом парма вёр. Шы ни тёв, сёмын кочвона и поткёдлө еджыд чёвлунсö. Некодлы оні и вёрзёдны смыльсь унсö, сёмын морт вермас торкны. Но и морт гежода мыччысылёт, коты зыряна мужичойяс

тайё пöранас петöны вöравны. Войывса вöрыд помтöм-дортöм, öтарö кöть мöдарö веськöдчы, водзö он во; зыряна воштыссыны сыö быттьö нэмöвойся пу вылын лыс ли кор, гежöда и мыччöдлöны асынысö. Звер тырмымён быд пельёсын, но тöвся кöдзыд да джуджыд лым тшöктоны лоны вывтì сюсьён да видзчыссысьён, медым кужны сайöдчыны да этшаджык шыавны. Кыйссысь да звер паныдась-лöны тшöкыда, и кöть мортлон абу вывтì бур öружие, быд пöриё чергöдö вöрса олыссыöс, стöча веськöдö сы выlö лäчыд ньёв либö кужёмён вöдитчö ёсшыён. Век жö тöвся кадö вöрса сарствоын гожся серти мöдар югыдын кодь лöнь, и еджыд вöр выlö видзöдигöн чайтсьö, мый тайё пöраыслы пом некор оз волы.

Сэзь лунгъясö, кор шондилён выныс тырмö сöмын му югзьöдыштöм выlö, но шонтыны оз вермы, да кöдзыд пондаис весиг пуяс потлассыны, лым эшкын вылын дзирдавлö лыдтöм-тшöттöм кодзув. Вöрыс татшöм кадö быттьö эзысь парчao вöччöма, шондi водзас пöртмасьö дивö кодь рöмъясон. Быттьö ловзыылö лымайыс, весиг сералö гажа серамён. Вексö пемыд парма ставнас югзыылö да лолö муса горнича кодьён. Тöвся шондi пелькöдлö ставсö: и зумыш вöр-васö, и ыджыдалыс кöдзыдсö, и еджыд ун пытшöкö вöйтчöм вöрсö — став ловъя ловнас. Но шондi саялас вöртас сайö, пуксяс вой, енäж ийрö кавшасяс тöлlyсь, и воссяс дзик мöд, пöжалуй, öнтаяссыс на чуймöданаджык серпас, сы понда мый лун югыдыс тöдчöдö быд мыгöр, а тöлlyсь югöр улын мусыс кажитчö вöтын аддзылём серпасон, весиг кутшöмкö ногён майдывса туналём сарствоын. Югыда дзузгö тöлlyсь, югöръясыс чольгöны лым вывтì да öзталöны виж сисъяс; тайё сисъяссыс котралöны öтилаыс мöдлаö, визлалöны вöрса нёковъясад, чеччиштлöны лым туктаён вевттыссыöм пу йывъяс выlö, и друг кытчöкö вошлöны, кор тöлlyсь сайöдчылас руд вурун кодь вой кымёр сайö, медым здук мысти югнитны нöшта на дзириддже-ка. И тадзи войбыд!

Но быдлунгъя могъясан личкöм морт эз сяммы любуйтчыны вöр-ва мичлунён. Язычникъяш шондi кöть тöлlyсь выlö видзöдисны морт вежöрлы гёгöрвотöм, вылiseянь на выlö дзоргысъ яенъясан выlö моз. Шондi налы чайтсис дзик вежöртöм лолён, кодi тöвся кадö, кор и сïдз нин кöдзыд, ньёти оз шонты, а гожся жар кадö мöдарö — ставсö сотö; тöлlyсь чайтсис юи сöчöнён, кодi чинлö кутшöмкö кад кежлö да коркö бара содö. Тайё сямтöм яенъясыс,— чайтисны найö лунся да войся гöстяяс їылlyсь, — некутшöм тöлк оз тöдны: öтиыс пöжö кор оз ков, а кор колö — оз пöж, а мöдис югъялö, кор и сытöг войыс югыд, а кор пемыд — дзеб-сясъ. Сямтöм яенъясан найö, оз тöдны миянлlyсь шогъяс да ускötтöяяс!.. Гёгöрвоана, тадзи донъялём бöрын шондi да тöлlyсь дорö ыджыд пыдди пуктöм зыряналöн эз вöв, сы понда мый шондöлlyсь гожся кадö вöлi кытчö сайöдчыны, и дзикöдз косытыны сïйö эз вермы, а тöлlyсылöн дзузган биыс вöлi дзик весьшöрö, öдвойын ставöн узьёны, та понда сылöн югыдыс дзик нин ковтöм.

Мöдджеек ног зыряна донъялисны турöб, кодi тшöкыда босытчылiс буавны парма ковтыссыын да весьшöпöртлiс налысъ лов и вежöр. Енäжсö куавлiс кымöра кышöдöн, босытчылiс сапкыны лым, тöв пыр чорзылiс и чизыртчылiс, синöдьын пессис кутшöмкö йöй ру, тадзи босытчылiс лов пöдтана турöб. Вöр-пуяс весьтын лёкалысъ тöв зилис личкыны муберд лым туктаясöн вевттыссыöм туганъяс, но зумыда сулалis пучеръясан öта-мöд бердас топыда тäчöм нэмöвойся вöр: дурк поводдя эз вермы öдöлитны сïйöс. Яра увгöмён войлисны гыалысъ тöв ныръяс да лэбисны кытчöкö водзö, корсисны сэтшöминъяс, кытöн позис налы петны вöля

вылô да петкôдлыны ассыныс удаллунсô. И татшôм вôляиннас вôлî яг да тîлля вôр костôд писькôдчысъ, а ôнî йи куд улô дзебсôм Эжва ю ковтыс. Сылён воргаôд турôб войлîс ойзîг-шутлялîгтыр, лэптîс да нуис кымôр мында лым бус, летомон летis да сыналîс берег дорô петом козъяслысъ лапъяссô. Эжва ю пôлён зыряналён нюжöдчома уна сикт, найô лэччöны дзик ва дорôдзыс... Турôб толîс зыряналысъ ичöтик керкаяс, нетшкылîс жебиник вевтъяс, кусодавлîс горыйн ôдва чусалысъ би, а керка срубсô лыдьбôдлылîс шегтыр моз, тадзи шойтлîс сикт кузя, быттьô яйвыв ош. Турôблысъ увгöмсô да лёкалôмсô кылём бôрын зыряна босытчылîсны катлôдлыны юрнас:

— Скёралô вôрса котырыс! Эжва ю вылô со петисны! Но, ôнî кытчôкô мунны дум абу: ôддьён лымйон тыртасны, а лёк туныс йиён дорас тэнö! Вôрсакôд пудъясыны оз позь...

И збыль, керкаысъ водзö татшôм кадö петны эз лысътны.

Но, тыдалô, абу ставöн татшôм полысъён чужлôмны: паныдасылîсны и сэтшôмъяс, кодъяс эз повны турôбысъ ни вôрсалён урсасъомысъ. Ôти тôвся рытö, кор турôб вôлî босытчома тайдз тôдлытöм вынöн, Эжва ю кузя писькôдчысны звер ку кышёда куим мыгöр. Водзас лямпа вылын ризöдис неыджыд тушаа, кымöс вылас вештöм юр тупийда морт, чужöм вылас тôдчыштîс сôмын кизьöриник тош; сы бôрся, лямпа вылын жô, вётчис пасыкыд пельпомъяса, лэдзалôм пеля низъ ку шапкаа морт, мышладорас тыдалîс ньöвшуж, а коскас бовъялîс меч; коймôд мыгöрыс видзöдом серти вôлî нывбабалён, и юрсô вôлî тупкôма майкô гôна шаль кодьён — кужöмён тôбôма чизыр тôвъясысь видзчысъом могысъ.

Туй выв йöz лым толаяс пыр писькôдчысны горув, водзын мунысыныс вôлî тôдчымон винёв, сидзи и шлывгис лямпа вылас; тыдалô, сылы ковмылîс сувышталôмён виччысыны кольччысъ ёртъяссô. Сэки нывбаба мыгöра морт небыда шуыштлîс:

— Эн сулав, мися, Маюръ. Эн виччысъ миянтö. Ми тэысъ ог кольччой... Эг на сэтшôма мудз...

— Пöжалуй, татшôм поводдя дырии мудзтöг он ов, — броткис Маюръ да пелькиник лямпаяссô индомён мôддöчылîс водзö.

Тайô вôлîны Буръ-Ань, атаман Отпëтый да вадорса пöвстисъ морт; найô тэрмасисны Эжва горув, кытчö думсыны зилис весъкавны Буръ-Ань.

Сылён син водзын ôнî на Памлён Вадорö виччысътöг воôмыс. Некор оз вунöд лёкалôмсô, сайös, кывзысътöмös, вины кôсийсъомсô, и кыдзи лои увтыртöма ассысъ вывтî ёна пыдди пуктысъ пöрысъ тунös да колльбôдомён ыстöма кытчö гаж, ôдвакö вунöдас. Буръ-Ань Памös песовтîс: мôдыслы ковмис бôрынътчыны. Некодî эз сувт сы дор, некодî эз дорый, но рочъяс вылô зыряна видзöдисны потшöс костôд моз на, и Пам сяммис шызыбôдны катыдсаös, кôть ачыс сэтчö эз волы. Другысъ кывсис, май Степан оз нин пыртчи, сы местаö быттьô воôма мôскуаса воевода аслас котыркôд да пуктöма мог нуны ставös невôляю: ветлô сиктысъ сиктö, рöзöритö овмôсъяс, а войтырсô мôддöдалô Устюгö да Вöлögдай, сэсянъ по водзö Мôскуаад и нүöдасны. Пам дор суалалысъяс ветлôдлîсны катыдса сиктъясöд да шызыбôдисны падъялалысъ войтырös, и весъшöрö Буръ-Ань зилис лöнъöдны, весъшöрö эскöдис, май тайô суклясъом: этшаён кодî эскисны сылы, кôть весиг и на кодысъ шуасисны:

— Тэныд бытть эски, матушка Буръ-Ань, но и налы эссыны кôсийсъю. Рочь-

яслён сямыс быдтор вылёт тырмас. Мёскуаса Степаныд, гашкё, и збыль миянлы бур кёсйө, да мукёдыс тайё бурсо оз лэптыны, со и локтисны могён, и Степантё, кывсъё, кутомаёсъ да дзескыздинё юртёмайт. Эз кё од кутны, важён нин татён волі, и кылым эськё сийёс. Мыита кад коли, а онодз со абу...

— А ти эн броткёй, эн чегсъёй кадысъ водз: ачым ветла кывтыда, — кёсийис Степаныд. — Ачым ветла да тёдмала ставсё, и Степанкёд аддзысыла, тиянлысъ син и вежёр восьта. Локтас коркё, эз кутны сийёс роч войтыр, воисны кё, эз миянёс розоритом понда воны, тайё юрсё Пам лэдзис. Ме сылысъ лёкаломсё гёйгэрвоа. А ти виччысылой менё, бергёдча регыд, мёскуаса Степанкёд локта.

И, тёвся кад вылёт видзёдтог, Бурь-Ань лёсёдчис туйё. Мунны позис сёмын лямпа вылын, и уна сьёкыд вермис паныдасыны татшом кадё, но нинём эз падмёд. Гёйгэрвоис, мый войтырлён падъяломуыс подула, тайё нёшта на майшёдлес нывлысъ сьёломуыс: горувсянъ воалисны сэтшом юръяс, мыйысъ быдён вермис шогё усыны. Дерт, некодкёд эз юксы аслас майышён, но кёнкё пыдын чужис юалом: мый понда Степаныс нюжёдчё? Кывтыдладорын пошти ставён по нин пыртчомаёсъ, — тадзи висьталисны сэні вёвлом войтыр, — сидзё, мыйла катыдоц лок?

Гёйгэрвоана, эз дзик ставыс вёчсын зиль проповедниклон кёсийом серти, но Бурь-Ань тайёс эз вермы тёдны да ас могсыыс тшёкыда мёвпалис: оз-ё чайт Степаныс сёмын кывтыдса зырянаёс пыртёмён и бурасыны, а катыдсаос кольны язычестволён пемыд гуын? Татшом мёвп пондис воны сылён вежёро бёрья кадё, и нылёс босытлес кёдзыд дрёж, кор думыштлес, мый тайё вермас лоны збыльён. Выль вера сы вежёрын чайтис зырянаёс видзан озынён, кытчё быд ног зилис нүодны, медым наён сьёлёмё вужёйодны буро эскём, но став зильёмыс волі веcьшёро, «либо збыль пося эсқытог морт оз вермы тёдмавны тырвый щудсё». И воис сэтшом кывкёртодё, мый медся веcькыд туйыс — Степанлон воём, си понда оні и тэрмасис кывтыдё, медым аддзысылыны да тэрмёдлыштны сийёс.

Отп'ятый мунис сыкёд, медым видзны и дорийны быдсяма видзчысътёмторъясыс. Бурдом ёртъясыс эз кёсйыны бурасыны зыряна пёвстын олёмкёд, Памёс Кёрт-кересёдз «колльёдём» мысти вот чукёртысъкёд оти пыжын кывтисны Устюгё, а Отп'ятый эз ышты ториёдчыны мусмём нывкёд да кольчис Вадорё, овмёдчис порысъ старик ордё. Бурь-Аньёс радейтём вуджис пыдди пунктёмё, вёвлом атаман ньёти эз выйтіась: том ныв сылён вежёрын чайтис кутшомкё гёйгэрвоны позытём дивёён, ловъя аканьён, том морт водзті эз тёдлы татшом ловкыломуыс, и кёть Бурь-Ань ньёти эз дзеб ассыс ловкыломуыс, Отп'ятый быд здук кутіс вежёрас сийё сёрнисё, кор ныв висьтасис кыв сетём йылысъ; Отп'ятый и виччысис, кёть гёйгэрвоис, мый колана здукыс регыдён оз во...

А туроб пыр ёнмис и ёнмис: синмё ляскысис улис лым. Тёв ныр яра пессис тшем вёр костё артмём воргын, ылавыяв рёмыдыс ньожёйоник вуджис вой пемыдё. Маюръ тёдчымён пондис майшасыны:

— Лёк дела, матушка Бурь-Ань! — тёв нырлы мышкён сувтёмён юртис сийё: — Лёк вынъяс петисны. Сийё и видзёд, кок йывсыыд уськёдасны. Оз волі ков вёрзыны Мортъ-голиссыд...

— А ылын-ё Кёрт-кересёдзыс? — Маюръ дорё сибодчомён юалис Бурь-Ань.

— Татшом гумыльгаас нинём он гёйгэрво. Лымайыс сидзи и гарто да. Чайтём серти, абу на матын...

— А я думаю — близко, — Буръ-Ань да Маюръ костын сёрниö кывзысыыштём бёрын тёдчёдіс Отпектый, көттө сёрнитісны найё зыряна ног (Отпектый тайой каднас уна кыв нин велаліс). — Подъ осень мы плыли здѣсь, когда провожали Паму, такъ я сильно запомнилъ, что отъ Мортъ-голи до Корт-кероса недалеко. Мы еще останавливались въ Мортъ-голѣ.

— Коло водзё мунны, — шуис Буръ-Ань, эз повззы кёдзыдысь ни турёбысь. — Татчёдз воим куим лунён, и Вадорсянь абу нин матынёсь. Ни лым, ни кёдзыд менё оз падмёдны, коло регыдджык воёдчыны. Маюръ, мун водзё. Регыд воам Корт-кересö, сэні и шойчыштам.

Маюръ согласа довкнитіс юрнас да босытчис писькёдчыны водзё. Лямпа туй кутны зільёмён сы бёрся муніс Отпектый, Буръ-Ань вётчис на бёрын. Дась лямпа туй вывті мунны волі кокныиджык, и Маюръ да Отпектый быд ног зілисны кокньюдны пыдди пунктана аньлысь пудсö.

Неуна муныштісны, и на водзын дзирдовтіс би югёр, сэсся мёд, коймёд, нёльйöд... Отпектый радпрысь горёдчис:

— А вотъ и Корт-керость! Слава Богу, добрались и до него!

— Тайё абу Корт-керес, — сувтовкеромён донъяліс Маюръ. — Тайё мыйкё мёдтор. Корт-кересыд мёдар пёлёнын...

Турёб ыджыдаліс водзё. Пёлтьтіс чизыр тёв, ётилаясь мёдлао нёбёдіс чёлой лым толаясөн. Вой пемыддыс тырвыйö нин тёдчис: гудыр ва кодь рокёсөн мавтіс матигёргөрсö. Маюръ кутшомкё кад видзёдіс на би югёръяслань — и тешкодь вол! То куслісны, то бёр пестисылісны, то суалісны вёрзьёдчытвётг, то вештьялісны mestасысь местао, весиг быттыö матыстчыны туй йёз дорö. И друг Маюръ горёдчис:

— Кёин, кёин! Быдса котыр! Накёд воча лоны — лёк водзын... Регыдджык сайдёччамёй, берегланыыс. Гашкё, сэтысь оз казявны... Ме бёрся котортой, матушка Буръ-Ань! Атаман! Беда! Кёинъяскёд воча лоим...

Отпектый зывокпрысь шуыштіс:

— Экая невидалъ — волки! Да я ихъ сотню зарублю! Не испугаюсь лжесныхъ живодёровъ...

— Не знаешь ты, голубчикъ, здѣшняго края, вотъ и говоришь непутёвое, — шань голёсөн паныдаліс сылысь збоялёмсö Буръ-Ань, но полём эз петкёдлы. — Волки для десятка добрыхъ молодцевъ не страшны, а для одного доброго молодца и для одного человѣка зырянского племени они страшны. А тутъ ещё я въ придачу!.. Къ берегу, къ берегу! Иначе — не сдобривать намъ!..

— Къ берегу, такъ къ берегу, я готовъ! — бурасис атаман, и ставён ётвыв уськёдчыны вёрлань, медым не паныдаасыны тшыг кёинъяскёд.

XIV

Турёб вёвсю ыджыдаліс. Шыён шутлялысь тёв кыпёдіс кымёр мында лым бус да гарпіс енэжа-муа костас, та понда гёгёр пошти нином эз тыдав. Отпектый эз кёсайы эсқыны, мый кёинъясысь коло сэтшома видчысыны, чайтіс справитчыны аслас меч отсёгён, коді сылы эз ётчыдысь отсавлы съокыд здукö, но Буръ-Ань да Маюръ тёдісны, мый кёинъяс, кор найё вывті тшыгось, чукортчоны ыджыд

котыръясö, сëки водзасьём йылысь нином и думайтны, та понда бурджык сайдчыны, вешайны кытчёк пыдёджык, тилля вёрö.

Маю́ръ майшасьёмён тёдчёдис:

— А кёинъясыд миянös казялисны, матушка Бурь-Ань. Аддзан, би югёръясыс матысмисны... и омляломуыс кылó нин. Тёлыс налань польтö, со и нырисалисны морт дуктö. Ковмас, тыдалö, кутшомкö пу вылö кавшасьны, а то вильёдасны...

Бурь-Ань да Отпëтый видзёдлисны сэтчань, кысянь туроб шутлялом пыр кылис омлялому, и збыльысь казялисны, мый бияс матысмёны; воштысыны воли некытчö. Ныв Отпëтыйлы моз шёпкёдис:

— Скорый, скорый! От волковъ одно спасенье — бëгство. Спëшите къ первымъ деревьямъ! Тут и поднимемся мы.

«Дорый миянös, Енмой, — ас кежсыыс шёпкёдис сийö, думсыыс шыасис Му панысь дорö. — Оз повзьод менö кувсьюм, но пола пыртчытомён кувсыны. Лэдз менö аслад вераö пыртчыны».

Неминучаö веськалём садьмёдис наын тёдлытом вын, öти здукён кавшасисны вёрён тыром крут берег йылö. Танi, вёрдорышас, тёлыс буаломуён ветлис пус костёд, но мыйён пыдёджык пырисны, сийён лоñьджык волi, и коркё дзикёдз лаймалис, сёмын кёнкё вылias, лымъя туганъяс весьтын, кылис шуштёма шувгём. А вёр подийн волi дзик лоñь. Лои дзик пемыд. Бурь-Ань да Отпëтый Маю́ръ бёрся вётчомён писькёдчисны водзё: сийö кутшомкö пытшкёс кыломуён аддзис тилля пемыд вёртi мортлы мунны позяна костьяс. Друг Маю́ръ сувтовкерис.

— Татчö, татчö, матушка Бурь-Ань, — вежсыём гёлосон горёдис сийö да йёткыштис нылös на водзын еджвидзысь кутшомкö лымъя стенлань. — Кёинъяс вётёдёны!.. Тайö пусыс ыджыд, кавшасьны оз ло сьёкыд!..

Бурь-Ань акнитны эз вевъяв, Маю́ръ да Отпëтый кагаёс моз кватитисны сийös киняулёдис да дзумгисны еджыд стен пиас, неуна вылоджык лэптыштисны, сеся пондисны йётлавны водзё и водзё; ныв сёмын сëки вежёртис, мый сийös вожёдёмны лымёйн тыром пёрысь пу вылö. Тайö волi пашкыр лапъяса сус пу, кёинъясысь медся бур дзебсянин, и пышыйсьяс тэрмасьёмён кавшасисны сы вылö да волисти вермисны кокныда лолыштны.

Медбёръяён кавшасис Отпëтый. Серам сорён сийö тёдчёдис:

— А воть и волки жалуютъ! Чуют каналы мясо человëческое. Да напрасно несутся они: не дадимся мы имъ на обëдть!..

Повтём атаман чайтис: кёинъяс гёгёрвоасны, мый оз вермыны судзёдны наёс, да пыр жё уйысясны, но чорыда ылалис. Пемыдас öзъяна синма тшыг кёинъяс кытшалисны сус пусо — найё гёгёрвоисны, мый пышыйсьясёс судзёдны оз вермыны, пондисны лёкысьс омлявны да лымсö лойёмён бергавны пучер гёгёр, но мунны эз и чайтны.

— Ахъ, живодёры! — пондис броткыны Отпëтый. — Неужто изморомъ взять насъ хотятъ? Экіе проклятые звëрги!..

— Они часто такъ допекаютъ, — пукаланинас бурджыка ладмёдчигтыр тёдчёдис Бурь-Ань. — Много людей забиралось отъ нихъ на деревья, а тамъ либо замерзло, либо ослабёвало съ голоду и валилось въ зубы этихъ кровопийцъ. Навëрное, и насъ они думаютъ допечь такъ. Вельми лукавые звëри!

— А унаён жё и чукёрмёмаёсъ, — дивуйтис медся вылö кавшасьём Маю́ръ. — Синъясыс сидзи и öзёйёны, на серти артавны позьё. И вичмёдёма жё налы йенмыс татшом син, быттёö огыр онялё. Некутшом мёд ловъя ловлён татшом син абу...

— Ахъ, кровопийцы лѣсные! — койнъяслон наянлун вылô скораломён водзö броткодчис Отпѣтый. — Черезчуръ смѣлы вы! Захотѣли человѣческаго мяса попробовать, да, право, ничего не получите! Теперь руки мои развязаны, могу и за васъ приняться. Дай Богъ, рассветѣтъ только...

Удал молодеч сьёлёмын вёрзис ушкуйниклон пось вир, и котъ Отпѣтый сетліс кыв, мый эновтчас воддза олёмсыс, этшо здукон вежны эз вермы, и думсыс дась нин волі вермасын вир тшыг койнъяскод, кодъясо, сылён чайтом серти, вермас чегсъёдны мечнас ётчыдысь ѿтыштёмён, и найё лявксигтыр ставён пышъяласны. Но зыряна мүын койнъяс ёна торъялісны наясь, кодъяс вёдит чисны Новгород гёгёрын и кодъяскод тышкасьліс Отпѣтый. Новгород гёгёрын вёдитчисны ляпкыд тушаа, полысь зверъяс, збайджык мортись найё пыр жо пышайылісны, — зыряна мүын вёдитчысь койнъяс воліны ыджыдось да вынаось, морт вылô усъласисны ньёти повтог, а котыро чукортчомён найёс эз вермы ѡдольитны некутшом вын, котъ мед тэ збыльысь удал молодеч. Атаман тайёс эз тод. Сылы став койнис волі ёткодь. И содтод, кыдзи ачыс шуис: «развязаны руки», — тайёс коліс гёгэрвоны сідзи, мый сылы оні эз ков майшасыны Буръ-Ань понда, сійё со, пукало пу вылын, а таёз Отпѣтыйлы эз позь юртог збоявны да кольны радейтана мортсö койнъяслы вильёдом вылô.

Со и пукалис да броткис койнъяс вылô, зилис ылосавны найёс пемыдсыс, но тані вёр повстас волі сэтшом пемыд, мый Ѻзайысь синъяс кындзи нином эз тыдав. Пу уліас кыліс сомын пессьюм, омлялом да пинь-пинь воча гальском, та серти позис шуны, мый койнъяс збыльысь зэв тшыгось. И котырыс, тыдало, вывті ыджыд. Отпѣтый чорыда шуис:

— Не я буду, если этихъ живодёровъ не разгоню! Вотъ, только утра дождаться, тогда и спущусь я на нихъ, а то въ этой темнотѣ какъ разъ попадёшь имъ на ужинъ...

— И утромъ не разгонишъ ихъ! — шыасис Буръ-Ань, и кывъяссö шуаліс сэтшом лёня, быттё эз кын пу вылын пукав оні, и пу гёгёрыс эз тшыг койнъяс омлявны, а быттё аслас керкаын волі, кёні шоныд да лёнь и повны дзик ниномысь. — Не уйдутъ они добромъ отсюда, если только за кѣмъ другимъ не погонятся. А на свою силу ты не полагайся. Не одинъ, не два волка набросятся на тебя, а, можетъ, цѣлая сотня. А что ты съ сотнею подѣлаешь? Изрубишь ты десятокъ-другой звѣрей, а остальные со всѣхъ сторонъ въ тебя вѣпятся, и не сдбровать тебѣ тогда будетъ. Волки люты и сильны, не бороться съ ними одному аль двумъ человѣкамъ, а нуженъ цѣлый десятокъ добрыхъ витязей. Не дѣло ты придумалъ, голубчикъ, на волковъ открыто идти...

— Так что же дѣлать прикажешь? — досада пыр юаліс онёдз асланысы синись Отпѣтый. — Неужто замёрзнуть здѣсь аль съ голоду помирать? Неужто здѣсь волки такие, что людей не боятся?..

— Волки здѣсь самые отчаянные. Не боятся они людей, ежели въ стаю соберутся. А теперь въ стаѣ они и голодъ чувствуютъ немалый, это по вою слышно. На одного Бога Истиннаго надежда моя...

Отпѣтый дозмыштёмён торкис:

— На Бога надѣяться можно, но и самому плошать не надо. Ужъ ты прости меня, а я на волковъ спущусь, вотъ только утро подойдётъ...

Эз вевъяв висставны кёсийомсö помёдз, пу улын лыбис шум, лявксьюм, вурза-

лём, кёинъяс быттьё дурмисны; кыткё мыйкё быттьё варсунуліс. Вой пемыдастүйсис мыйкё морт вежёрлы гёгёрвотомтор. Зверъяс, кылёт, кирган голи шыён пондісны мыйкё йирны... Сус пулён улысса лап тратшкомён чеги, сэссе мёд, коймёд... Іджыд сьёд мыгёр мыччысис атаман водзын да вынысь тувкнитіс сійос пельпомас; кыліс лёкысь равостом, и сьёд мыгёр съокыздпрысь уси бёр мулань... Отпіктай ләдзис кисыс мечсо, кодос кыскыліс козъянсыс, и тәрыба кавшасис вылоджык. Повзюм вёснаыс съёлёмыс пондіс чеччыны.

— Ахъ, лешие! — төдлітог шусис сылён, весиг атаман ээ вермы виччысыны татшомторсө. — На дерево, какъ кошки, лешиутъ! Ну, и волки! Никогда такихъ не видалъ. Ладно ешё, что крепко за сукъ держался, а то сбиль бы меня этотъ лохмачь отсюда, а тамъ — поминай какъ звали!.. Ну, надо держать ухо востро. Видать, что не наши волки!..

— Тайё миянсыным лямпаястё йирёны! — пу улын ноксюм шыё кызвысынштём бёрын вежортис Маюръ. — Лямпаястё лым вылас колим, а найёс кёр кысён эжёма. Но, и косявлёны тышыг пондаыс. Лямпатог колым, а сытог ми китомёс и коктомёс. Кытчо натог воам? Лымайыс джуджыд да небыд, абу топалома... Нёшта ёти шог сусис миянёс, матушка Бурь-Ань!

— Но, садь воштыны водз на, — Маюрлыс русо кыпёдом могыссы шуис Бурь-Ань. — Татчо кавшасыны кужим, сідзкё, и смертесь мездысям. Оз эновт миянёс ньёти мылышттог кристианалён Енмыс. Сомын сы вылёт и лача кутны коли!

Кёинъяс водзё урсасисны. Лямпа косявлан шы кыліс төдчымён. Тышыг зверъяс, кылёт, весиг сус пу дінсө йирны босытчылісны. Некымын весьбөрөм лов асланыс ёрт вылёт видзёдомён выныштылісны кавшасыны пу вылёт, но вочисны тайёс сэтшом күжтөг — кос резювсө чегъялігтыр да лявксигтыр бёр усылісны увалань... Шум, авзём да омлялём гораліс вёр пасьтала. Сус пу улын быттьё ад гуыс воссис. Сьёд пемыдастүйсис нойччысны, гыалісны, пурсисны ярмём зверъяс да ләдзисны пытшкөссыныс сэтшом шыяс, мыйыссы туй йөзлөн вир-яйыс ставнас тіраліс. Весиг Отпіктайлы шуштём лолі. Мечсо муёу уськёдомыссы быд ног нин видіс ассыс, а юрас бергаліс ёти мёвп — тайё мутиясыс оз эновтчыны наясь, а меч кындзи сылён волі сомын нейджыд пурт да ньёввуж, наён татшом зверъяслы паныд тышкасыны выйті съокыд...

Бурь-Ань ээ петкодлы некутшом повзюм, но став вежёрнас гёгёрвоис ассыныс пудсө и кевмис кристианалён Енлыссы, медым сетас отсёг да мылыштём.

Помтог кыссис тайёвойыс. Кёинъяс коркё чөв усылісны, но, тыдалёт, татшом кыйдос дорыссы муном йылыссы налён и дум ээ вёв. Синъясны яра кодзлалісны вой пемыдаст... Но коркё и асыв пондіс төдчыштны. Енәж рудодіс. Вой пемыдыс разаліс, и коньёр туй йөзлә лои гёгёрвоана, мый кёинъяс көз мунны татыс, овны коли выйті этша кад.

Зверъяс воліны гёгёр. Кытчодз судзис син, быдлаын тыдалісны кёинъяс, сомын кёинъяс, пинь жерийдлёмён найёу видзёдісны туй йөз вылёт. Бурь-Ань арталіс сизимдас бердё юр. Лыдыс волі тырмымён. Весиг Отпіктай, таёдз кутшома көтү ээ зывокты вёрса мутияссо, гёгёрвоис, мый та мындалы воча тышкасыом эсько лёка помассис, и лов усьюмён песіс вежёрсө, но оттшотш и гёгёрвоис, мый оні сомын кёинъяс сайын, кувны налы либо ловиён кольны.

Пукисис дженендиқ төвся лун. Туроб ньёжийник лаймаліс, и лым сапкөм помассис, но сынодыс волі руа и енәж пасьтала кывтісны мисьтөм кымёръяс.

Туй йозлён лов кылём сёмын гажтёммис. Кыссис час бёрся час, а неминучайсы мездыссыём йылысь сёрни эз вермы лоны: кёинъяс мунны эз и чайтны. Мёдарёна, лёссыдика водалісны пу гёгёрыс да виччысисны, син эз вештывны пу вылô веськалом кыйдös вылысь. Атаман видліс лыйны налы ньöввужайысь, но ньöвъяссо волі вочома зырянин киён, найё сёмын ёшилісны кёин кучик бердö, эз весиг дойдны. Буръ-Ань казяліс Отпѣтыйлысь весь ноксьёмсö да шуис:

— Не трудись по-пустому, голубчикъ. Стрѣлами волковъ не прогонишь, да и неладные стрѣлы эти. Оставь напрасный трудъ. Волки не боятся стрѣль...

— Такъ чемъ же избавиться отъ нихъ? — горёдчис Отпѣтый. — Волки докаютъ насъ. Не могъ я сохранить ночью своего меча, а то перевѣдался бы я съ ними... Да мечъ-то, вѣдь, не провалился же сквозь землю, въ снѣгъ только зарылся. Стоитъ спуститься мнѣ, и будетъ мечъ въ моихъ рукахъ, а съ мечомъ я ничего не боюсь...

— Не помысливъ, говоришь ты, голубчикъ. Не успѣешь ты ступить на землю, какъ тебя ужъ подхватятъ и разорвутъ. А къ мечу ты и руку протянуть не успѣешь...

— А ты... Неужто могу я смотрѣть, какъ тебя звѣрюѣ терзать будетъ?! Нѣть, лучше погибну я, а ты живи да дѣлай своё дѣло...

Буръ-Ань дивитомён паныдаліс:

— Напрасно отчаиваешься ты. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, такъ ваши русские люди говорятъ. И мы не можемъ сказать, что Богъ оставилъ насъ. Попали мы въ бѣду лютую, такъ неужто можно думать, что Богъ позабылъ насъ? Богъ не забываетъ никого. Не получила я святого крещенія, но сердцемъ вѣрую въ великаго Іисуса Христа и вѣрю, что Онъ не оставить насъ безъ помощи. Никогда не отчаявалась я, въ какой бы бѣдѣ ни находилась. И теперь не отчаиваюсь я! Не позабыла я того, что слышала въ Вологдѣ о христіанской вѣре, а эта вѣра говоритъ, что безъ воли Божіей ни одинъ волосъ не упадѣтъ съ головы человѣка. Неужто не знаешь ты того, ты, человѣкъ православный?

— Я человѣкъ грѣшный, мало я знаю святое писаніе, — синсö лэздёмён нурбылтіс Отпѣтый. — Не думалъ я ни о чёмъ такомъ...

— Не думалъ, такъ теперь подумай, — атаман вылô шаныпрысы видзёдлёмён шуис Буръ-Ань. — Ни одинъ волосъ не упадѣтъ съ головы человѣка безъ воли Божіей, помни это. Помни и уповай на спасеніе!

Гёлосыс юргис сідз, мый позис сёмын эскины. Помтём эском тёдчис сылён вежёра синъясын. Ньёти повтог видзёдіс Буръ-Ань пу гёгёр чукортчом вир юсьяс вылô, и сылён ловкылёмыс ньёжийоник вуджис Отпѣтыйлы да Маюрлы, найё пондісны кывны кутшомкё тёдлытом вын чукормом. Полом да шойовошом бытъёкъ сыліс. Та пыдди чужис мездмом вылô лача, лача, кодос дзикодз нин воштылісны. Сэтшом вына волі тайё диво кодь аныслён лолыс.

Лун помассис регыд. Тёдлытог рёмдіс, сэсса и бара пемыдвой пукис. Кёинъяс бытъё гёгёрвоисны, мый водз ли сёр войтырлы ковмас ләччины муё. Сёмын гёграгісны сус пу гёгёр да пинъяснас гальскисны.

Сы коста аскодныс босытлом сёян волі быран выйын. Нёшта и кёдзыдыс чорзис. Отпѣтый да Маюръ бара пондісны майшасьны. Мый вочны? Бур виччысыны волі некытысь.

«Э, была не была, — аслас мёвпён ёртъясыкёд юксытёг думайтіс Отпѣтый, — с рассвѣтомъ спущусь на землю. Авось, доберусь до меча, а съ мечомъ я не погибну. А Бурь-Ань хотя и говоритъ, что надо положиться на волю Божію, но надо же и самимъ позаботиться... Съ рассвѣтомъ спущусь на волковъ, а пока никому ни гу-гу: она удерживать станетъ, я знаю. Не медвѣди же волки эти, можно съ ними управиться!..»

И тайос мёвпыштём бёрын лов вылас пыр жо кокнѣдіс. Помыс ѳти!.. Сыкоста Маюръ гажтёма видзёдіс улў, син водзсыс ээ ләдзлы кёйнъяслыс ноксьомъс: чужом сертиыс тёдчис, мый сетчома нин аслас пудлы. Тайос аддзём бёрын весиг атаманлён съёлёмыс вёрзис.

Енәжё кавшасис тёлышь. Вёр тыри нюдз югоръясан, тёрытъя серти сіё лоидзик мёдпёллосон. Тёрыт волі туроба да пемыд, а оні лоң да югыд. Но тёлышь тшоқыда саявліс кывтыс кымбръяс сайо, и татшом здуко мусо вевттыліс пемыд вуджёр. Кёйнъяс быттё вишлісны, пёрлісны ѡдва тыдалыш рудоват чутъясо, и сёмын ѡзийс синъяс сертиыс волі гёгөрвоана, мый найо таношь на. Гажтём волі аддзыны тайо чутъяссо, кодъяс виччысисны ассыныс здук.

Сус пу вылын ставён чөв олісны. Некодлы ээ вёв окота шыасыны, быдён думайтіс мыйкё ассыыс. Отпѣтый да Маюръ весиг видлісны вугыртны, коть шойччаніныс та вылё волі вывті лёсявтём, — ѡтнас Бурь-Ань видзёдіс тёлышь енәжё тыр восьса синмён да пося-пося кевмысис, корис Mu Пуктысылыс аслыс и туй ёртъясылы мезд.

Коран кывъяс асъныс воалісны. Эз вёв наын торъя мичлун, мёвп дорё мёвп матыстом да ладмёдлом, выныс волі ээ кывъясын, а ловъя биён ѡзийс съёлёмас, и дыр кевмысис том ныв, медым кыліс Йіджыд Съёлёма Енмыс.

Кутшомкё здуко казтыштіс волёгдаса ѡти священниксян кывлём Николай Чудотворец йылышь висът, мый тайо мортыс вочома уна диво кодь бурсо, и ныв мёвпнас корис: «Отсав миянлы, Николай Святитель! Кор Енмыслыс, мед мылыштас миянёс! Синва сорён кора тэнё...»

Нывлён синваыс шорён киссис. Лолыс ойдіс кутшомкё тёдлытём кокнѣдлунён, а моросыс гажъяліс и сыліс. Сіё водзё дугдывтёт кевмис и кевмис, кевмис Енлы пося эскомён, и тайо эскомыс вайис налы мезд.

Ныв ээ вермы казтыштны, мый сыкод вочисис. Быттё кутшомкё вёт пио сунліс, и друг сылён пельдз воисны морт голёсъяс. Эжваладорсян. Уна голёс!

— Видзёдлам, видзёдлам... Таношь котайо, мездам матушка Бурь-Аньёс тшыг кёйнъяслыс! — кылісны голёсъяс, и найо ньёжйоникён матысмисны, ретыд пондісны кывны лым вывті шарскыс лямпа шыяс.

Кёйнъяс чурмунлёмён пышъялісны коді кытчо, и сус пу дорё матыстчисны зыряна — ыджыд котыр. Кылісны жалитана шуасьомъяс:

— Муртса абу и тшыглы виомаёс тіянёс! Кык вой чоҗ дзескыдінын кутомаёс... Да ѡд кылім ми тіянлён шог йылышь...

Бурь-Ань да сылён ёртъяс дыр на ээ вермыны воны ас выйё, эз тёдны, кыдзи радлыны. Мездысъяс ас кадо сусини!.. Синва пыр ләччалісны сус пу вылышь да сёйсъ аттьялісны мезд вылё тәрмасысъяссо, кодъяс воомаёс Көрт-керес сиктись, тасянь по час джын туй.

...Көрт-кересын ставён нин узъомаёс, кор сиктө пырома кутшомкё олёма морт да босытчома ставёс пальдны, сіё и юортома, мый ставлы тёдса Бурь-Ань да нёшта кык морт веськаломаёс кёйнъяс шорё.

Зыряна тёдісны лют зверлысь этшсö, медся нин кор найö котыраöс, но тайö пörйö кутшöмкö тёдлытöм збойлун шымыртис найöс, и став сиктнас петісны корсыны олöма морттö, медым индас, кодарö муннны. Но дивоыд: сiёс некодi абу аддзылёма!

Тайöс кылём бöрын Бурь-Ань синва сорён висъталiс Николай Чудотворец йылысь, и ставöн гёгёрвоисны, кодi збыльвылас вöлi сiёй старикис.

XV

Вымъ-дор сикт гёгёр вöлi тыр шызыём войтыр, кор сэтчö матыстчисны Бурь-Ань да сылён туй ёртъяс. Вымъ-дорö по сувтöма Степан, тайöс Бурь-Ань тёдмалiс стöча; мёскуаса рать зыряна муё абу волёма, тайöс тшётш кывлiс; нöшта юörtiсны, мый понда чукöрмис та мында войтырыс, кор мужичойяслы колö лоны вöралан керкаясын. Танi виччысисны Памлысь воём: сiёй вöзйöма роч проповедниклы став войтыр водзын петкöдлыны, кодлён вераыс веськыдджык, и, гёгёрвоана, татшöм дивöтö — кык тунлысь венласьöм — аддзывны кёсис быдён. Йиён дорöм Эжва ю ковтысöд — и кытвыйладорсиянь, и катылладорсиянь — локталiсны ляmpaa, звер ку паськёма войтыр... Пам эз на и чайт сетчины Степанлы, öд найö эз на вочаасьлыны син на син, а мый роч проповедник пыртis выль вераö некымын сикт, тайöс этшäön кодi пуктiс пыдди. Вермасьём петкöдлас налысь збыль вынсö.

Шызыём сьёлёмён матыстчис Вымъ-дорö Бурь-Ань: тайö сиктас олiс вежа мог пörтىсь Степан. Тасянь босытчас зыряна мүни выль вера вужийдöм. Вымъ-дорö Степан лэптöма Пресвятой Богородицалы сиём вичко, и тайö вичкоыс вермис сетны лача, мый выль вера зумыда босытчас зыряна мүни и некор сэсся оз нин кус. Бурь-Ань став сьёлёмнас кылiс тёдлытöм радлун, вежörtic, мый регыд, регыд помассяс сылён сьёкыд, йöзлы шуд перъян да майшасяян пессьёмыс. Виряйыс сэтшöма мудзöма тайö туйсö вуджигён, но лов вылас вöлi вöвлытöм кыпьид. Отпгëтый да Маюрь эз дугдывны чуймавны, кытысь тайö жебиник анычыслы сы мында выныс, медым муннны водзö и не повны кöдзыдысь ни мудзысь: накöдötвыв юкис кузь паныдасьлысь неминучаяс, тужа и нужа, и весиг ньётчыд эз элясълы.

Веськыда кё, некутшöм ныvbaba эз вермы ошиyысны мужичой мында винёвлунён, и сёмын мёскуаса Степан дорö регыдджык воны ыджыд кёсийомыс пестис сы пытшын збодерлун да венiс сьёкыд мудзсö. И сёмын öнi, кор син водзас мыччысис Вымъ-дор, ныv кылiс, кыздзи став вир-яйыс пондiс личавны, и раминика нюмдöмён шуис туй ёртъясыслы:

— Ме сэсся шойччышта неуна, татчö лым вылас и пуксыышла недыр. Вын-эбös дзикöдз быри. Кутшöма укшальми!..

— Пуксыыв, пуксыыв, матушка Бурь-Ань, — сы гёгёр пессис Маюрь, пörччис ас вывсыыс вылыс паськёмсö да вольсыштis лым вылас. — Менам рот вылö и ладмёдчы. Öнi сэсся тэрмасьны некытчö нин, Вымъ-дор ки пыдös вылын моз...

— Говорилъ я тебë, что мы повезёмъ тебя на нартахъ, — дивитöмён шуис Отпгëтый, — да ты не согласилась на это. Вотъ и уходилась въ конецъ.

Ныv сёмын юрнас катовтлiс, мый абу соглас сыкёд, и синсö куньёмён

ньёжйённик ләдзчысис лым вылёр. Отпѣтый да Маюръ сулалісны да жальпырысь видзодісны сы вылёр. Удал атаманлон весиг синва войт чепсайис.

— Жалко, жалко мнѣ тебя, да сама ты не жалкешь себя. Не надо было тебе торопиться такъ, вѣдь добрались же бы мы когда-нибудь до Стефана. А ты всѣ вперѣдъ да вперѣдъ...

— Это пройдѣть скоро, — кокныдика ышловзъомён шопкодіс Бурь-Ань. — Вотъ только отдохну немногого... Слава Богу, добрались-таки до конца пути!

На дінті мунісны и мунісны лямпаяса зыряна, тэрмасисны водзвыв индом венласяняніо. Мукодыс сувтовкерлісны Бурь-Ань весытё да юавлісны:

— Кысянъ воинныд? Быттю абу миянладорсаёс? И кыдзи тіянос шуёны?

— Воим Эжва катыдысь, миянос ті он тёдой, — коса вочавидзліс Маюръ, и быдтор тёдны окотитысьяс мунлісны водзю, но ас костаныс, кылёр, шуасисны:

— Тыдалёр, абу ми вок рёдьис тайё бабийыс. Чужём сертиыс тыдалёр... Да озтай на и висьтасыны, кодъяс лоёны, а катыдсато ми этша тёдам.

Збыльысь, кывтыда зыряна этша либо дзик эз тёдсыны катыдсакод, кодъяс увланью кылодчылісны гежода. Бурь-Аньёс, коді немнас эз волы кывтыдё, чужём сертиыс эз жо тёдны. Но диво кодь ань йылысь юбръяс, коді по быттю сиома олёмсё аслас войтырлы, пасъкавлісны став зыряна костын, и нимыс волі тёдса быдёнлы, коть ассыс мортсё кывтыд сиктъясын некоді на эз аддзыв.

Эз дыр ышты шойччыны Бурь-Ань. Ки-кокыс неуна рудзалыштіс, и кокныдпрысьчеччис да лямпаасис.

— Со и шойччыштому лои. Тэрмасыштамой Вымъ-доро. Кажитчо, Пам абу на воўма.

— Со, воис сіё, порысь кутш, — шызъом войтырлань бергёдчомён шопкодіс Маюръ. — Кыдзи ёд на вайёдёны, быттю москуаса тиунос! Он-ё боръяясь тадзсё вечмась ми водзын, порысь тун?..

Маюрлон эз вёв выль вераў вывті ёна кыском, но Памёс сіё лэптыны эз вермы, весиг мыйтако зывоектіс Вадорын лоёмторъяс бёрын.

Бурь-Ань да Отпѣтый видзодлісны шызъом йоз чукёрлань да аддзисны ташом серпас: сиктю пырис кузъ да джуджыд норт¹, а сы вылын тшапа пукаліс ыджыд тун да букиша видзодаліс чукортчом йозсё. Сы вылын волі дона куясьсь вуром пась, пась вылас кышалома мантія, мыйкё пасъкыд плаш сяма, кодос мичмодома уна сера лентаён. Нортсё кыскисны лямпаён котртись ыджыд тушаа нёль морт, водзас, бёрас и ётар-мёдар бокас котртісны Памёс видзысьяс, налён быдёнлон волі шы да чер, а мышканыс ѿшаліс ньёввуж да ньёв тыра нюлыс. Видзысьяс весьбёрмён горзісны чукортчом войтырлы:

— Эй, вешёй туй вывсыс! Йджыд тун воис.

— Точно князя московскаго изъ кружала въ кружало везутъ, — кокныдика нюмдіс Отпѣтый, сіё эз вермы видзодны москуаса войтыр вылёр, кодъяс сылён чужан карлы — Йджыд Новгородлы — горшо сибдом лы моз дёзмодчисны, найос тёд вылын кутомён и донъяліс оні Памлысь кимоститчомсё. — Москва такъ же держитъ нось кверху...

— Негоже тебе смѣяться надъ Москвою, — дивитомён вочавидзис сылы Бурь-Ань. — Москва — русская земля, ты тоже русскій, хотя и изъ Новгорода, не подобаетъ тебе смѣяться надъ своими!.. А ты, вдобавокъ, ещё отъ меча отрёкся, такъ и отъ злоязычія отречься надо...

¹ Норт — нарты.

— Молчу, молчу, — тәрыба пондіс шуавны ныв чутқомысь яналом Отпѣтый. — Желаю я не злоязычнымъ быть, да всё характеръ губить. Да, авось! укрощу его...

Пам матысмис. Сійөс вайёдысь йөз мой вынсыныс кыссисны пыр водзö, медым кывны тунсянь аттьёалана кывъяс, но сылён чужомыс волі көдзыд да букиш... Эз пыр лыбодчы Степанкөд венласьом вылö, падмөдіс мөскуаса мортлон зыряна повстын повтöг ветломыс, но водзö чов овны эз позь, ковмис юортчыны. И юортчысынас лои Пам. Оні сійө локтö Вымъ-дорö, көні шуисны аддзысыны роч проповедниккөд, и сбокы думъяс гудрасисны тунлөн вежбрын: мой судзас сійө тайо вермасьомсыыс? Омой Степан янöдас? Омой уськөдас аслас войтыр водзын? И тайо мөвпсыыс көдзыд нылём чепёсийис Памлөн кымёс вылö...

Норт воис Буръ-Ань весътöдз. Ныв эз и чайт сайбодчыны, мёдарö на, видзöдіс весъкыда тун вылö. Пам видзöдліс сылань вошом синъясон, и друг чужомыс векыштчис.

— Сувтöй, сувтöй! — кыкнан кинас öвтчомён городіс аслас войтырлы. — Шедін, чодзулої! Буръ-Ань миян киö весъкалі! Кутой сійөс, слугаясой менам!..

Норт джом сувтис. Пам водзö лёттис:

— Кутой чодзувлö! Көртавлой кияссö, пörtöй олёмö Ыджыд Войпельльсь воллясö!..

Памёс видзысыяс эз пыр вежортны, кодёс тшёктö кутны, но Буръ-Аньёс аддзём борын тöйтöг эз овны, лёк песомён уськёдчинсны ныв вылö...

— Опять буянить началь! — порок моз ыпнитис Отпѣтый да велаломён кватитчис шуйга бокас, көні пыр ёшавліс мечыс, но сійө эз вöв: кёинъясысь майдын моз мездысьюм борын атаман отортчис и аслас оружиесысь, шуис лоны инокён, медым отсасыны Степанлы ыджыд мог пörtан туй вылын. Оні оружиесыс сэтшöма колис, и атаман здук шойёвошліс... Но друг лои сэтшöмтор, мой виччысыны некоди эз чайт.

Пам да Буръ-Ань паныдасисны джуджыд лымён тыром Эжва ю ковтысын. Крепыд-ö ииыс, гёгөрвоны волі сбокыд. Кынмавліс бура, но көнъяскö артмомаёссы бирёдаломинъяс... Тунлөн войтыр весъкалісны стöч да бирёдас, и пыр жö упмунлісны сыллöдзныс... Черъяс да шыяс воштисны, пондісны лёк горш горзыны да ёрсыны. Конъоръяс пулькёдчинсны сёныка ваян доймом чёжъяс моз, но ии дорышыс вундаліс килутшъяссö, и аскежыс петны эз вермыны... Пам скёрмом пондаис вижёдіс: бара видзысьюм падмög! Норт кыссысыяс бужгыльтчомён видзöдісны сы вылö. На пиысъ весиг морт эз вörзöдчыв, медым мездыны вöйись ёргъяссö. Пам боръявыв городіс:

— Петой нин, вежортомъяс! Кутой чодзувлö!.. Петой, мися, да көртавлой вежавидзтöм злодейкасö!..

— Сыёдз оні мог абу, ыджыд тун! — киргомён вочавидзис Памёс видзысыяс пиысъ öти да сувтöдліс гырдмом синъяс. — Аслыным кыздзё мездысъны коло...

— Да ме тшёкта тіяны, ме! — слугаяслысшош пыдди пуктытöг водзö пузис Пам. — Не овны тіяны, кызвысьюмъяслы, тайо му вылас, он кё пörtой менсъым тшёктомёс!..

— Тәнад милёсът понда мед тадзи и кулам! — ярскоба шуис сійё жö мортис да ләдзис кияссö, медым вöйтчыны ва пыдёсас. Мукёдис мунісны сы бёрся.

Буръ-Ань ёсь голёсөн городіс:

— Кутчысъёй, кутчысъёй, юр вундысъяс! Пам вösна кувтысъны оз ков! Со тайё войтырыс мездасны тіянтö...

Сійö бергöдчis Отпëтый да Маюрань, рочён шуис:

— Вытащите ихъ на лёдъ, друзья мои. Они не виноваты въ томъ, что исполняли волю господина своего.

— Мед войёны, понъяс! — ыждалыштis на Маюръ, но Бурь-Ань сэтшом стрёг синъясон видзöдліс сы вылö, мый мёдыс тэрмасьёмён лэптiс нэылын туплясъыс кузь майёг да Отпëтый отсöгён ладмёдiс юкмёсалём бырёд вомён, а войысъяслы горёдiс:

— Кватитчой майёгас да асыныд кавшасъёй! Абу ми сэтшомёсь, медым тi кодъсö кыскавны. Мед ёртъясыд отсасъоны, кодъяс Памтö вайисны!..

Войысъяс кватитчисны майёг бердö. Збыльвылас некодлы эз вöв окота кадысъ водз кувны, и норт кыскысъ иёз отсöгён мездысисны ии куд улысь... Пам бара на кёсийис горёдчыны на вылö, но видзöдлассыс уси нэылын суалалысъ иёз чукёр вылö, кодъяс мыйысъкё тёдчымён шызисны, и тупкис вомсö. Тайё волiны отдор, тёдтöм чужёма иёз, вермас лоны, Степан дор суалалысъяс, и Пам сёмын чушкыштis Бурь-Ань вылö:

— Шуда тэ, мый татшом ускötтö керсис. Тайё пöрйö эновтчыла тэысь, но Степанöс янёдём бöрын видзчысь! Тёдлан на шогсö, Войпельлы паныд мунысъёй! Шог тэныд, чодзув! Шог тэныд, ёромлы!..

— Эн повзьöдлы менё, Пам-сотник, — сы вылö повтöг видзöдёмён вочавидзис Бурь-Ань. — Янёдсёома тэнад мёскуаса Степантö! Сiйöс кристианалён Енмыс видзö, и пеж кывъясыд оз имитны!..

— Чёв ланьт, мед лёгалём понда эз ыпнит менам сьёлёмой! — равёстiс Пам да мед эновтчыны мустём сёрнисыс, тшёктiс аслас войтырлы тэрмасьны Вымъдорö, кёнi, колö чайтны, Степан виччысис нин сiйöс:

Памлон норт саялiс. Сiйöс видзысъяс, кётастьом паськёмаоьс, кианыс сёмын шы, сы понда мый черъясысвойни рыас, пинъяснас зяткигтыр вётчисны сы бöрся. Но Пам войт эз жалитышт. Мёдарö на, скöрысь видзöдліс на вылö кодзалались синмён да кёсийисис:

— Степанöс янёдём бöрын рёшттайтча и тіянкöд, урёс понъяскöд!

...Бырёда ва мездiс Бурь-Аньёс. Тайё лои Енсянь нёшта öти мылыштöмён, и ныв ньёти эз нин падъяв, мый вылiseянь водзвыv индöм пудыйс, дерт, и видзис. Локтöм войтыр кытшалiсны сiйöс. Танi унджык чукörtчöмыс суалалiсны пöрысь тунлы паныд. Памёс этшаён кодi радейтiс, и весиг найё, кодъяс збыльысъ эскисны Войпельлы, сы вылö видзöдiсны веськодырысь. А Бурь-Ань йылысъ кывлёмойсъ ставöн, кёть унаён эз аддзывны сiйöс, но вöчёмторъяс йывсысъ кывлём бöрын ловнаныс радейтисны и пыдди пунктiсны, а онi, кор нимыс воссис, быдёнлы лои окота видзöдлiны катыдьысъ воём дивö кодъ ань вылö, кодi весиг Памкöд вензыны лысътö. Но том нывлы вöлi некор на водзын сулавны. Сiйö шань гёллöсён корис сетны туй, и мёддöчis Вымъ-дорö. Сыкöд орчён восьлалiсны Отпëтый да Маюръ, а зыряна вётчисны на бöрся да быд воськов синмалiсны водзын мунысъ повтöм нылöс.

Отпëтый тайё здукас ас кежсыс мёвпалiс:

«И усталость её не берётъ: опять бѣжить на лыжахъ, какъ зырянинъ добрый! А правду сказала она про мечъ, что на него надежда плоха: надёжнѣе милость

Божія. Вотъ и теперь не было меча, а милость Божія спасла нась. Нетъ, полно колебаться: сдѣлаюсь я ученикомъ Стефана-инока и, можетъ, заслужу прощеніе старыхъ грѣховъ своихъ...»

И чорыда кѣйсис мунны проповедник дорѣ да став олѣмсю сины вежа мог пѣртюмлы.

XVI

Пуксис кѣдзыд да букид лун. Енѣж пасьтала кывтісны мисътомъ кымёръяс, и коліс виччысыны поводдя водзю тшыкюм. Коръяскю мыгчасысы шонді содз югорён малыштліс лым улё дзебсьюм нейджыд керкаяс. Чукортчомъ войтыр жоѣзисны Вымъ-дор сикт шёрын, но унджыкёныс кольчисны Эжва берегын суалысь отка керка дорѣ, коні оліс проповедник. Зыряна тайо керка вылас видзодісны коді кыдзи: отиас лыддисны сіёс шань мортлон чомойон, коді воис, медым сетны зыряналы мезд, мёдъяс — зыряналысь йенъяссю путкыльтны зільысь лёк мортлон позиёон. Колё шуны, водзаясис воліны унджыкён, та понда Степанос ѿтдортысьяс эз лысътны сёрнитны либо мыйко вочны восьсон.

Степанлон олан керкасиянъ неылын, шёркодъ мыльк йылын, кодюс лэптылісны vogульясысь дорийсьюм могысь, суаліс пожомъ керийс лэптюмъ пелькини вичко. Тайо волі зіль проповедниклон водзмостчомъ паномъ Вежа Богородица нима вичко. Неважон на и воис Степан зыряна муё, а выльон пыртюмаяслы кевмысянін лои лоўсюбдома. Тайо вичкоас служба муніс зыряна кыв вылын, ачыс Степан Ростовса манастырын оліг-сёвмиг вуджюбдома Ен Кыв зыряна кыв выло. Выльон пыртюмаяс кызвісны окотапырысь, си понда мый налы волі ставыс гоўгроана, радпрысь волісны го́линник вичко, коні налён вежёрын воссис ыджыд гусятор — Господьлон тыдавтюм Вежа Лолыс.

Комын восьсь дырджык нин олё му вылас Степан, а медся ыджыд кѣйомыс — пыртны зыряна войтырёс кристиана верао — пондіс сомын на збыльмыны. Да, панассю лои вочюма: бур кыв сидзис зыряналон събломъясю, матю сурс морт пыртчисны. Вымъ-дорын лэптома вичко, зыряна бурпрысь шыбдчёны си дорю... но тайо сомын на ичотик воськов. Кристос вера лосяліс татчюс войтырлы, но тайо мусыс помтюм-дортюм, и пыртюмаяслон лыдыс вывті этша, войт мында и лоё, откодявны кё язычестволюн пемыд гуын пессысьяскюд. Важсю Вымъ-дорын да матігогорын суалысь отка сиктъясын лои путкыльтюма, но и тайо ичотик могсо пѣртны ковмис ыджыд вынён. И нэм колью, оз вунюд шань проповедник сіё здуксю, кор лои бырдома Эжва кывтыдса язычникъяслысь медся пыдди пуктана ѹенсю.

Вымъ-дорсиянъ неылын суаліс кыдз пу, коді волі сэтшюм джуджыд, мый весиг зыряна чуймалісны. Тайо кыдзыс туганнас волі кыпöдчома сэтшюм вылодз, мый мукюд пусы си дорын чайтисны понольясон, и туганыс сылон гожся пёраю тидаліс ылісиянъ-ылісиянъ, еджвидзис лыска пусы пёвстын. Зыряна ѹенмю пуктісны да быд ног аттьюалісны тайо кыдзёсю, лыддисны чудбюн, чайтісны, мый пусыслон эм «торъя» вын и пока сіё суалю, некутшюм ускоттю оз су улыс эжваса войтырёс. Кыдзы вайлісны вись, си дорын кевмысисны, нүодлісны чукортчомъяс, да и мукюд кадю зыряна волывлісны си дорю, эскисны, мый вежа кыдз вермю

ёрны и мылыштын. Гёгёрвоана, татчös тунъяс быд ногыс пестісны зыряналён вежёрлын налысь ылалёмсö, тшöктылісны вайны сылы медся дона күяссö, быттьö та бöрын йенмыс регыдджык небзьöдчас да мылыштас. Ставсö тайös Степан гёгёрвоис, си понда и шуис бырёдны «вежа кыдзсö», коди пöйтіс зыряналысь вежёрсö. Та понда корис Вымъ-дорса öти олысыльсь чер да ды-ы-ыр кевмис йöз син сайын, корис Енлысь ыджыд мог пöртöм вылö вын да повтöмлун. А могыс збыльсь сьёкыд вöлi: öти-кö, вежа кыдз вылö ки лэптыны вермис сöмын морт, коди эз пов аслас олём понда (зыряна татшöм уджысь водзöс босыттöг оз кольны), а мöд-кö, керавны некымын сыв кызта пу колiс некымын морт мында вын. Но Господьыс отсалiс проповедники. Пöся кевмöм бöрын матыстчис сiйö кыдз пу дорö да босытчис керасыны, и — дивоыд! Чер пондiс пырны пуö, быттьö вый кералиc, кöть кыддзыс вöлi пöрьсь да чорыд болона. И гажмис Степанлён рам лолыс: Ен эз öтдортчы сыныс! Вежа кыдз лои кералöма — кералöма кокныда и регыд кадён — пусыс ыджыда ышловзöмöн водiс му вылö, и сiйö здукас аддзис Степан, кыдзи сьёд рака котыр кыпöдчис сылён туганысь да лёкысь кравзöмöн си юр весыттi лэбис неылын сулалысь Вымъ-дорö. Регыд сэнi ставыс шызис. Пондисны кывны лёвтана гёлöсъяс: «Вежа кыдзным кувсис! Мёскуаса Степан кералиc сiйös! Шог, ыджыд шог суси миянös! Вины, вины колö бокысь воём мортöс!» — и ыджыд котырён вымдорса уськöдчисны вины повтöм мортöс, коди лысытiс лэптыны ки налён вежа пу вылö. Дзирдыштлесны черъяс да пуртъяс, тыдалисны шыяс да джыбанъяс, и мёвпыштiс тайö здукас Степан, мый сылён олёмлы воис пом. Зыряна кытшовтiсны сiйös, övtchisны öружиеён, ярмöм зверъяс моз усъласисны си вылö, — и уси мулань Степан да ассыс сымерт виччысъёмöн сьёлёмсянныс городiс:

— Господьой, Тэнад киö сета ассым лолös! Майбыр гижтан борднад сайöд менö!

И пондiс виччысъны, мый водзö лоö, гёгёрвоис — кытчöдз оз вины сiйös ярмöм йöз, оз лэдзчысъны; но зыряна друг лёнисны, черъяс да джыбанъяс уськöдисны; сöмын на буалысь зверъяс пöртчисны лöнь ыжъясö, кодъяс оз ыштыны лёк вöчöм вылö, и чуймалöмпöрысь видzöдлiсны ёрта-ёрт выланыс, эз гёгёрвоны, мый понда тадзи лёнисны да бурасисны. Эз вермыны гёгёрвоны татшöма вежсöмнысö. Найö, дерт, и мёвпыштны эз кужны, мый Енлён выныс пальöдис налысь вежёрсö.

Степан ыджыда аттьёалiс Енмös сiйös мездомысь да шыасис чукöртчöм йöз дорö, висьталiс, мый язычникъяслён йенъяс — абу йенъяс, и некутшöм вын наын абу, эм сöмын öти Ен, Кодлы копрасьёны роч йöз, и Сiйö Вына, Быдлаын, и Мылыштö ставöс, коди шыасьö Сы дорö, — и дыр на сёрнитiс, а зыряна чöв олiсны да кызвiсны, та бöрын унаён шуисны, мый «войистину веськыд мёскуаса вера», и кöсийисисны пыртчыны. И лои тайö луныс Степанлён олёмын выль панасён, и дыр эз вермы вунöдны тайö лунсö, си понда мый аслас синмöн аддзис — Енмыс кылiс сiйös, эз эновт; и тайö жö лунас вöлi путкыльтöма улыс эжваса язычникъяслысь медся вына йенсö, а татчös войтырлён медводдзазысь вежис асланыс вера вылö видzöдлас.

Но ставыс тайö вöлi сöмын «ичöлик панас». Зыряналысь кыдзсö лои кералöма, выльён пыртчомаяслён лыд содiс, но вörзьöдлiтöмыс вöлi на помтöм-дортöм, и вермасыны корём вылö Степан вочавидзис радпöрысь, си вöсна мый Памös янö-

дём лоё ставнас язычествосё янёдёмён, ёд язычествоыс пёрысь тунлён чорыдлун вылын и кутчысыö. Пам вёлі вывті лукав морт, сёрниястö сяммис бергёдны ас сертиыс, но некутшом падъялём ээ дзескёд Степанлысъ ловсö, сы понда мый Ачыс Енмыс вёлі сылён отсёгён; лёнь руён виччысис, кор Пам воас Вымъ-дорö, виччысис сёй здуксö, кор позяс венны Кристос вералысь медыджыд вёрёгёс.

И со — Пам Вымъ-дорын. Войтыр петисны воча, быдёнлы окота тёдны, кутшом руён воис ыджыд тун. Но Пам вёлі бужгыльтчом чужёма, и некутшом торъя шызьём сыын ээ тёдчы. Зыряна пондисны шопкёдчыны ас костаныс:

— А ньёти оз и падъяв миян тунным. Аддзан-ё, кутшом повтёма локтö. Ёмой чайтö янёдны мёскуаса Степантö?

— Да и Степан, тыдалё, абу полысь рёдысь, — ээ сетчины кристиана вера дор сулалысьяс. — Оз сетчи пёрысь тунлы. Оз сяммы янёдны сёйос Пам!

Пам матыстчис Степанлён керка дорö, кытён вёлі шуюма кывйён вермасыны, и ыджыдö пуксьюмён чеччис норт вывсыс. Сёйос видзысьяс шыасисны Пам дорö:

— Лэдз миянёс, ыджыд тун, кёть шонтысыыштам. Паськом кётасис, и оні ии кын. Терпитны вын абу. А шоналам да пыр жё тэ дорö бергёдчам.

— Оз ков меным тиян видзёмныд, — гораа, ставлы кывмён юörtис Пам. — Менё оз вёрёгъяс кытшавны, а Войпельлён кывзысысьяслугаяс. Тані ставён менё видзысьяс да дорыйысяс. А ті верманныд мунны, ог кут. Ті помысь некутшом коланлун ог аддзы.

Памёс видзысьяс котёрён-сорён мунисны, а сёй ладмёдчис веськыда улич шёрё сувтёдём джуджыд лабич вылё, воча сулалысь лабич вылас индёмён быттö кодлысъкё юаліс:

— А коні нё менам вом ёртыс? — вешкыртчылёмён серёктис Пам. — Коні нё ыджыд Войпельёс яндзим тёйтог суклялышыс? Мед петалё да видлёр мекёд венласыны! Регыд кörтвомала пежёс! Петкёдла, кыдзи йоз муын ассыс пёрадокъялс лоёсбадавны! Ёмой и повзис нин меясь да бёжсö лэдзис?..

— Эг повзыы ме тэысь, Пам, — кыліс сылён мыш сайын лёнь гёлёс, и пелькиник мыгёра проповедник петис пёрысь тун водзö. — Локті со, шыаси тэнад корём вылё; менам Ен да отсалас петкёдны югыд вылё тэнсыздыл алам ловтö. Но медводз чолём тэныд, Пам-сотник. Сиа лоны дзоңьвидзаён.

И улодз копыртчыліс. Пам лёкысь видзёдліс сы вылё, но чеччис жё пукала-нинсыс да тшотш копыртчыліс, ээ понды ышнясыны рам проповедник водзын. Чүкортчом войтыр шызисны. Зыряна сувталісны вермасысьяс гёгор. Йозыс вёлі чүкөрмёма сы мында, чайтисис, быттö помтём-дортём саридз гыалё, сы мында юр тыдаліс. Ставён видзёдісны воча-воча пуксьюм Степан да Пам вылё. Кутшомкё здукё лоинисны да пондисны виччысыны, мый лоё водзö.

Степан чётвтіс пернапас, пызан пыдди сувтёдём джек вылё пунктис эзыс крест да евангелльё, та бёрын лэптіс видзёдлассö:

— Со нё ме, — лёня шуис сёй тунлы веськыда синмас видзёдёмён. — И оні юала тэнсызд, татчёс тунъяс вылын медыджыд тунлышы, кутшом лёк тэ аддзан кристианалён вежа вералыс, мый понда отдортан сылышы веськыдлунсö? Со, бур йозыс кывзёны миянёс, вочавидзиз на дырии, Пам-сотник, мый понда паныд сувтан?

— Кристианалён вера миянлы оз лосяв, — веськыд сёрнисыс кежёдёмён бу-кыша вочавидзиз Пам. — Кристианалыс вера некоді оз лэпты, а тэ мырдысыён пыртан. Абу лоёсыд тадзи воччны... Коркё бырё миян вытьным...

— Код йылышы тэ сёрнитан? Кодлён вытыыс бырё?

— Зыряна войтырлён. И сийё абу пыр татшом лёнь оласа. И сийё, овлё, ёна скёрмылёт да кусыыс петлёт...

— А мый понда сылы ме вылёт лёкавнысы? Ёмой ме зыряна войтырлы бурсо ог кёсйе? Ёмой ме мырдысыён пырта верасо, некодлыш вёля ог юав?

Пам тамыша видзёдліс найёс кытшалём да чөв олысъс войтыр вылёт. Чужомыс наяна векыштчыліс.

— Налышь вёля юавтог пыртан ассызд верато, либо найё этшайд, коді кёсйоны тёдны сийёс. И этшайд пыртчисны тэ дорын. А этшайд уна водзад абу юрнуудышь. И ёмой сяямыны вежортны, мый выль вера пöгубитас? Тайёс ньёти оз вежортны. А тэ быд ног мевиёдлан, и найё вом паськёдомён кызвёны тэнё.

Тадзи мыжаломыс — быттьё зырянаос мырдысыён пыртёны, волі сэтшом эскытёмён, мый Степан весиг эз вочавидз Памлы, тёдіс — зыряна пöвстись морт оз пыдди пукты Памлысь кывъяссö, сомын юаліс:

— А кутшом сэтшом пöгиб ваяс кристианалён вераыс? Ёмой лов мездомыс — мортлы пöгиб?

— Некутшома оз мезды лов тэнад вераид, а сомын пöгибө вайёдö. Тіян Енмыд абу миян йен, миян йенмыс — Ыджыд Войпель, кодлы ми копрасям! Зыряна войтыр пыдди пуктёны сийёс и оз кёсйыны тёдны кристианалыш Енсо, либо сийё рочьяслён Ен, а Войпель — зыряналён йен. И водзё сомын сылы пондам копрасыны...

— А мылыштліс-ё коркө тіян Войпельныд? Ёмой мыйкө вермыліс вочны, кор сийё збыльвылас абу?.. А кристианалён Енмыс ыджыд вына. Сылы воча сувтны му вылас некоді оз сяямы. Сылён видзёдлассыс быдлаодз сибалёт. Мортлон быд мёвп Сылы тёдса. Нинём гусяыс абу Сылы: ставыс восьса. Мортлон пудыйс Сылён киын: польыштас, и мортыд ёг турун моз нярмёт, кувсө да пракмунёт, муё пöрё. А видзёдласс бурпырыс, и мортыд быдмёт да сөвмёт, быттьё түсов дзоридз; и оломыслы радлёт. Лун ни вай оз коль Олём кутысылён волятог; шондыйс, толысыыс и весиг кодзуувъяс енэж йирас Сылён гёгөрвоны позытём вынён кутчысыёны. Помтём Сылён выныс, но и мылыштомуыс пом оз тёд. Сылы ни роч, ни зыряна ториён абу, Сы водзын ставын откодьёс. Сылы быд морт — морт и эм, абу тэныд кутшомкө роч либо зыряна. И тэ, и ме, став мукодыс откодя вермасны виччысыны Сысян мылыштём, став съёлёмнад кё эскыны Сылы да овны Сыён лосьбодом заповедяяс серти. И весьшорё тэ шуан, Пам-сотник, мый кристианалён Енмыс — рочьяслён, а зыряналён — Войпель; кристианалыш Енсо абу сомын рочьяслы лосьбодома, му вылас олысъс став войтырыслён Сийё. Сылён кёсйом серти олёны лёкыс и бурсы, вынаыс и жебыс, озырыс и гольыс; и рочыс сылы — войтыр, и зыряна сізд жё. Рочьяс Сылы эскёны и босытёны Сысян уна бурсо да ловлы коланасо; и зыряна вермасны эскыны Сылы да сэтшом жё мылыштём виччысыны. Сийё некодёс оз отдорт, быдёнёс, коді съёлёмсян шыасяс Сы дорё, кызвас и мылыштас отмоза, тэ көтт роч, көтт зырянин сэсся лоан. А тэ шуан, мый кристианалён Енмыс — сомын рочьяслён!.. Но Войпельыд тіян абу Ен. Некор эз вёв и оз ло, либо сийё тунъясон думыштёмтор. И абу-ё сийёс морт киён вочома, абу-ё наян вежорён мёвпыштёма, — мыйсъын вын вермас лоны, кор збыльвылас некор эз вёв и оз ло? Сомын синтём йоз вермасны эскыны татшомыслы, и со, локті ме тіян дорё, медым юортны Збыль

Ен йылысь, Сы йылысь, Коді волі, эм и лоў нэмись нэмё, сійё Ен йывсыс, кодос ті эн төдлой, но Коді тіянылды сетё олём и босытё сійёс, вердё-удё и пасытёдё тіяныс, сетё мойвиом вораломын и мукод уджын, а таись водзёсён коро сомын шаньджыка олём да Сыё пося эскём. Сылы оз ковны дона куяс да вир лэдзомён вись вайом, либо ставсё, мый эм тайё му вылас, ло́сьёдома Сыён, Сылы коло сомын шань олём да бур дела вочом. Збыль висыталы тэнайд, Пам-сотник, зыряна мусын эз унаён пыртыны выль вераё, но воас кад, кор тайё мусыс ставнас пыртчас кристиана вераё, и помтём уна крам лоў кыпёдома да восытёма тані, и воссяс татчос войтыр водзын югыд петан туй...

Степан сэтшома шызис, весиг эз казяв, мый пондис сапкыны уль лым да едждёдис сылысь восьса юрсё, тошсё и платтьёсё. Поводдяыс неуна небзыыштис, но волі тырмымён кёдзыд, а пасыкымыс сы вылын волі зэв кокныыдик. Но кёдзыдис Степан эз кыв. Сійё дугдывтог водзё сёрнитис, и чола пукалис сы водзын Пам, сомын синъясыс скорысь кодзлалисны. Степанлон сёрниыс вывті ёна эскёдис. Войтыр пель тырён кызвисны сійёс да, тыдало, весиг жалитисны... И друг этшыс петём порыс тун кыдз тай городис чиром гёллосон:

— Ыллодчан, ыллодчан, москуаса Степан! Кристианалён Енмыс миян Войпельысь вынаён некыдз оз вермы лоны! Войпель оз на сетчи! Ньёти ог эски тэнад кывъяслы!..

— Менам кывъяслы верман не эскины, — ло́ня вочавидзис Степан, — но ме веськыда висыталы: кристианалён Енкод орчён некоди оз вермы сулавны, ни енэжас, ни му вылас, ог нин шу тэнсыд Войпельто, коди збыльвылас абу! Истиннёй Енлён Выныс тёдчана, но и мылыштомыс тёдчана. Эновтчы, отдорчы аслад ыллогоясь, Пам-сотник, босыт кристианалысь верасё, и лолыд аддзас мезд...

— Некор ог копыртычы тэнад Ен водзын! — скормомсыс да зывоктёмсыс тшо́къяломён городис Пам. — Асьтё да Ентё тэнсыд янёдны вои татчо, а эг роч вераё пыртыны! Ыджыд Войпель выло лача кута, и сійё меным отсалас... А тёдан-ё тэ, москуаса Степан, мый кёсийисис миянлы Войпельным кувсюм бёраным? Кёсъян кё, юорта...

— Юорт, ме кывза тэнё, Пам-сотник, — юрсё сылань копыртёмён дасьтисис кывзыны Степан.

Пам босытчис гораа лыддьёдлыны:

— Войпельлон выныс помтём. Эм и мукод йенъяс, сылысь кындзи, но сійё медся вына. Сійё видзё войвыв мусыс, вердё и удё зыряна войтырёс, индо воралысъяслы дона куа зверлысь оланінъяс да ветлан туйяс, а кувсюм бёраным со мый кёсийисё миянлы ставлы. Сэні быдён пондас овны шоныд керкын, сейны дась сёян, узны и шойчыны мыйта лолыдлы окота; морт вунёдас шог и маета, некодлы ясак мынтыны оз понды, а окота кё, лоў позяна и воралыштны. Зверыд ачыс пондас сылон киё шеддочыны, чери берегё петас; сомын чукорт. Ни тиунъяс тэнайд, ни вот чукортисъяс, и ставён вольнёйось. Пыр кежлё шоныд да пётос олём, сомын сёй, ю, гажъяв да окотит мый коло; ставыс тэнад лов серти. Со мый кёсийисё миянлы Войпельыд! А тэ шуан, мый сійё абу!.. Эм, эм Войпельыд, эм... и кристианалён Енлы сыкод орчён не сувтны!..

— Тайё ыллосас думыштёмтор, — Памос кывзюм бёрын вочавидзис проповедник. — Войпель некор эз вёв и та понда некыдзи оз вермы кёсийисны татшомторъяс. Да и мый таын бурыс? Ме чайтём серти, бурён лоў сійё, мый сетас

mortlы покой да шань олём, а оз сёмын сёйёд, дыш ун да помтёг гажъялём. Кызвы жё менё, Пам-сотник, кызвой и ті, зыряна войтыр, — Степан кытшовтіс шань видзёдласён на гёгр суалысьясо да водзё висъталіс: — Оз татшом кокни олём көсийсь менам Ен, Господь Іисусъ Кристосъ, коді сетіс ассыыс вир миан грекъяс понда. Сылон бурыс — збыльсь, бур, и шудаось найё, кодлы уси шуд весъкавны Сылон видзёдлас уло. Но медводз көсия висъставны, кыдзи чужис, оліс да кувсис миан грекъяс понда Іисусъ Кристосъ, кыдзи Сій бёр ловзис, кыдзи аслас кувсъомён веніс кувсъомсо да козыналіс мианлы помтём олём. Висътала тайёс тіянлы, и Ловъя Ен нимён кыв сета ті водзын, либо ставыс, мый оні висътала — збыль!..

Степан киас евангелльёон пондіс висъставны Іисуслон чужом, олём, чудесаяс, кувсъом да ловзъом йылысь, мылыштом да морт рёд мездом йылысь, сы йылысь, кыдзи тшоктіс овны да радейтынта ёта-мёттө; мувыв шуд да райса долыдлун йылысь... И дыр на сёрнитіс Степан, и лов лоњьодомён кызвісны ставён да чуймалісны. Кристианалён олан подулыс налён вежёрын востис шонді да зэр водзё петём нәриник дзоридз моз; асланыс йенъяс ичётмисны да събодісны биё весъкалём сюмёд тубрас моз. Зыряна вежёро поздысис гёгрвоом, мый Памлон кывъяс — лож, ылосас мёвпыштёмтор, а Степанлон — ётдортны позытём збыльис, наын эм радлун да мортос пыдди пунктём. И яр видзёдласён сотыштіс пёрысь тун чукортчом войтырёс, кор пондіс казявны, мый ставён сетчоны Степанлань. Скёрлуныс пёдтіс сійёс. Кристианалён вера вевтыртіс налысь эскомъя!.. Водзё эз вермы кутны дёзмомсо; кокнас скёрысь тапнитіс да пондіс тешитчомён вензыны Степанкод, суклявны верасо, ассо рам проповедникос увтыртны...

Дыр кыссис тайё веныс. Шондібан бердіс нин, вой пуксис, а вензъомлы пом эз на тыдав. Пам песіс вежёрсө, быд ног лёкодіс кристианалысь вера, а Степан сёмын вочавидзліс — и выныс волі сы сайын. Войтыр виччысисны, мый лоё водзё, пемдом борын ысталісны ыджыд бипуръяс, медым югзьодны вензысьясо да матігогорсө... Вой кыссис дыр, лым сапкис дугдывтөг, көдзыдыс чорзис, но Памлон да Степанлон ыззьом эз лаймав, и найё водзё вензисны, быдён дорийс ассыыс видзёдлассо... Коркө сэссе пондіс югдыны; бипуръяс ньожйоник кулласисны. Пуксис выль лун... И кыліс Пам, мый кок ув мұыс сы улысь вешёй. Степан сяммис бергёдны сыйон шуом быд кыв; сюсяломён вайдом кывъяс стено моз люкасълісны Степанон шуом кывъясо, и пыр жё востыліс, мый татшом ногён Пам аслыс тёдлытөг уськод ассыныс йенъяссо да ләптө кристианалысь вера. И мёвпыштіс пёрысь тун восытны боръя картісө, татшом ногён падмодны Степанос:

— А ло́ссыда тә сёрнитан, мёскуаса Степан, — лёгпрысь нюмдомён шуис сійё, — но выныд тэнад сёмын кывъясын, а дела вылас нином абу. Дела пыр тә аслад вералысь вынсө он вермы петкодлыны... А сяман-ё би либо ва выло нимкыв лыддыны?

Степан катлодлыштіс юрнас.

— Тайё абу менам кын. Эг велодчыв тунасыны, и би да ва выло нимкывъяс меным абу тёдсаось. Но Господьлы быдтор восьса...

— Но тэнад Господьыд тасянь вывті ылын, — шпынмуніс Пам, кор кыліс, мый Степан оз тёд ва да би выло нимкывъяс. — Сій Мёскуад коли. Весъшорё Сы выло лача кутан. А менам йенмой, ыджыд Войпель, матын... И со, ме оні

шуа тэныд, мёскуаса Степан: эновтчам ми весь вензьёмъясысь, либő делатöг шүём кывъясыд — öти ошыйысöм, вай босытчылам дела вылын петкёдлыны, кодлён выныс ыджыдджык. Бур-ö менам вöйзöмöй?

— Ог и тöд, мый тэ öні мёвпыштін, но Господь Іисусъ Кристослён вежа ним понда сета кыв, понда тæköd вынöн вермасын...

— Эн бöрынтычы, менам вöрögöй! — пинь пырыс сöдзöдіс Пам, и чеччис пукаланінсыс, тыр тушаён веськёдчис да шыасис чукörtчом войтыр дорö:

— Зыряна войтыр! Дыр ми тані вечмасим ті водзын, но кыв вылад вынöт он мыччöдлы. Ни ме, ни сiйö эг янöдöй öта-мöдöс. Кыв вылад ми кыкнанным веськыдöс, быдён ассысдорий, а збыльвылас кыдзи, оз воссы. Со и вöзъям ми — ме да мёскуаса Степан — дела вылын петкёдлыны, кодi вынаджык. Эжва берег дорö пестöй ыджыд би, да медым сiйö лöö кузта ногыс кызы воськов, а пасыта ногыс дас воськов, сэсся Эжва шöрас кералой кык йöрдан: öтисö тайö берег улас, мöдсö мёдлапöв берег улö. И мунаам ми Степанкöд би пыр и ва пыр: медводз би вомöн воськовтам, сэсся лäччам ий выlö да öти йöрданас пырам, а мöдтëыс петам. И менам юнмой кö вынаджык, видзас менö, а Степанöс пöгубитас; Степанлён Енмыс кö вынаджык, сiйöс видзас, а менö пöгубитас, и кодлыкö öтилы миян пыясь ковмас кувны. Тын и тыдовтчас менам эскöмлён либő роч вералён веськыдлуныс, и кодкö öти миян пыясь яналас. Бура-ö ме висьталi, войтыр?

Зыряна öтпýрысöйнмоз горöдсін:

— Бура, бура, ыджыд тун! Дела вылын петкёдлой ассыныд веськыдлунсö! Тадзи веннид регыдджык помасся...

Памлысь вöйзöмсö кылём бöрын войтыр кокныда ышловзисны, сы понда мый кывйён вензьём пондіс кыссыны помтöг, а ставлы вölі окота тöдны, кутшöм кывкörtödö найö воасны. И кöть унджыкёныс дасьöс нин вölі эссыны Степанлы, весиг на пыясь унаён падъялісны, велалöмпýрысь виччысисны тöдчымён венöм; налён вежöртöм серти — сöмын сiдз позис шуны, мый кристианалён Енмыс збыльысь вына, а вын петкёдлityöг нö кутшöм вын!.. Унаысь шуны эз ков: пыр жö босытчисны кыскавны би улö пес, та бöрын зiля босытчисны керавны йöрданъя...

Пам сюся видзöдліс Степанлань. Мöдys чöла пукаліс лабич вылын да видзöдіс мырсысьс войтыр бöрся. Чужöмис сылён вölі югыд да шань. Синъясас эз тöдчы ни полöм, ни падъялём. Веськыд кисö вежавидzöмён пуктöма евангельльö выlö да видzöдлассö енäжлань кыпöдöмён ас кежсыыс лыddöб molitva... И дрögмуnlis Памлён сьöлöмис: испытайтöмись, кодöс вöйис пöрысь тун, Степан ньöти эз повззы, а Памлы ньöти эз вöв окота вуджны испытанньö пырыс, вöйис сöмын сы понда, мый чайтiс тадзи сюсявны да повзöдны роч проповедникöс. Но эз сы ног ло; сюсялöмис аслас юр выlö жö и уси. Наян тун чайтiс, мый овны окотитöм венас том мортлысь вежöрсö да сiйö оз кöсийсь вуджны испытанньö пыр, но Степан эз и чайт бöрынтьчом ийлысь. Весиг чужöм вылас бледöдіс ыджыд тун. Эз сы ног бергöдчы! Шуам, сiйö тöдö би да ва выlö нимкыв, сяммö весиг лöнъöдны найöс, но став выныс вölі сюсялöмын, и зыряна талы эскисны, но öти сюсялöмён би ни ва он вудж. Памöс босытiс дрöж, синъясыс полöмпýрысь котралiсны, сьöлöмис босытчис мый выныссы тiпкыны. Полöм, ыджыд полöм венiс пöрысь тунöс...

Сы коста йöрданъяс лои кералöма, зыряна босытчисны перыйны би. Степан чеччис пукаланінсыс, веськыд киас босытiс крест, а шуйгасö веськёдiс Памлань.

— Ме ог ыджыдав ни ва вылын, ни би вылын, — кыпыйд гёлөсөн шуаліс сійő, — но менам Господьлён выныс тырмымён: кута лача сёмын Сы вылёр! И мұна тәкёд!

Пам сетчис бёрвыв. Чужомыс нöшта ёна бледодіс, ставнас быгаліс, плеш вылас чепёсійс кыз нылёмва:

— Ме ог мун... Ме испытанийтөг тода аслам йенъяслысь вынсö, — войтыр вылёр күсөм синмён видзёдігтыр пондіс дольны сійő. — Тэ отнад мун... а ме видзёдла...

— Мунам отлаын, — вылышыс шуис Степан, босытіс тунлышы тіралышы кисо да пондіс кыскыны ас бёрсаяс. — Ачыд вöзийин, мый понда, сідзкё, борынъячан?

— Ог кёсайы тәкёд мунны... отнад мун! — проповедниклён киысы мездысигтиры шуаліс Пам. — Тэнад Енмыд миян Войпельышы абу веськыддыхык... тайös ме и испытанийтөг тода...

Зыряна пондісны синмён сёйны пöрыс тунёс. Налён сьёлёмъяс пüёмён пуисны. Памлён сюсяломуыс ставлы воссис. Унаён эз кёсайыны эскыны татшом помлы, скöрыс босытісны пöрыс тунёс киняулöдьыс, медым йёткыны сійös веськыда ярмём биö.

Памлён син водзын пондіс веравны пессысыс би... бипур сайын жеръялісны сьöд вома йöрданъяс, — и тайös аддзёмён дзикöдз нин падмис пöрыс тун. Полём пондаыс сьёломуыс коклябöрдзыс лäччис, син водзас пондісны бергавны гырд рёма кытшъяс. Вылёр пуксьюмыс кытчöк пакталіс, коли сёмын полём да кöдзыд руа дрёж, а кор зыряна кыскисны сійös яр би дорö, дубалём вир-яйыс пондіс сотчомён сотчыны, — и этшсö воштёмён уськёдчис Пам Степан кок улёр да пондіс быд ног кaitчыны сы водзын...

Кристианинлён вера веніс язычниклысь эскомсö: Пам дзикöдз яналіс!.. Вöрёгсö путкыльтöм борын Степан лэптіс кисо вывлань да гёлөс кыпöдёмён горёдчис:

— Аттьёала Тэнö, Господьёй, татшом ыджыд делалын отсаломысы! Яналыс ыджыд тун!.. И водзö олём туйяс талялігён эн эновт менё, Господьёй, либо Тэнсызд нимтö ыдждöдлёмён велёда йöзсö, медым Тэ дорö кыссисны да помтöг эскисны Тэныд!

Дöзмём войтыр кёсайыны вины наянишыс тунёс, но шань сьёлёмма Степан эз сет вöчны тайös, грека мортöс виöм пöлоö нöшта ыджыд грек, шуис сійö да велöдёмён висыталіс чукöртчöм йöзли:

— Господинъ Іисусъ Кристосъ ыстіс менё тіян дінö эз вины, а ловзьöдны, эз увтыртны, а лёня велöдны да бур сьёлёмён вöзийыны. И оз кё кёсайы Пам пыртчыны вежа вераö, мед сытöг олё, но мед мунас ылöджык, либо кöинлы Кристослён ыжъяс пöвстын овны абу шулöма!..

И войтыр кызвісны Степанлысь: Пам коли ловийн. Но регыд сійös вöтлісны зыряна мұыссы, и пöрыс тун муніс Об ю вылёр да паніс сэні Алтымъ сикт, кöні сэссе и оліс бёръя лунöдзыс.

Тадзи олём бергöдчомыс уналы лои виччысytöмён. Пам уналы чайтисе сэтшом мортöн, кодкöд венласыны лоö вывті сьёкыд, — но кор аддзылісны, кыдзи сійös веніс Степан, та борын ставлы лои гёгöрвоана, мый кристианалён Енмыс збыльшыс вына, и кöть эз öти лунöн пыртчыны, зырналён вежёр и лов вöлі дась та кежлö.

Кокнялём лолён эновтіс Степан венласяннісö да аслас матысса войтыркöд пырис Благовещеннöй крамö. На бёрсия вöтчисны и язычникъяс. Крам пытшын

Степан небзьём гёлёсён босытчис лыддынын аттьёалана молебен, и лёньюм лолён кывзісны сійёс чукортчом войтыр, и кылісны, кыдзи Ачыс Енмыс сидё налён съёлёмө и вежёрө...

XVII

Кыдзи Степан да Пам костын венласьом дырии кыліс асысö Бурь-Ань, гёгр-воны абу съёкыд. Съёлымыс нывлён ставнас дількъяліс, а сөдзом вежёрас зілис сюркнявны проповедникён шуом быд кыв, и радліс том мортлышы гёллессö кылёмөн, мый со тай, борти аддзысисны жё, и кылёт сысянъ Енмёс ыдждёдлан кыпыш сёрни; радліс, мый мойвиис паныдавны зыряналы Кристос вера вайысьёс, коді та пёрий оз тёд ни мудзём, ни вын чинём, ни нёрпалом, весиг ассыс олёмсö оз видз, и ставсö тайёс вёчо сылы дзик отдор войтырёс мездём понда. Нывлы вёлі медводдза здукасяныс гёгрвоана, мый Памёс Степан венас, и тайёс тёдомыс пыр жё вунёдіс кузь туй вуджигён öкмылём мудзесö и тшыгъялёмсö. Гёгрвоис и сійёс, кутшом ичёт вёлі сылон зільомыс тайё мортыслён ыджыд мог пörtüm дорын. Гёгрвоис, и радліс Степанлон радлунён, коді талун веніс кристиана вералыс медся вына вёрогоясь ётиёс.

Но кор венласьом помассис, вичкоё, кытчо муніс Степан, пырны эз тэрмась, чайтіс, мый Господьлон вежа керкаё сылы водз на, шуис виччысылыны проповедникёс сійё керкаас, код дорын сулалісны Отп'єтыйкод.

Маюръ накод эз вёв. Сійё муніс тёдса морт дорё, коді водзджык волывлёма Эжва катыдё, и, колё чайтны, кузь туй бёрад крепыда узис нин.

Молебен коркё помъяссис. Войтыр ызёбён петісны ортсö. Степан петіс медбörяён да веськёдчис аслас оланінö, мунігмозыс пернапасаліс чукорён-чукорён сулалыс шемёс войтырёс.

— Енмыс тіянёс бласлёвитö, вокъяс, — шуаліс ывлайын сулалысвойтырлы Степан. — Аттьё, мый кывзанныд менё. Коді пыртчис нин, эн отдортчой веськыд вералыс, а коді эз на пыртчы — тэрмасьой пасавны асынштө вежа крестён. Энö видзёдой коньёр Пам вылó: сылон съёломуыс чорзьома, и му вылас некутшом тёдса вын уло оз сетчи, медым небзьёдны. Но тіян съёлёмъяс абу на си выйодз измомаёс...

— Ог отдортчой, — Степан вылó сөстом синъясён видзёдісны пыртчом войтыр. — Эг си понда пыртчой, медым бёр отдортчыны!

— А ми видзёдлам! — вочавидзисны пыр на падъялыш язычникъяс. — Оз кезйёдлы миянёс тэнад вералыс, но мёвпальыштын кад колё. А кор бура мёвпыштам, сэки и локтам, колоkö.

— Мед Енмыс индас тіянлы колана туй! — кывкорталіс Степан да ёти велодчысыкод, зыряна пёвстүс петём отроккод, матыстчис аслас керка дорё. Видзёдлаласыс вочаасис сійёс виччысысь Бурь-Анълон видзёдласскод, и проповедниклон чужём вылó поздысис долыд нюм.

— Мир тэнайд да Енсянъ бласлёвитом, муса чой, — ныв дорё матыстчиг шуис сійё. — Кывзін съёлём тшёктёмтö — аслад войтырлы олём сиин, и лоё тэнайд талыс помтём долыдлун! Весьшорё чайтін, мый водз на Ен крамо пырны: коть и эн на пыртчы, Ен аддзё шань оластё да любопырысь видзёдё тэ борся. Да бласлёвитас тэнё! Пыр менам керкаё, сэні и сёрнитыштам.

И бласлётіс Бурь-Аньёс, та пёртті кутыштіс пельпомёдыс, медым ныв эз уськёдчы сы водзё пидзёсъяс вылас. Сэсся бергёдчис Отпгѣтыйлань да тёдчёдіс:

— И тебя да благословить Господь, рабъ Божій Андрей. Радуюсь твоему расказанию. Тяжки грѣхи твои, но милость Божія неизреченна!.. Войди и ты въ жилище моё. Дверь моя открыта для всѣхъ...

Отпгѣтый видзёдліс проповедник вылô чуймом синѧясон. Вежёрас пескыльт-чис: «А какъ онъ узналъ моё имя?» И дзикодз раммис. Проповедниклон вежалуныс кутшомако весиг повзьодіс сылысь вежёрсо. Чайтіс, мый татшом веськыд мортлон керкао пырны сы кодыслы — ыдкыд грек, падъяломён коли сулавны порог дорас, но Степан ышёдіс сійёс:

— Не бойся меня, братъ Андрей. Передъ Богомъ всѣ грешны; безгрѣшныхъ людей нетъ. И я — грѣшный человѣкъ, и ты — грѣшный, и все люди грѣшны, но Богъ прощаетъ тѣхъ, кто старается исправить жизнь свою, и никого отъ Себя не отринетъ. Садись на скамью, вотъ тутъ, — индіс Степан водз стен боко сувтодом паськыд лабич вылô. Бурь-Аньёс жо пуксьодіс мёд лабич вылô, ачыс пуксис воча да нюм пыр шуис:

— Этша на уджалі ме, дыш мортыд, а мудзом ёна нин кыла. Вынтом миян вир-яйным, ог вермой сыён тшоктавны. Оти вой и олі шойччытёг, а вын ни эбос эз коль... Грека, дыш морт!

Сіё съкыдпрысь ышловзис, пельёсын сулалысь образлань чёттіс ётка пернапас да некымын здук оліс чёв, думайтіс кутшомкё ётнаслы тёдса дум. Керкаын лои рёмыд; тані ѡшиныс волі сомын кык, да сэтшом ичтотось, весиг лунъя шондыыс ѫдва писькодчис. Степан пукаліс ѿти ѡшинылы воча, мыгёрсо сайёдіс кыз буджёр, а чужом вылас уси скун шонді югёр. И Бурь-Ань да Отпгѣтый тайё здукас казялісны, мый чужомыс бледсыыс блед, бытъю сылём сись, укшальмомысла тшокаясыс войёмаось, а син улыс тёдчымён лўзёдома. Сомын синѧасыс и дзирдышлісны ылыш би югёр моз, наын волі тёдлытому шаньлун, но ѡні тёдчис и мыйысько ёна майшасьом; Степан став вир-яйнас кыліс мудзомсö, но мырдысьон зілис тайёс не петкодлыны. Мудзыс Ѻкмис сы понда, мый проповедник куим сутти чёж эз нуръясылы, постуйтіс да молитвис, тадзи дасьтысис Памкод вермасьом кежлёт; но Бурь-Ань тайёс эз вермы тёдны, коты ылосаліс, мый понда татшома майшасьо сылон ёртыс. Степан Ен ним ыдждодлём понда ньёти эз видз асъсö. Сылон волі сомын ѿти косийом: чорзом съёлёмома язычникъяслы восьтны Кристослыс вежа велодомсö, тайё уджсö пörtig вунёдліс, мый ачыс сіё сомын морт, кодлы коръяскö коло юны, сейны и вир-яйсö шойччёдны.

Бурь-Ань си вылô видзёдіс жалъпрысь. Нывлы волі гётёрвоана, мый Степан вывті дзескодё ассыыс вир-яйсö. «Абу ѿти вой син куньлытёг олома, а уна вой дорывы, — мёвпыштіс сіё. — Енлон майбырыс олô сыын. Весьшёро мёй кыло мукодлышыс мёвпсö, кыло и аддзё ставсö...» И тёдлытому муслун ылькнитіс ань съёлёмын, уськёдчис проповедник водзё пидзёсъяс вылас да горёдчис:

— Кора тэнсыыд, вежа морт, видзышт асътö! Тэ пытшын вывті ыдкыд косийом, но и асътö оз ков бырёдны. Могыд эз на портсы, туй помыд эз на во. Видзышт асътö менам вайтырлы мезд сетём понда!..

Степан кыпёдіс синѧассö да шань гёлосён шуыштіс:

— Чеччи, чеччи, муса чойö! Оз ков тэнсыд ме водзын, грека морт водзын, пидзёс вылô лэдзчысыны. А бырёдны ачымёс ме ог бырёд. Вир-яй вынтоммис, но Ен діно выныштчомыс ме пытшын тырмымён. А могтö ме здук кежлёт ог вунёд-

лы. Со талун, Ен отсёгён, янёді Кристос вералысь медся лют вёрёгсö, а сысың кындзи мой этша на эскытём понда синтöмыс... Чеччи, чеччи, чойö, чеччи да сёрнитыштам. Кывлі тэнад повтöм удж йылысь: вывтi шань тайö...

И кинас ётыштмён индiс Бурь-Анлы, кытчö пуксыны. Ныv лыбöдчис пидзöс вывсыыс да пуксис. Сэки Степан юалis:

— Бура-ö воёдчинныд миянö, муса чойö? Татёнъяс öд шогмана туй абу. Ветлöны лым вывтi, лямпаён. Гёёр пемызд вör да козъя тиль, а вöрад и быдсяма зверыс тырмымён. Медся нин лукав кёйнис...

— Веськавлi ми на шöрö, отче, да Ен видзис. Лют кёин чукöр топöдлiс, да вежа Микулай Чудотворечлы молитчи, код йылысь Вöлётгдаад олiгён на кывлi.

И ныv чудотворечös ошкигтыр висьталiс проповедниклы дивö кодь мездысöм йывсыныныс.

— Дивö, ыджыд дивö мыччöдлöма тiянлы Господь Енмыс! Мылыштöма Вежа Микулай!.. А водзö ставыс-ö ладу вöлi?

— Водзö ставыс ладмис, отче. Воёдчим со, и висьтавны ог куж, кутшöм лöссызд лов вылын, мый аддзыси тэкёд. Эжва катыд ставнас кыпöдчис. Юёр воис, мый тэ абу нин зыряна мусын, Роч муё бергöдчöмьыд, а тэ пыдди по воёмаось мёскуаса воинъяс да йözsö Мёскуаад нүöдалöны. И быттьö по сэнi найёс рочыд вер туйö видзны пондас, а миян муным дзикöдз рöзбöритчас, а сiдзкö, и зыряна войтыр бырасны. И таись ставён шызисны, весиг меным эз пондыны эссыны. Весьшöрö налы тёлкүйтi, мый оз вермы лоны татшöмыс, мый роч войтыр абу сэтшöм чорыд сьёлёмайс, мый ставыс тайö — Пам-сотниклон суклясьём, — этшöн эскусны менам кывъяслы, а кодi и эскус, юасисны: «А мыйла нöс мёскуаса Степаныс миянö оз волы, танi кö сiйö? Омой оз и кайлы Эжва катыданым? Важён нин позис волыны». И эг аддзы, мый вочавидзны та выlö, либо ачым нин пондылi падъявны: локтан-ö коркö ми дорö? Гашкö, мися, он и вöрззы сысың водзö, кытчö овмёдчин? Мися, мудзöм пондаыд ланьтöдчин, шойччыштны окота лои... да жаль меным аслам войтырой: тэтöг найёб бырасны!

— Весьшöрö эскöмтö воштылiн, — дивитöмён юрнас катлöдлыштiс Степан. — Эг эновтчыв аслам уджысь. Быд здук мёвпала сы йылысь, мый кад нин выныштчывны Эжва катыдлань, да орöдчыны ог вермы. Пыртчытöмьыд и танi на уна, медся нин Емва ю пöлён. Сэнi олiс Пам, сэнi вывтi уна язычникис поздысылöма. Водзö ог во, кытчöдз тайö войтырсö ог пырт. Но онi, Ен кö сетас, кокныыдджык лоё: Памöс янёдiм, вётлам сiйöс зыряна мусыс ылöджык, и орö язычникъяслöн нэмöвойся подулыс. Сэки и катыдö кайлыны позяс...

— Сэнi тэнö виччысыны оз нин вермыны, отче, — торкис сёрнисö Бурь-Ань да ассыс мёвп висьтавны тэрмасис. — Вöйпöдлi ме сэтчöс войтырсö, тэнад локтig-кежёл дасьтылi: кызызыны пыртчыны дум. Да кор кывсис, быттьö бёр мунöмьыд, уналöн руыс вежис, весиг меным эз пондыны эссыны... Коньёр войтыр! Сьёкыд олöм понда измöмны налöн сьёлёмъяс; ни радейтöм, ни жальлун оз тöдны. Абу налы ёрт ни бур морт; ставён на водзын — лют вёрёгъяс. Некор и матысса йывсыыс думыштлыны; быдён сомын ас пондаыс олö, медтыкö ачыс пöt, пася да кöма, а мукöд понда песссыны некор. Айяс челядьнысö эновтöны, а челядь — рöдительяссö, быттьö абу и ас вира войтыр!.. Дыр на пöвстын олi, зiли öти бур вöчны, велöдi öта-мёдныö радейтны, венъясысь да зыксыёмъясысь дугöдлi, рöзбöй да роч тиунъяс водзын сёрнитлi, быдлаын на понда песси, а уна-ö ме и вöчи? Этша, этша лои вöчома. Абу менам вын серти зыряна войтырлы отсёг

сетны. Та вылёт колё мёдпёлётс вын, тэ сяма мортлон эбёс, отче, а менам вын ичёлик. Уна шаг да ускоттё бергёді, уна синва косоді, уна и зык лёньоді, но шёр могсо эг вермы ләптыны: эг вермы воччны найёс шаньён да бурён, эг сяммы небзьёдыштны чорзъём съёлёмъясс налысь... Коньёр, коньёр войтыр! Оз тёдны найё ни бурлун, ни шуд, збыль Енсö оз тёдны, ас көдьныс жё кын бёлбанъяслы копрасъёны... Шог, ёти шаг, он кё инды налы Кристослён югыд вераёт туй, отче! Сомын таын мездыс. Кристианалён вератоғ бырас зыряна рёдьыс... Эн вунёд вылыс эжваса войтыр йылысь, отче! Помёдз вайёт ассыыд могтö... А ме лоа тэнад слугай, бёръя здукуодз...

Степан лёня вочавидзис:

— Эг вунёдлы ме ассым могёс. Дыр кад чёж дасьтыси зыряна муё локтікежжё, либо ичтётн на чайті та йылысь, а оні со збыльмис ыджыд кёсйомой. Коломенской владыка Герасимён бласлёвитом борын вои тіяню и, Енмыс аддзё, либо Кристос понда юр пукта, либо пырта ставёс кристианалён эскомё, православной вераёт. Татшом мог сувтёді ас водзё. А тэ весьшёрё шуан, мый этша воччин! Эн этша! Уна, уна вевъялёмыд воччны, аслад вын серти тырмымён уна, а унджыксё воччны и тэ он вермы. Енмыс тэнё оз отдорт ни оз эновт! А помнитанё Вёлётгдаад миянлысь аддзысыльмот? Шулі ёд сэки, мися, кор миян туйяс паныдасясны, тэ сувтан вежа крест водзё. Со, туйясным паныдасисны. Воис кад и тэныд кристиана вераёт пыртчыны...

— Да ёд ме кыв сетлі, отче, — Отп'етый вылёт тэрыба видзёдлёмён паныдаліс Бурь-Ань, — пыртча сомын сэки, кор став зыряна войтырсо лоў пыртёма...

— Татшом кыв кутны он вермы. И эн вермы тэ татшом кыв сетны! Кристиана ног олысь мортлы оз позь кольччыны язычникъяслён гүю. Тырмымён сэні олін, кад и кристиана побстын олыштны. Ставыслы аслас кад. И талы кад вёлі. Оні воис кад пыртчыны... Радейтан кё Кристоссё да веськыд верасё. А то и ылавны абу дыр. Шуасны на: «Выль вера ошкё, вёзёй пыртчыны, а ачыс оз пыртчи. Оз-о ылётчы сий?» И унатор на вермасны шуны. А тайё сомын лёк вермас вайны: йөзсё выль вера дорысь кёсийтёг отдортан. А отдортчасны кё, тэнад лов вылёт грек кёвъяся...

Степанос кызвігён Бурь-Анълён лолыс шызис, и гёбровоис, мый проповедник дзик стöча висьталё. Збыль, ылалёмыд лоны вермас. Вылыс эжваса водзті сийёс лыддылісны Войпельлён нылён, та борын сийё лои кристиана вера дор сулалысъён, весиг Войпельлы паныд мунысъён; сідзкё, колис сомын вынсьёдны ассыс видзёдлассё, и ныв шуис пыртчыны. Но мый та борын шуны Отп'етыилы? Ёд сылы лои сетёма кыв, мый петас верёс сайё сомын сэки, кор лоў пыртёма став зыряна войтырсо. Омой пыр жё кыв буджны? А мый лоў могсо олёмё пёртёмыскёд? Тайё уджсё колё воччны медводз... И вочавидзис проповедники:

— Ог кёсайы бур йөзсё ылётлыны: пыртча. Важён нин та йылысь чайтлі, да пыр на войтыр понда песси, ачым, мися, бортиджык. Но тэ вёзин пыртчыны, и пыртча... но менё нёшта ёти кыв сетём кутё...

— Кутшом? — юаліс Степан.

— Кёсайыслі петны верёс сайё со тайё морт саяс, отче, — ныв индіс чёла пукалысь атаман вылёт, — петны сэки, кор пыртча, и ковмас меным кутны ассым кывйёс... А кыдзи нё ыджыд могыс? Оз позь меным ас понда пессыны, кытчёдз зыряна войтыр шудсё оз тёдлыны... А кыв кутны колё — ковмас сы сайё верёс сайё петны...

Отпѣтый ёс бытть ѿ тойыштіс кодкю. Бёръя кадся лоёмторъясып петкодлісны, күтшом гёль вёлёмса сылон олымыс Господьлысъ ордымсъ талялём дорын... Том съёлымыс сы выйодз вёрзис, мый шуис отдорчыны воддза олымсып да лоны збыль кристианинён. И оні, Буръ-Аньлысъ да Степанлысъ сёрнисо кывзігён, быд кыв бёрын вежортіс, мый абу сылы, вёвлём рёзбайлы, шуд лоны татшом диво кодь аньлы верёсён. Аньлы, коді мукодлысъ шудсъ пуктö аслас шудысъ вылоджык. И кутод воштомун Отпѣтый уськодчис иноклён кок улёт, синва сорён да кыв сорлаломён пондіс шувавны:

— Недостоинъ я женой её имѣть... Велико окаянство моё, человѣкъ святой, не следуетъ мнѣ даже помышлять объ этомъ... Не мнѣ, татю непотребному, жениться на голубицѣ чистой! Пусть делаетъ она что хочетъ сама, а я... Я не пойду противъ воли ея! Пусть обѣщаніе ея будетъ не въ обещаніе!.. А тебя я обѣ одномъ прошу, отче: оставь меня при себѣ, научи жизни христіанской. Довольно послужилъ я духу злобы, слѣдуетъ и о душѣ позаботиться... По-зырянски я знаю изрядно, учился и книжной мудрости, прими меня ученикомъ своимъ, отче. Стану я споспѣшствовать тебѣ по мѣрѣ возможности... А Буръ-Ань... Недостоинъ я мужемъ ея быть... Погрязъ я въ грѣхахъ, нетъ мнѣ надежды на спасеніе безъ тебя, человѣкъ святой. Пожалѣй, не отталкивай меня!..

И дыр на тадзи сыркъялігтырии висътасис Отпѣтый, и ньёти эз яндысъ аслас синваись. Степан эз торкав. Сы водзын воссис кaitчысъ мортлон лов, коді дась вежсыны бурлань. Отпѣтый вёрзьодіс Степан ёс аслас веськыд, кадсы кадо сорласян сёрнион. Вёрзьодіс и сійён, мый мортыс дась эновтчыны аслас шудысъ — Буръ-Аньлысъ, код дінё, кыдзи казяліс нин проповедник, том мортос кыскомён кыскю, кыскю сѣстом, некутшом пеж думён не съктодом съёлём кылём. Степан видзодліс Буръ-Ань вылёт. Ныв вёлі бледдома, шёйовошомён видзодіс кытчокё кок улас. Отпѣтый лён кывъяс сэтчодз падмодісны сій ёс. Гёгёрвоис, мый Отпѣтый сылысъ кывъяссо вежортіс ас ногыс, эз сізд, кыдзи коліс, а дзик мёдаро, — чайтіс, бытть радейтана нылыс артало сій ёс мог пörtомас мытшодён, а ныв татшомторсъ весиг думён эз чайт...

Степан ставсö вежортіс. Шань съёлома морт, сій ёс вермы дзескодны ни ѡтарсö, ни мёдарсö, кык том морт костын радейтчом вылёт видзодіс бур батылон синмён, коді мёвпало аслас челядьлын шуд йылысъ. Степан буродіс Отпѣтый ёс, шуис сылы некымын шань кыв, и кор мёдыс лёныштіс да пуксис лабичо, вежавидзысъ проповедник пондіс сёрнитны лёнь, лоло сидзысъ гёллосён, тадзи шыасис кыкнанныс доро ѡттшотиш:

— Кывзі ме тіянюс: и тэнё, муса чойё, и тэнё, Андрей вок, и аддзи вуджёр сайё ылалом ловъяснытö тіянлысъ. Тэ, Буръ-Ань, чайтан, мый оз позъ мёвпавны аслад шуд йылысъ, кытчодз зыряна войтыр шудаён оз лоны. А эськю мыйын войтырлын шудыс? Тайё Господьлы дзик ѡтнаслы тёдса. Быдёнлон эм аслас шуд, Енмён сетом, сёмын оз на ставон тайёс гёгёрвоны. И тэнад эм, да лыддян-о сій ёс тыр шудён — абу гёгёрвоана. Шуд йылысъ чайтны абу миян, грека войтырлын, мог, тайё Бурлуна Господьлын могыс. Сылы и коль йёз понда пессян могсö, да тёд, мый Ен сыйысъ вылёт пуксыны оз тшокты, а тшоктö лёньдом лолён бур вёчны да помтог эскыны. А тэ Сыйысъ вылоджык астып пуктыны чайтан. Оз йёзлён шуд понда ков песссыны миянлы, а найюс мездом йылысъ мёвпавны, либо абу мувыв майбырын мортлон тыр шудысъ, а куслытом олём

корсъёмын. Та йылысь и чайт, а шудыс ачыс воас. — А тэ, Андрей, весьшёрө ловтö пöдтан. Господь некор оз öтдорт кaitчысъ грешникöс, вochaалас сiйöс, кыдзи ылавлём пиёс. Вермас лоны, збыль вывтi ыджыдöс тэнад грекъясыд, но и Енлён мылыштöмыс абу ичöt, и верман тэ прöща виччысыны Сысянь, водзö кö шаньджыка пондан овны. Босъта тэнö ас дорö, Андрей вок, ов танi, лыдды вежа небöгъяс, велöдчы овны писанньёяс серти да и менö, шогмытöмös, кывзысь, лоёны кö кутшöмкö корöмъяс. Ньёти ог падъяв, эска, мый збыльысь кaitchan, и мывкыд лоас тэныд, бöръя лунöдзыд кö пондан овны Ен заповедъяс серти!.. — Степан чёв олыштiс да водзö нүöдiс: — А онi со мый кöсъя шуны тiянлы, дона ёртъясоj. Миян Господь Йисусъ Кристосъ шуис: «Бурлун виччыся, а ог вись вайом...» И тiянсянь вись оз ков, да нöшта тадзи жертвуйтöмён... Радейтöй öta-мöднытö, кыдзи радейтлiнныd, либö сöстöма радейтöм абу тырмитöмтор, но кытчöдз эн на гозйöдчой, быд ног зильöй шедöдны ассыныд шудтö. Тэ, Бурь-Ань, дасьтысъ пыртчом кежлö, понда ме тэныд кристианалысь истинаяс вежöртöдны, а кык седьмица бöрын и пыртчан да кристианкаён нин бергöдчан Эжва катыдад. Водзö порт ассыыд могтö, висьтав, мый аддзылiн Пам-сотникöс янöдöм, мый регыд ме воа сэтчö, да мыйта позяна быд ног дзескöд важ эсköмъясс... Тэ, Андрей, ме дорö кольччан. А кор став зыряна войтырыс вежöртас Кристосоc, а тайö, ме чайта, лоё регыд, сëки тi гозйöдчанныд сöстöм гозйö, и Ачыс Господь бласлöвитас тiянсыныд гозйöдчомтö, либö сямминныд шедöдны ассыныд шуд... А онi нуръясыштам неуна. И меным, и тiянлы тайö войыс узтöг коли, сутти чёж нянь тусь эг видлöй, нурйöдыштамöй жö вир-яйнымös. А та бöрын тi шойччыштöй.

Том йöз эз тöдны, кутшöм ногён аттьёавны да кыдзи петкöдлыны вежа мортöс радейтöм, кодi татшöм кокниа разис став гöрёдсö, и шызыбöм лолён бара уськöдчисны пидзöсъяс вылö, но Степан лэптiс найёс, бласлöвитис да пуксöбöдис пызан сайö, кодöс вевттис отрок Матвий. Кузьмös пызан вылын вöлi нянь да ва, да öти чери.

Тайö лун бöрас кык вежон мысти Вежа Богородичалён Благöвещеннöй кра-мын Бурь-Ань пыртчис да босътiс Анна ним. Пыртчан мёд лунас нин сiйö мёдöд-чис Эжва катыдö, аскöдьыс босътiс и Маюрös, кодi тайö пöрйö эз на пыртчы, но сетис кыв, мый вöчас жö тайöс, кор Степан воöдчас катыдса сиктъясöдз, а Отпëтый кольччис Вымъ-дорö.

Бöркыв

Исковтiс куим во. Кристос вера тырвыйö вужъясис язычникъяслён мүö. Мудз тöдтöм проповедник воськов бöрся воськов матыстчис Эжва катыдлань, вöй язычникъясöс пыртöм могысь писькöдчылiс медся гажтöм пельöсъясö. Нинём эз падмёд вежа мог пöртöмсö; сьокыд да дзескыд туй вуджис вежа апостолъяс моз зумыда, здук эз сетчыв нор рулы. Зыряна лöнь проповедникöс вochaавлiсны кöнi кыдзи: öтияс кывзiсны радпырысь, некутшöма эз бöрынътны выль верасö, мёдъяс видзöдлiсны сы вылö сiдзи, быттьö локтöма вежавидзтöг бирöдны пöльяслысь эсköмсö, да быд ног зiлисны конъявлы, весиг грözитчылiсны вины. Но Степанöс нинём эз падмёд, а дöзмыны паныд мунысъяс вылö эз вöв сylён лов серти.

Татчоң тунъяс пыр на гудрасълісны, но Памөс янёдомсянь коймод во вылас пöшти став зыряна войтырсо лои пыртöма.

Эжва катыдын локтисны пыртчыны сюрсъясөн, помкаыс волі сыын, мый на пöвстын волі Буръ-Ань, коді водзвыв дасьтіс татчоң войтырсо проповедниклон локтігкежлө. Нын водзö пöртіс ассыыс могсо, пессис зыряна понда, кывзіс элясъомъяс да мый вермис отсасис шогын и ускоттьын, оні нин Кристос нимён, сы понда мый волі пыртчома. Эжва катыдын Степанос виччысис дась пöтшва, и тані пыртчом бöрын проповедник вуджис Сыктыв вожё, көні сiйö паныдасис ыджыд съокыдлунъяскöд, но век жö кызыны войтырыс и сэні вуджисны выль вераö. Та бöрын Степан ыстіс мортос Буръ-Ань дорö да тшöктіс виставны:

— Воис тэнад кадыд, муса чойö! Тырмымён тэ пессин. Мун Вымъ-дорö, и отлаöд съёлёмтö сыкод, кодлы сетлін кыв...

И со, шуда здукуыс сусис. Буръ-Ань, пыртчом бöрас Анна, воöдчис Вымъ-дорö. Отпëтый виччысёма нин. Вöвлём атаман, коді водзджык пыдди пуктыліс сёмын меч да вир кисытана кось, оні пöртчома шань съёлёмма, Ен тöдись мортö. Степанлы сiйö лои веськыд кион и кывзысысь слугаён, быд здук отсасис кузь да съокыд туйяс вуджомын. Отпëтый, либо Андрей вок, зыряна челядь пöвстын пасъкёдіс грамота, тölкүйтіс налы вежа писанньолысь гусяторъяс, вöчис ставсö, мый коліс вöчны проповедниклон отсасысылы. И кор Буръ-Ань воöдчис Вымъ-дорö, радайтана нывсö вочааліс сöстöм нюмён:

— Ыджыд шуд овны сöстöм лолён... Неважён на ме рöзбайён прöмышляйті, а оні сiйö кад йывсыыс и мёвпыштыны страк! Кайти Шань Съёлёмма Господь водзын, и козыналіс Сiйö меным мир да лöнъ оласног, и долыд лои съёлёмлы! А тэнö со аддза, и нöшта на долыдджык!..

— Да, Господьлён мылыштöмыс помтöм, — съёлёмсянь пернапас чöвталöмён вочавидзис Буръ-Ань. — Ен нимён этшаник и вöчим, а сiйö миянлы шудсö со мыыта мыччис, ог и сулалой сы доныс!

— Тырмымён тi уджалінныд, и шудтö ассыныд, и Енсянъ мылыштöм тырвыйö судзинныд, — съёлём сетöмён кывкорталіс Степан да нюжмасьтöг венчайтіс найёс, бласлöвитіс выль олём вылö.

Та бöрын регыд зиль проповедник петіс туйё, мёдöдчис Мёскуаö, медым Кристослон выль паствалы корны епископöс. Но Перым мүй епископён индісны сiйöс ассысö, көть и пыксис татшом ыджыд честьысь. Сәки Степан, епископ санён нин, бёр бергöдчис зыряна мүй да медводдза лунсяныс индіс Андрейöс священникöн. Андрей тайё сансö новліс олём помöдзыс, Кристослон стадаын лои медся зиль пастырён. Буръ-Ань жö эз эновтчы ас вылас босытöм могъясысь и верёс сайö петöм бöрын: воддза мозыс волі зыряна войтырлён андел-кранительён, и онöдз уналаын казытылёны сыйлысь нимсö, көть конъяскö и вунёдомаёс нин. «Буръ-Ань» кывыйыс вуджис нима нимö*, тадзи пондісны нимтыны шань оласа аньясöс, роч ног кö: «голубушка», «миная» и сiдз водзö, и окота кö зыряниллы ань дорö шыасыны бур съёлёмён, шуас тадзи: «Буръ-Ань».

Пом.

1902

Вуджёдис Евгений Козлов

* Нима ним — нарицательное имя.

Фёдор Конев

Фёдор Егорович Конев, сценарист, писатель. Уроженец коми села Мужи Тюменской области. В 1960-е годы работал на Сыктывкарской студии телевидения. В настоящее время живёт в г. Минске.

Член Союза кинематографистов РБ, член объединённого Союза писателей России и Беларуси.

Зыряне

Роман

Начало в № 3 2013 года

Гость

Часть вторая

С того памятного дня, как Анна подожгла юрту и возвратилась домой в полной уверенности, что Прокопий погиб в огне, прошло без малого двадцать лет. Нынешний Прокопий считал, не соверши он тогда насильственного поступка, не было бы теперь у него сына, ладного парня, высокого и крепкого телом, светлые волосы которого курчавились, а серые спокойные глаза отливали голубизной. Ведь недаром люди исстари приметили, что нет худа без добра. Да и кто скажет, где кончается зло, а где добро начинается? Никто из смертных в этом не разберётся, и нечего зря стараться.

Так себя оправдывал Прокопий, пока был здоров и бегал на своих ногах. А потом случилась беда...

Бабка Марпа, его тёща, второй месяц выхаживала, обтирала и поила травяными отварами Прокопия, но даже ей, первой знахарке, не удавалось пока поднять его на ноги. И судя по ранам, бабка Марпа догадывалась, что не медведь оставил на теле Прокопия шрамы и рёбра поломал, а кто-то другой. И кто это был, бабка тоже догадывалась, но никому не говорила, раз сам пораненный отчего-то скрывал —

кто. Всем он говорит — медведь. А бабка знает медвежьи манеры — порвёт, а не ребра будет ломать. Похоже, Прокопий схватился с лешим. Чего не поделили? И почему скрытничает? Бабка Марпа попросила свою закадычную подругу кикимору Узю разузнать у своих болотных подруг, что случилось в тайге. Да ведь та какая? Обещает и забудет, сто раз повторять надо. А всё потому, что одно у неё в голове — замуж выйти.

До этого несчастья судьба у Прокопия складывалась хорошо, жаловаться на неё не было оснований. Покинув пепелище родной юрты, оказался он в селении, расположенном на берегу большого озера посреди обширной долины, окружённой горами. Тут не было привычных юрт или избушек. Люди выходили из-под земли и туда же скрывались. Жили они в просторных землянках, крытых бревенчатыми настилами, которые держались на стояках. Сверху настилы были засыпаны землёй, заросшей мхом и мелким кустарником.

В остальном ничем особенным будничная жизнь в этом селище не отличалась от той, которую Прокопий знал в своём стойбище. Мужики занимались охотой и рыбалкой, женщины хлопотали по дому и возились с детьми. Все говорили на зырянском языке, что тоже роднило Прокопия с поселянами. Поначалу странным показалось, что здесь от людей не исходило зло, которое он всегда остро чувствовал. Потом он к этому привык. Даже здешние собаки не рычали, брызжа слюной, а лаяли только по делу. Появилась надежда, что ненавистный ему дар пройдёт в окружении незлобивых мужчин и женщин. И впрямь до последнего времени — все двадцать лет! — ни разу Прокопия не побеспокоила порча, словно покинули его недобрые силы.

Здесь, в горах, встретил Прокопий и родного отца. Тот оказался главным туном, очень важным для поселян лицом. Он жил отдельно, в стороне от селища, высоко в горах, как и было положено хранителям богини Зарни Ань. И это отец устроил так, что новорожденный сын Прокопия когда-то оказался на руках здешней кормилицы, а теперь уже ходил в женихах.

Матвей Мезенцев, дед Прокопия по матери, жил в заброшенном ските старовера-схимника. Он с первых дней сильно привязался к правнуку, которого до последнего дня своей жизни охотно обучал всему, что сам понимал. Он-то, Матвей, и дал мальчику имя — Элексан, по-русски — Александр. Но друзья-мальчишки переинчили для краткости и удобства — Санча. Потом и взрослые стали так звать. Мальчик в детстве очень сильно походил на мать, на Анку, но с возрастом мужал, и черты становились грубей и жёстче.

И Матвей, и Прокопий добрались всё-таки до потаённого селища, а вот Ульяна, скорее всего, погибла в непроходимых болотах, отчего и назад не вернулась, и к наречённому мужу не добралась.

После несчастья в тайге Прокопий чувствовал себя неуверенно и допускал всякий исход, потому хотел бы повиниться перед Анкой. Да и неизвестно, как живёт баба. А вдруг в нищете? Ведь Прокопий может пособить, а Санче дать наказ, чтобы не забывал мать до скончания её дней. Эта мысль — помочь, так окрепла в нём, что Прокопий уже не мог бы от неё освободиться, если бы даже постарался. А он не хотел, чтобы она уходила, эта забота.

И ещё была одна причина. В мельчайших подробностях помнил он долгую дорогу, которую проехал когда-то, чтобы оказаться в большом городе, в котором

встретил женщину по имени Ольга. Закроет глаза и видит, как разговаривает с ней наедине, будто время не прошло, а осталось с ним. Сколько всего прочего было, да стёрлось в памяти, а эти часы бесед не тронуло забвение. Прокопий не мог объяснить — почему.

У Прокопия была жена, дочь Марпы. Как без жены? И хорошая была Эдэ, хорошая. Уважала его, как мужчину, как опору семьи, относилась к нему предупредительно и ласково. Он её не обижал, не сердил и всегда избавлял от тяжёлой работы. Но сердце его никогда не трепетало в груди и тело не становилось щекотным изнутри, когда смотрел на неё, как это было с той, зеленоглазой.

Как она там поживает? Помнит ли ещё Прокопия? Повидать бы её, поговорить. У него теперь многое есть, что сказать, потому что он стал ещё умней за эти двадцать лет. Шибко умный стал Прокопий! Но поехать он не может в далёкий город, здоровья нет. И Прокопий решил так — пусть тогда едет сын. Пусть повидает Ольгу Катышеву. Пусть передаст подарки, а с ними слова Прокопия:

— Ты хорошая.

Глава 1

К семнадцати годам Марина стала совершенно неуправляемой особой, признающей единственно правильным только своё мнение, чего бы оно ни касалось. Так считала Ольга Николаевна, которая по собственному признанию посвятила себя воспитанию единственной дочери, отказавшись от своей судьбы. Правда, не уточняла — какой.

Можно представить огорчение бедного скульптора, который с любовью создал прекрасную статую женщины и в порыве восторга оживил её, да тут же отрезвел, как от ушата ледяной воды. Стояла бы немым изваянием — смотреть любодорого. А теперь хоть беги — только открыла рот, пошло — и то не так, и это не этак, и во всём-то он не прав, советы его смешны, а суждения наивны, потому что безнадёжно отстал от времени, лучше сидел бы да молчал, а уж как жить, она сама разберётся, умница-разумница. Ольга Николаевна сравнивала себя с этим благороднейшей души художником, который хотел осчастливить человечество красотой, но малость переборщил, и все труды оказались напрасными.

Марина была очень хорошенькой девушкой, можно смело сказать — красавицей, и это объяснимо — вверх взяла мамина порода, однако, обладала сквернейшим и нетерпимым характером. Обо всех родителях затруднительно судить, но, вероятно, не малое число их согласилось бы с Ольгой Николаевной — не приемлют дети, не наследуют душевную красоту родителей. Вот в чём беда!

Скорились, потом мирились, снова скорились и снова мирились, не задумываясь над тем, что их к тому понуждало. По самой пустячной причине начинали перепиratься, стремительно распалялись, доходили до крика и хлопанья дверьми. Всё кончалось мамиными слезами и дочкиной досадой на себя, что опять не сдержалась. Она-то ведь поумней стареющей мамочки! Ну, чего, кажется, доказывать, если давно уже нет между ними ничего общего, даже глаза только отливают светлой зеленью одинаково, а видят всё по-другому, и даже наоборот? Что одной хорошо, то другой плохо. А почему? Да всё потому, что мамочка смотрит из блаженного времени ушедшей молодости, а дочка сегодня юрким воробышком

выглядывает своё mestечко под солнцем. Солнышко оно доброе и ко всем одинаково радушное, да тёплых mestечек на земле маловато, а жить в тени житейских неурядиц Марина не очень-то жаждала. Милостей от провидения ждать некогда, надо локотками работать.

Казалось, жаркие ссоры должны были давно привести к полному разрыву, но по сути оказывалось не так, а всё обстояло наоборот — именно стычки сохраняли последнюю ниточку, которая связывала двух этих женщин, пробуждая родственные чувства. В эти минуты они хоть пытались доказать что-то друг другу. А то ведь Марина убегала утром — привет, мам! — и возвращалась поздно вечером — привет, мам! Ольга Николаевна что-то понапрасну лепетала, провожая, и приставала с расспросами, встречая, но дочь то спешила, то прикидывалась смертельно усталой, уходила в свою комнату и запиралась. И всё-то общение!

Глава семьи Олег Степанович Пелугин приносил в дом зарплату и большего участия в семейной жизни по возможности избегал. Он руководил факультетом института, добившись кресла многолетним усердием, потому очень им дорожил и всё своё время отдавал храму просвещения. Он достаточно был знаком со студенческой молодёжью и на ownправие дочери не обращал внимания, придерживаясь того бесспорного принципа, что всё перемелется, мукой станет. Нет такого ручейка, что не журчит и не бурлит. Так ведь до поры до времени, а там добежит до русла реки и вольётся в общий размеренный поток. Не так много лет пройдёт, как нынешние дети будут копиями своих родителей и точно так же станут ворчать на своих непослушных чад. И нет в природе другого пути, пока человек — создание божье, а не нашпигован микросхемами программного назначения.

Первым уходил на работу муж. Ольга Николаевна поднималась раньше его, готовила завтрак — неизменную яичницу с ветчиной. С годами у Олега Степановича выработались привычки, которым он неукоснительно следовал. К примеру, не обуяет туфли, если они этим утром не были супругой протёрты ваксой до блеска. Любил чистую обувь даже как-то болезненно, если она по дороге каким-то случайным образом запылилась, то весь день чувствовал раздражение и буквально страдал. Мог бы в кабинете и сам протереть бархаткой, но никогда не делал этого, потому что получалась подмена церемонии, а с годами он стал большим педантом. Одно дело — когда сам за собой ухаживаешь, и совсем другое — когда любящая супруга обходила. Если говорить поэтически — сверкающие туфли излучали тепло её рук. Так и яичница с ветчиной на протяжении многих лет по утрам поедалась под благожелательный взгляд и тихое дыхание жены с величайшим удовольствием. Привычки Олега Степановича были порождением и одновременно свидетельством незыблемости семейной жизни.

Мало на свете таких счастливых супружеских, каковым чувствовал себя Олег Степанович Пелугин. Может, и вовсе нет.

А всё потому, что все неблагоразумные люди считают, что супружеская жизнь держится на любви. От этого полнейшего заблуждения и происходит столько драм и даже трагедий. Ведь что ни семья, то проблемы. Олег Степанович хорошо помнит, как рухнул было брак с Ольгой, как он страдал, какие жуткие — благо неведомые миру! — мысли и страсти раздирали его. Но ведь как всё уладилось!

И в первую очередь заслуга в этом самого Олега Степановича, потому что он

человек благоразумный и страсти-мордасти презирает, ни к чему они в обыденной жизни, а к мести — обоюдное удовольствие жить под одной крышей. Всё же предельно просто — не лезь с претензиями к жене. Много захочешь, всё потеряешь. Жена считается с тобой, освободила от мелких домашних забот, в постели послушна — и ладно. Что ещё надо?

Ведь поначалу, как сошлись во второй раз, Ольга принялась было показывать свой норов, но ей бороться оказалось не с кем, потому что муж уступал. А он это делал не от излишней доброты, а от разумения того, что иначе женщину не приручить, вопреки природе она хочет превосходства над мужчиной. Так пусть у неё на дню будет десять мелких побед. Зато и борщ приготовит лучше, и сорочку выгладит старательней. Не каждое отступление — есть поражение.

Со своей стороны Ольга Николаевна не загружала мужа своими заботами, на дочь жаловалась редко, только в исключительных случаях, когда привереда доводила до отчаяния бедную мать. Больше всего Ольгу Николаевну устраивало то, что в доме распоряжалась деньгами она. Если заводила разговор о покупках, муж неизменно восклицал:

— Полностью полагаюсь на тебя, Олењка!

Молиться нужно, чтобы всё так и оставалось. Ольга Николаевна не сомневалась, что этого супружеского равновесия добилась она своим чутким и мудрым сердцем. Разуму она не доверяла, как только задумаешься, так тут же лезут вопросы, как назойливые мухи, а попробуй на всё ответить. Потому она прислушивалась к сердцу, оно всегда подскажет, что надо для того, чтобы Ольга Николаевна чувствовала себя уютно. А вот дочь...

Когда уходил муж, по обыкновению поцеловав жену в щёку, Ольга Николаевна возвращалась в кухню, убирала посуду и садилась у окна за столик в ожидании Марину, раскрыв перед собой книгу. У неё было достаточно свободного времени, и она много читала, правда, без всякой системы, по многолетнему опыту угадывая с первой страницы, будет ли ей интересно. После ванны в коротком халатике появлялась дочь, Ольга Николаевна включала приготовленный кофейник. Конечно, в молчанку не играли, перебрасывались словами, но такими не обязательными, что и за разговор-то принять нельзя было эти реплики: — Сколько сахара? — Как всегда. — С молочком? — Нет. — Ещё бутерброд? — Нет. — Уже поела? — Да.

Но чаще всего Марина, попивая кофе, по мобильному телефону звонила кому-то, отменяла или договаривалась о встрече, что-то выясняла или требовала, но звонки были сугубо деловыми. Ольга Николаевна с отрешённым лицом погружалась в книгу, усиленно старалась уловить смысл прочитанного, но этому мешала обида, которая рвалась выплеснуться. Но Ольга Николаевна благоразумно сдерживала себя, даже улыбалась мило, как самой думалось, на обязательное и потому равнодушное дочкино «спасиочки!». Марина догадывалась о состоянии мамочки, потому ещё более спешила, и только в уличной толпе чувствовала, что принадлежит сама себе и что это удивительно хорошо.

На этот раз — уже недели две не ссорились! — с раннего утра с настроением у Ольги Николаевны не заладилось, недовольство мучило душу, и всё раздражало, даже погода. Ну, вот с чего зарядил дождь? И льёт и льёт на асфальтированный и бетонный город, в котором толку от неё ровным счётом ноль, а где-то засуха и гибнет на корню урожай. Но если природа от Ольги Николаевны не зависит, то в

семье она чего-то значит или нет? Этот, по сути, невинный вопросик и подтолкнул Ольгу Николаевну на то, что за этим последовало.

— Это ужасно! — воскликнула она, захлопнув книгу и кончиками пальцев коснувшись виска.

При этом она смотрела в угол. Марина невольно повела головой, подумав, что мать увидела на моечном столе таракана. Но откуда рыжему взяться при такой идеальной чистоте? И Марина остановила настороженный взгляд на краснеющем лице матери.

— Мы стали чужими, — проговорила с трагической ноткой в голосе Ольга Николаевна.

— Не возникай, мам, — попросила Марина. — У меня сегодня трудный день.

— У неё трудный день! — горестно покачала головой Ольга Николаевна. — А я прямо изнываю от безделья.

— Чего от меня хочешь, мам? — спросила напрямую Марина.

— Росла такой чуткой девочкой, — заговорила теперь уже со слезой в голосе искренне растроганная женщина. — Рассказывала свои секреты. Смешные, детские, трогательные. Мы доверяли друг другу. Я чувствовала, как бьётся каждая жилка в твоём крохотном тельце. Ты была вся моя, и я была тебе мамой, а не «мам».

Завтрак был окончательно испорчен, Марина смотрела на мать жёстко, но ещё терпеливо.

— Что случилось? — продолжала Ольга Николаевна, уверенная, что её проникновенные слова дойдут до сердечка дочери. — Тебя словно подменили. Стала совсем другой. Даже улыбаться разучилась. Мне иногда кажется, что состоишь из одних расчётов, из одной практичности, из одного холодного ума.

— Что же в этом плохого? — сухо спросила дочь, глядя на трепетную мать с пугающе равнодушными глазами. — Выгляни, мамочка, в окно — время такое.

— Девочка моя! — воскликнула в жгучей тоске мать. — Есть ещё душа! Нельзя без неё. Нельзя, нельзя...

— Я это уже слышала, — все ещё сдержанно проговорила Марина. — Если ничего нового нет, прекратим этот пустой разговор, мам.

— Нет, нет... Я не могу видеть, как ты уродуешь себя.

— Чем уродую?

— Нельзя без души, — бессильно повторила мать. — Нельзя, нельзя.

Разговор явно не получался и на этот раз, но Ольга Николаевна во вред себе никак не могла остановиться и продолжала путано говорить о духовной жизни, без которой иссыхает человек, как дерево без влаги. Ольга Николаевна мучилась, крайне волновалась, думая, что не находит убедительных слов, и не понимала того, что они для Марины вообще не существовали.

В детстве было тепло и уютно, Марина это помнила хорошо и благодарна была маме, с которой в те времена происходили долгие и согласные разговоры постоянно, сидели они на кухне, как теперь, или прогуливались по недалёкому от дома парку, делали покупки в магазине или бездельничали на диване при включённом телевизоре.

Но детство ушло, уплыло, как тёплое солнечное лето, уже в четырнадцать лет Марина поняла, что жизнь не так красива, как о ней говорит мама, что она полна опасностей и угроз, от которых не закроют ласковые родительские ладони. Она

пережила огромное потрясение. Её подругу трое старшеклассников изнасиловали. Марина не могла понять, как эти остроумные, начитанные и с виду вполне приличные ребята могли унизить, втоптать в грязь беспомощную девчушку, разом даже не покалечив, а убив её наивную привязчивую душу.

Детские раны застают быстро, но рубцы остаются. Девочка та переехала с родителями в другой район города и постепенно забылась, отступила за тьму новых повседневных забот, но её беда отучила Марину от навеянной мамой мечтательности. Чуть ли не вдруг, в одночасье ей стало противно заниматься пустыми фантазиями, представлять своё будущее только в розовом цвете и тешить себя надеждой, что все у неё в жизни будет хорошо, замечательно будет. Видимо, от природы обладая аналитическим умом, Марина убедилась на собственном опыте, что чем красивей мечты, тем несбыточней. Она вечером рисовала в воображении, каким будет завтрашний день, а он складывался совсем иначе, словно кто-то сознательно издевался и разворачивал события вопреки ожиданиям. Так она убедилась, что можно полагаться только на трезвый расчёт.

А что касается Ольги Николаевны, то она только тем и притерпелась к нынешнему непонятному и пугающему времени, что уходила в мечтания, как в сны. Что только не приходит ей в голову в долгие досужие часы, когда остаётся дома в одиночестве, и полный покой сладко окутывает душу! Целые сюжеты цветасто разворачивает воображение, и в центре удивительных событий оказывается Ольга Николаевна, поражая окружающих мудростью и женским обаянием.

Предела её фантазиям не существует, она может в данный миг оказаться одалиской в гареме персидского султана и так благотворно повлиять на владыку, что тот становится однолюбом и выпускает своих прелестных рабынь, как резвых птичек из клетки, на волю. А буквально через минуту Ольга Николаевна выступает по американскому телевидению на чистейшем английском языке и убедительно доказывает, что нельзя в мире сеять вражду, потому что каждый человек является божким созданием, а это означает, что все люди братья. Она поражает политиков своей мудростью, и они со слезами на глазах бросаются в объятья друг друга.

Фантазии эти много зависели от того, что показывали по телевизору, который Ольга Николаевна любила смотреть, сидя в мягком, как облако, кресле с чем-нибудь вкусненьким в руке. И фантазии эти были тем хороши, что Ольга Николаевна легко с ними расставалась, как ребёнок, наигравшись игрушками. Она была чистой мечтательницей, не строила планы и не ждала чуда, а измыслиния были ей дороги сами по себе, они наполняли душу чувствами.

Именно это состояние Ольга Николаевна и принимала за активность души. Ведь отчего-то поэт сказал — «над вымыслом слезами обольюсь». Ольга Николаевна даже выстроила некую теорию о телесной и духовной жизни. Без воды, кислорода и элементарной пищи тело погибнет. Это не нуждается в доказательствах. А душа? Ей тоже нужно чем-то питаться. Как раз те «вымыслы», о которых заикнулся поэт, и есть та живительная энергия для души. Какие тут могут быть сомнения?

Но мало этого, Ольга Николаевна в своих размыслиях на досуге, которого у неё хватало, пришла к неоспоримой мысли, что человек может называться таковым, пока гармонично живёт телесной и духовной жизнью, иначе... Ну, понятно, что будет иначе. На одной ноге долго не стоять. Вот почему так беспокоила

Ольгу Николаевну судьба дочери, которая называет себя рационалисткой. Ну, нельзя, нельзя вынуть сердце, выбросить в придорожную канаву и на место его приладить пластмассовый моторчик! А раз нельзя, то сердце остаётся на месте. А раз остаётся, то не может оно без чувств, без любви, без вдохновения. Под «вдохновением» Ольга Николаевна подразумевала как раз свои фантазии, свои мечтания.

Мать считала, что дочь не понимает её, а дочь была уверена, что слишком хорошо знает мамочку. Ольга Николаевна и предположить не могла, что сама послужила примером той женщины, в какую Марина не хотела превратиться. Мало сказать — не хотела, прямо-таки в ужас пришла, как-то вдруг всё ясно представив.

«Что она без папы?» — подумала однажды девочка, слушая обычные поучения матери. Сколько Марина себя помнила, мать сама ломаного гроша не заработала. Она была на попечении папы. А потому была далеко от реальности и не имела о жизни никакого представления, как аквариумная златопёрая рыбка о великих водах океана. Пусть будет успешен и здоров отец! Марина же не хочет зависеть от кого бы то ни было. Никогда! И ни за что! Именно мысль о возможной своей зависимости от мужа ужаснула её настолько, что девочка вдруг повзрослела в четырнадцать лет. Косички остались те же, и детский румянец на щеках тот же, да в голове произошёл переворот.

— Чем же это я себя уродую? — двинула в наступление свои доводы Марина. — Что за год освоила английский язык? Что учусь в институте экономики? Что первая на курсе? Что вечерами не бегаю на дискотеки, а пропадаю в библиотеке?

— Я не об этом, девочка моя!

— А вот если бы сидела часами, смотрела на Полярную звезду и вздыхала, это тебя устроило бы! Но нет, уволь, сопливое детство прошло. Прокопий меня не прокормит.

— Не кощунствуй! — вскочила мать.

— Я кощунствую?!

— Прокопий — это святое!

— Ну, конечно! — воздела руки Марина. — Как я могла забыть?

От этих слов сердце Ольги Николаевны перевернулось в груди — так она почувствовала — и от того так стало больно, что женщина чуть ли не в беспамятстве закричала:

— Ты чужая, чужая, чужая!

На мамины истерику дочь ответила с явным издевательством, но совершенно спокойным голосом:

— Ну, конечно, кукушка подкинула, а ты и не заметила.

После чего поднялась из-за стола и ушла. А бедная Ольга Николаевна подняться не могла на ноги, такая слабость охватила всё тело. Даже показалось ей, что отнялся язык. И только обильные слёзы текли по её щекам. Вот так и сидела онемелая и самая несчастная мать, пока дочь не хлопнула входной дверью. От этого хлопка Ольга Николаевна пришла в себя. «Что я делаю? — подумала она. — Мне нельзя плакать, появятся же морщины. Мне они нужны?»

Всё-таки Ольга Николаевна больше всего берегла себя, это удивительным образом помогало избегать переживаний, от которых женщина вянет, как букет

роскошных роз. Она ужас как не любила увядшие цветы и тут же выбрасывала, чуть они теряли свежесть. Муж принесёт другие.

Сегодняшнее потрясение нельзя было сравнивать с обычными перепалками с дочерью. Та жестоко задела самые чувствительные струны души. Ольга Николаевна нисколько не сомневалась в том, что судьбой предназначено было ей прожить иную жизнь, полную высокого смысла, но она по собственной робости предпочла долю обыкновенной женщины.

Под большим секретом от мужа Ольга Николаевна рассказывала маленькой дочери о чудесном и чудаковатом человеке по имени Прокопий, который приходил в её жизнь из далёкого края. Там в морозы птицы замерзают на лету и падают на землю уже застывшими комками, там нехоженая тайга сохранила первобытные глухоманные места, а в осенние ночи звёзды опускаются так низко, что их можно разглядывать, как изумруды. Туда по неизъяснимым причинам устремляются стаями перелётные птицы, но гораздо чаще их улетает душа Ольги Николаевны и понятно — почему.

Ей одной, в чём она не сомневалась, Прокопий доверительно рассказал о Золотой бабе, которую на своём коми языке называл — Зарни Ань. Он её никогда не видел, но определённо знал, что какие-то красивые и рослые мужчины только для того и живут, чтобы в потаённом месте хранить это чудо от корыстных и непредсмотрительных людей. Ольге Николаевне не надо было объяснять, что собой представляет Зарни Ань. Она запросто смекнула, что скульптура из чистого золота воплотила в себе идеал Красоты. Древние мастера, сразу же рассудила догадливая женщина, достигли той высоты миропонимания, что испугались сами, видя вокруг неразумных людей, только и занятых раздорами и войнами. Конечно же, эти людишки не созрели для приятия Красоты. Вот почему особо отобранные воины скрылись в тайге, забрав скульптуру, и по сегодняшний день берегут её, из поколения в поколение называя себя хранителями. Ведь есть от кого оберегать Красоту, люди-то ж мало изменились, всё те же раздоры да войны...

Очень часто в мечтах Ольга Николаевна видела себя главной жрицей, какой её признали хранители, потому что при богине всегда должны быть служительницы культа. Она одна могла входить в пещеру и прикасаться золотой скульптуры. К тому же главная жрица обладала пророческим даром, и к ней обращались с вопросами, на которые она всегда умела ответить. Откуда появился сей талант, если природа не дала, Ольга Николаевна предпочитала не уточнять. Картины её служения Зарни Ань представлялись так ярко и в таких подробностях, что Ольге Николаевне начинало казаться, что она проживает в одно и то же время две жизни.

Теперь понятно, как больно обидела её Марина, единственная дочь, которая в детстве в обнимку с мамой смотрела на Полярную звезду, под которой жил Прокопий, но с летами стала невыносимо прагматичной и не понимала, что ради семьи Ольга Николаевна отказалась от своего великого предназначения.

О, жестокие дети!

Глава 2

В бывшей однокомнатной квартире Ольги Николаевны теперь жила одинокая женщина-пенсионерка Лидия Осиповна, неусыпной любознательности особа, которая знала о соседях больше, чем они сами о себе. Говорили, что в прежние годы работала официанткой в лучшем ресторане города и по совместительству сотрудничала то ли с милицией, то ли с ещё более серьёзными органами. Но сама Лидия Осиповна о своём прошлом ни с кем не откровенничала. И что замечено было, никто её не навещал. А уж из этого факта соседи тут же сделали вывод, что детей у неё нет. Похоже, и замужем не была. Но смазливая официантка едва ли вела монашескую жизнь. В это никому не верилось.

При всей этой таинственности Лидия Осиповна всеми принималась женщиной безвредной, разговорчивой, очень отзывчивой. Сама без просьбы все квартиры обойдёт и соберёт деньги на похороны, если кто умер в подъезде. Здоровалась со всеми соседями по имени и отчеству, даже детей знала, как кого зовут, сама с советами не приставала, но сочувственно выслушивала любого, чаще — любую, если кому-то захотелось выговориться. Соседи быстро привыкли к ней и уже не представляли, как было бы, если бы не было Лидии Осиповны.

И понятно, какой интерес вызвал молодой человек, который появился в один из обычных летних дней перед пристальными взглядами трёх благочинных старушек, которые сидели рядышком на скамейке возле подъезда. Молодой человек попросил открыть ему входную дверь, потому что она за ручку не открывалась.

— Тебе какую квартиру? — низким голосом спросила бабка в синем платочке.

— Не знаю, — ответил молодой человек. — На седьмом этаже. Слева.

— Это из лифта — слева, или с лестницы? — спросила старушка в пёстром платочке.

— Как поднимешься по лестнице, — ответил молодой человек.

— Трёхкомнатная? — пытала дальше бабка в пёстром платочке.

— Нет. Одна комната. Ещё кухня.

— Это же квартира Лидии Осиповны, — догадалась бабка в синем платочке.

Молодой человек явно хотел возразить, но сдержался, чтобы не вносить пустяки. Ему нужно было пройти в дом, и больше ничего. Третья бабка в сиреневом платочке молча поднялась и открыла молодому человеку дверь с кодовым замком, а вернувшись к товаркам, села, сложила на коленях руки и, глядя прямо перед собой в пустоту, сказала:

— Не здешний.

И бабки почему-то согласились. Откуда им было знать, живя в трёхмиллионном городе, что молодой человек «не здешний», того никто не объяснит. Хотя, с другой стороны, тут и не требуется никаких пояснений. Ведь иностранца не трудно угадать, если даже молчит или говорит по-русски без погрешности. Другие манеры — сразу видно.

Молодой человек был выше среднего роста и крепкого сложения, то есть и статный, и ладный, хоть ты с него плакат пиши. Густые светлые волосы спадали волнами до плеч, открытое лицо с правильными чертами сильно располагало к себе, потому что выражало бесхитростное добродушие, какую-то даже детскую открытость. Этим он явно не смахивал на хитроумного иностранца, а больше

походил на старинного доброго молодца, которого бабки видели в кино своей молодости. Садко, к примеру.

— Позвонила бы Лидии Осиповне, — задним числом упрекнула бабка в пёстром платочке свою товарку. — Свалится, как снег на голову.

— Не твоего ума дело, — ответила на это бабка в сиреневом платочке. — Не суй нос в чужой огород.

— И впрямь, может, какие семейные обстоятельства, — согласилась с товаркой бабка в пёстром платочке.

И все трое надолго умолкли, мысленно строя догадки, кем приходится молодой человек Лидии Осиповне, и почему его не было, не было, да вдруг появился. По возрасту подходил под внука. Но дальше фантазия бабушек не продвигалась, оттого и сидели, собрав губы гузкой и словно в рот воды набрав.

Звонок в дверь нисколько не удивил Лидию Осиповну, она спокойно подумала, что кто-то из соседей, и направилась в прихожую, убавив огонь в конфорке, чтобы не подгорела гречневая каша. Увидев юношу, Лидия Осиповна на скорости прокрутила в мозгу все возможные варианты и не нашла ответа. Ни на водопроводчика, ни на жэковского работника, ни на милицейского сотрудника юноша не был похож.

Юноша смотрел на Лидию Осиповну так умильно, словно после долгих лет мучительных поисков нашёл-таки горячо любимую бабушку. Рубашка с короткими рукавами, брюки с множеством карманов и вычищенные до блеска чёрные туфли явно стоили хороших денег. Это настроило Лидию Осиповну на сдержанный, учтивый лад.

— Вы к кому? — спросила она, изобразив на лице полное внимание.

— Здравствуй! — поздоровался гость.

— Здравствуй, молодой человек! — ответила Лидия Осиповна, не меняя выражения лица.

— Ты мама Ольги? — Отец не говорил о маме.

— Уже интересно, — констатировала Лидия Осиповна. — Не ошибся адресом?

— У меня память хорошая. Ольга тут живёт. Отец сказал.

— Он что, был тут?

— Гостили.

— И давно гостили?

— Лет двадцать назад...

— «Вот оно что!» — воскликнула про себя Лидия Осиповна. Она помнила прежнюю хозяйку квартиры, хотя прошло изрядно времени, как вселилась в эти стены. Та женщина запала в память, потому что не раз приходила в своё старое жильё и просилась посидеть почему-то на балконе. Что уж ей там вспоминалось, Лидия Осиповна не сумела выяснить. Странная дамочка, ей бы не мешало с психиатром пообщаться. Лидия Осиповна даже помнит, как эта ухоженная, пахнущая дорогими духами особа сказала: «Вот и побыла с ним». И ушла. Одну только эту фразу и оставила, но почему-то она в памяти вызывала раздражение. И причина проста — не утолила любопытства Лидии Осиповны.

— Проходи, — предложила Лидия Осиповна юноше. — Идём на кухню. Можешь не разуваться.

Усадив гостя на стуле у окна за кухонным столом, Лидия Осиповна вернулась к готовке немудрённой еды.

- Голоден? — спросила она.
- Я кушать не буду, — ответил юноша. — Я поел. Хорошо поел.
- Понятно. Ну, а зовут-то как?
- По паспорту?
- А как ещё можно?
- Можно по-нашему.
- Прежде по паспорту назовись.
- По паспорту — Александр, — сообщил молодой человек.
- А по-вашему?
- Элексан.
- Что-то не слыхала такого имени. Армянин что ли? Да вроде не смахиваешь.
- Я зырянин.
- Что-то и не слыхала про таких.
- Ещё можно — коми.
- А-а, коми! Это ж где вы живёте? На Севере. Возле Урала. Ещё там Воркута есть. Ты в каком городе или селе?
- Не могу сказать.
- Всё ясно, — тут же догадалась Лидия Осиповна. — Воинская часть? Успокойся, не буду спрашивать, какие там ракеты стоят и сколько их. Мне это ни к чему. Как ты сказал — зовут?
- Лучше — Санча.
- Давай на этом остановимся.
- Почему Лидия Осиповна ни с того, ни с сего решила, что юноша проживает рядом с какой-то воинской частью, не понять было, спроси её, не ответила бы. Однако ни капли не сомневалась, что так оно и есть. Но гость разочаровал.
- Нет у нас ракет.
- А что есть?
- Ничего нет.
- Как это ничего? — чуть ли не обиделась Лидия Осиповна и выключила плиту, поскольку каша созрела. — Чем вы там занимаетесь?
- Охотимся, рыбачим, оленей пасём.
- Ну, так бы и сказал! — Лидия Осиповна присела за стол. — Вы оленеводы? По телевизору недавно показывали.
- Не нас это.
- Почему?
- Про нас никто не знает, — хмуро сказал юноша, явно недовольный расспросами женщины.
- А как раз душа и ум Лидии Осиповны чрезвычайно оживились, давненько не испытывала она такого возбуждённого любопытства, какое вызывал сидевший поблизости гость.
- А почему о вас никто не знает?
- Так надо.
- Не хочешь говорить?
- Не хочу.
- Ну, ладно. Хотя обидно. Я же никому не скажу.
- Всё меня спрашиваешь, а сама не ответила.

- А что ты спросил?
- Ты мама Ольги?
- Ах, да! Но зачем тебе Ольга?
- Отец просил. Поговорить надо. Привет передать.
- Нет, я не мама Ольги.

И Лидия Осиповна вынуждена была объяснить, что квартиру она купила на личные сбережения. Та Ольга, которая жила здесь, теперь живёт в другом месте. Адреса Лидия Осиповна не знает, только одно несомненно, что из города не уезжала. Два года назад приходила. Она стала очень ухоженной, видимо, удачно выскочила замуж. Не похоже на то, чтобы сама работала.

- Значит, ты не мама, — печально заключил юноша. — Тогда я пойду.
- И куда пойдёшь?
- На вокзал пойду. Думать буду.

— Так я эту Ольгу твою найду. Адрес на бумажке напишу и дам тебе. Но не сегодня. А завтра придёшь ко мне. Только подарок не забудь. За труды мои, за хлопоты. — Но тут же засмеялась. — Это я шучу.

— Лисицу принесу, — буднично обещал юноша и, увидев изумлённые глаза хозяйки, пояснил: — Не живую, конечно. Шкуру. Шапка будет. Или воротник.

Обещание такого дорогого подарка за небольшую услугу, естественно, удивило Лидию Осиповну, но ещё больше смутило простодушное выражение на лице гостя, словно речь шла о пустяке, и она подобно бабке в синем платочке подумала: «Не здешний». Лидия Осиповна подчёркнуто вежливо проводила до дверей юношу.

- Зовут меня — Лидия Осиповна, — называлась старуха. — Ну, иди, иди. Она попрощалась и вернулась к плите.

После обеда Лидия Осиповна обычно часик отдыхала на тахте, прикрывшись пущистым пледом. Но нынче какой сон? Да разве сомкнутся глаза, разве затуманит ум сладкая дрёма, если столько загадок навалилось на голову любознательной женщины? Кто этот пришелец? Зачем ему Ольга понадобилась? На вид вроде безвредный человек. Но кто в теперешних людях разберётся? Недавно по телевизору показывали педофила. По внешности на депутата похож, а столько детских душ загубил.

Мысленно перебрав разные варианты, Лидия Осиповна склонилась к тому предположению, что у Ольги по молодости лет была какая-то история. Ну, ошиблась по глупости, родила ненароком, да отказалась от ребёнка. Не редкость в наши-то времена! Вот этот брошенный мальчик вырос и приехал посмотреть в бесстыдные глаза своей мамаши. Почему он оказался с отцом у чёрта на куличках? На это сразу не ответишь. Но мало ли судьба мотает людей по белу свету? И в Австралии мог оказаться. Ну, так он же зырянин, парень-то. Значит, отец уехал в свои края, бросив обманутую женщину. А что он тут делал? В армии служил. Всё же ясно.

Лидия Осиповна хорошо помнила, что Ольга была белолицей и красивой, так что юноша как раз в маму. Это несомненно! Если во что-то поверить захотелось, сто предлогов найдётся, любые же сомнения отмечиваются с лёгкостью. И через короткое время Лидия Осиповна уже нисколько не колебалась в своей догадке.

Узнать фамилию и отчество Ольги для Лидии Осиповны не составляло труда, потому что старые документы по обмену квартиры сохранились. Но она

благоразумно решила прежде поговорить с этой дамочкой. Вдруг она этой встречи не желает, даже и больше того — всячески избежать хотела бы. Мало ли чего в жизни женщины случается, о чём мужу знать излишне. Ведь Лидия Осиповна от большого конфузса может её спасти. А это благородный поступок. Если бы все люди делали только благородные поступки, какая была бы жизнь в нашем государстве!

Когда Лидия Осиповна позвонила Ольге Пелугиной, ей ответил томный то ли после слёз, то ли после душа голос. Лидия Осиповна в двух словах объяснила, кто она такая, и сообщила, что Ольгу Николаевну разыскивает молодой человек по старому адресу.

— Что ему от меня нужно? — спросила с досадой Ольга Николаевна.

— Ему лет двадцать. Не больше.

— Откуда — не сказал?

— Говорит — с Севера. С Урала.

На том конце провода возникло молчание. Лидия Осиповна даже вынуждена была напомнить о себе:

— Алло!

— Он у вас?! — спросила женщина растерянным голосом. — Я могу приехать. Вот только вызову такси.

— На вокзал ушёл, в гостиницу.

— В гостиницу? Почему в гостиницу?

С первой же минуты Ольга Николаевна сообразила, что это сын Прокопия. А кто ещё из северян будет её искать? Тут большого ума не надо, чтобы догадаться. А сын Прокопия не должен жить в гостинице. Это же неприлично. Такой гость! Но с другой стороны, куда его устроит Ольга Николаевна? У неё же всего три комнаты. В гостиной недавно поменяли мебель, диван выкинули, купили кресла. На ковре что ли устроить? Да и как на гостя своенравная дочь посмотрит?

Не привыкшая к житейским заботам Ольга Николаевна прямо-таки растерялась. И как всегда в подобных случаях, то есть при малейших затруднениях, предпочла ничего не делать, как-нибудь само уляжется.

— Вы его увидите ещё? — спросила она Лидию Осиповну.

— Мне важно было выяснить, хотите ли вы его видеть.

— Ну, как же не хочу?!

— Вот и встретитесь завтра. Раньше никак.

И Лидия Осиповна положила трубку, посчитав, что дала достаточную информацию. Ольга Николаевна услышала короткие гудки и несколько удивилась. Завтра? А когда завтра? Во сколько часов? Что ей, целый день ждать? Ну, собственно, она никуда не собиралась, всё одно будет дома. И Ольга Николаевна пошла в кухню, села за столик у окна и задумалась, глядя на небо. Вот Прокопий и дал о себе знать. Через столько лет! Рада ли она тому?

«Не хороший я человек, — подумала с укором Ольга Николаевна. — Никто ещё на постой не попросился, а я уже отказать собралась. Что это со мной? Должно быть, от растерянности, от неожиданности. Надо успокоиться. Я и кофе ещё не пила нынче. А уж чашечку кофе в день всегда можно позволить себе, сердцу сильно не повредит. Главное — успокоиться и принять всё, как есть и как будет».

Отчего-то Ольга Николаевна мнила, что у неё слабое сердце, хотя врачи этого не находили. Но что знают врачи? Уж сама-то себя Ольга Николаевна изнутри чувствует. От малейшего волнения сердце начинает биться часто-часто. Да и как может сердце оставаться здоровым при такой непослушной дочери, которая ни во что не ставит мать? Нет, пожалуй, кофе пить вовсе даже не нужно. Лучше прилечь в постель и полежать в покое.

Проснувшись, Ольга Николаевна глянула на ручные часики. Оказалось, что проспала без малого два часа. Какая всё-таки чувствительная у неё натура! Любое беспокойство сотрясает весь организм, и так много берёт духовных сил, что можно их восстановить только сном. А если бы страдала бессонницей? Это же вообразить страшно, что было бы с психикой Ольги Николаевны.

Беспокойные мысли о предстоящей встрече отошли в сторонку, когда вернулся с работы муж, а потом и Марина прибежала. Ольга Николаевна не стала им говорить о госте, успеет ещё, прежде повидать надо. И ей даже было приятно хлопотать по кухне, кормить мужа и дочь ужином, и при этом хранить тайну.

Назавтра, только успели уйти муж с дочерью, как затрезвонил телефон. Ольга Николаевна взяла трубку. Она сразу узнала голос звонившей намедни женщины. Та попросила сообщить адрес, потому что стоит на остановке такси и сама привезёт гостя, нельзя его оставлять без сопровождения в таком большом городе. Ольга Николаевна уже отдала себя в руки судьбы. Даже картина всплыла перед мысленным взором — будто сидит она трогательно покорная на плоту, а большая река несёт её в неизвестность.

И, естественно, сообщила свой адрес.

Смиренное настроение Ольги Николаевны легко и незаметно улетучилось, как только оказался в дверях гость, которого пожилая сухопарая женщина пропустила вперёд. «Вот они какие!» — живо промелькнуло в голове Ольги Николаевны, которая не раз в мыслях представляла хранителей, о которых упоминал её друг Прокопий много лет назад.

Юноша был прекрасно сложен, Ольга Николаевна разбиралась в мужской красоте, ему явно было легко и удобно в себе самом, в своём теле. Но в лице и, особенно, в глазах было слишком много наивной простоты, детской непосредственности, как показалось Ольге Николаевне. Смотрит на неё, словно родную тётю увидел, которая тут же на радостях кинется обнимать его. Нынешние люди насторожены, душу нараспашку не держат, того только и ждут, что их обидят. А этот светится, как новогодний подарок. Не от большого ума это... Утончённая Ольга Николаевна немножко огорчилась, не зная, как вести себя с деревенским простаком, а потому не сразу догадалась пригласить гостей, они так и стояли в тамбуре. Лидии Осиповне даже пришлое напомнить, показав рукой на порог:

— Можно?

— Да, конечно же! — как бы очнулась Ольга Николаевна. — Проходите!

Пройдя в прихожую, молодой человек спустил с плеч на пол рюкзак нынешнего фабричного пошива с множеством «молний» и карманов.

— Ты Ольга? — спросил юноша.

— Ольга Николаевна, — уточнила женщина.

И она протянула руку. Гость назвался:

— Санча.

И по-мужски крепко пожал холеную ладонь хозяйки. Женщина выдержала боль.

— Отец привет передавал, — сказал гость.

— Как он там? — вежливо спросила Ольга Николаевна.

— Его медведь помял, — буднично ответил Санча. — Сильно помял. Хворает отец.

Ольга Николаевна замахала руками, будто отбивалась от беды. Она не любила неприятные вести. Уж лучше бы их ей никогда не сообщали!

— Баба Марпа лечит, — добавил гость.

Ну, раз лечат, то всё хорошо, значит. А то так разволновалась!

— Что ж мы тут стоим? — отвлекла она себя. — Проходи, Саша... Саша.

Затем посмотрела на Лидию Осиповну. Та очень сильно испугалась, что вот сейчас её отблагодарят и тем дадут понять, что она своё дело сделала и может идти восвояси. От этой куколки всего можно ожидать! И Лидия Осиповна расплылась в улыбке.

— Набегалась я нынче, — трогательно пожаловалась она. — Чашечку бы кофе.

— Да что вы! — ожила Ольга Николаевна. — Я и думала предложить.

Она и впрямь не хотела сразу оставаться наедине с гостем, надо хотя бы немного привыкнуть. Тем временем юноша развязал тесёмку рюкзака и достал серебристую лисью шкуру, которая повисла в его руке, касаясь хвостом пола. Передав растерянной Ольге Николаевне шкурку, гость наклонился и достал из рюкзака вторую, уже чернобурку.

— Это тебе, — сказал он Лидии Осиповне и успокоил женщину, тряхнув мешок: — У меня ещё есть.

— Да не возьму я, — воспротивилась Лидия Осиповна. — За что? Это же сколько стоит!

— Ничего не стоит, — отмахнулся Санча. — В лесу много.

Но Лидия Осиповна решительно взяла шкурку за ощеренные зубы и передала Ольге Николаевне.

— Меня увольте, — отошла в сторону. — Да как я могу? Я никак не могу. Что соседи скажут? На свою пенсию лису купила. Да у меня и пальто нет такого, чтобы воротник этакий! Нет и нет!

— Тогда деньги возьми, — спокойно рассудил Санча и протянул двадцать долларов.

Только секунду подумала Лидия Осиповна и примирительно согласилась:

— Деньги возьму.

С двумя лисьими шкурами в руках Ольга Николаевна почувствовала себя нелепо, но тут ей на помощь пришла Лидия Осиповна.

— Отнесите в гостиную, — деловито посоветовала она. — Потом разберётесь. А мы на кухню.

Она взяла гостя за локоть и повела. Ей только одного и хотелось — расспросить о тех краях, где водится столько лис, что они ничего не стоят, как вороны на городской свалке. Любопытство охватило всё существо женщины, даже мурашки забегали по спине туда-сюда. С детства Лидия Осиповна отличалась любознательностью, прямо какая-то потребность была в ней новенькое узнать.

Но ничего интересного из этого Александра выудить не удалось. На её вопросы,

а затем и на просьбы пришедшей в кухню Ольги Николаевны подробней рассказать, как живут-поживают его земляки, гость повторял одно и то же:

— Ничего. Живут. Рыбу ловят.

Попив кофе, Лидия Осиповна собралась уходить, не показывая виду, что очень сильно расстроилась и даже обиделась на непонятного гостя, для которого так много сделала сегодня. Но разве можно ждать от людей благодарности за добрые дела? Про двадцать долларов она забыла. Уже на пороге Лидия Осиповна доверительным полуночным предупредила любезно провожавшую Ольгу Николаевну:

— Осторожней будь. Странный какой-то. Запиши мой телефон. Чуть чего, звони. И я тебе позовю. Это же надо — шкурками разбрасывается!

Назав номер домашнего телефона, Лидия Осиповна сотворила на лице глубокую задумчивость и с этой миной удалилась. Ольга Николаевна и впрямь немножко встревожилась от слов этой женщины с узким лицом, сильно напоминающим лисью мордочку. Но от опасливых мыслей Ольга Николаевна отмахнулась, её ждал гость. Однако побежала к телефонному столику и торопливо записала на каком-то листочке бумаги номер телефона, пока не забыла.

Сидевший боком к столу гость встретил её неожиданными словами:

— У тебя кто есть?

— Знаешь что, Александр, — проговорила Ольга Николаевна, ещё не найдя, что ответить. — Женщине, особенно старше себя, принято говорить — «вы». Тебя не учили этому?

— По-нашему так не говорят. Ты — один, а вы — много.

— Нет, я не делаю замечания и тем более — не требую ничего, со мной можешь так говорить, но с другими постарайся...

— Хорошо, я постараюсь. Сколько лет твоей дочери?

— Девятнадцать, — машинально ответила Ольга Николаевна и спохватилась: — Откуда знаешь, что у меня дочь?

— Я не знал. Теперь знаю.

— Выведал. А? Ишь, какой хитрый! А зачем тебе знать?

— Я с детства о тебе слышал. Отец рассказывал о красивой женщине. Самой красивой. Он часто рассказывал, какая ты хорошая. Я даже стал видеть, какая ты. Как с ним говорила. Как его слушала. Он всё помнит. Он всегда хотел, чтобы у тебя была дочь. Я уже много лет думаю о твоей дочери. Мне хотелось увидеть её. Отец говорил: «Она твоя невеста».

От неожиданности Ольга Николаевна застыла с открытым ртом, а гость невозмутимо продолжал:

— «Она похожа на мать. А мать очень красивая. И у тебя будет самая красивая невеста». Так говорил отец.

— Погоди, погоди, — заторопилась Ольга Николаевна, несколько приядя в себя. — Не торопись. Давай по порядку. А то я ничего не пойму. Какая невеста? Бог с тобой! Ты же не видел мою дочь. Как же такие слова говоришь? А может, она уродина какая! Тьфу, тьфу.

— Теперь я знаю, она красивая.

— Откуда тебе знать?

— А зачем — «тьфу, тьфу»? Боишься сглазить. Вот зачем.

— Нет, родненький! Ты всё-таки давай по порядку. Почему у тебя такая мысль появилась? Отчего решил жениться на той, которую не видел?

— Отец сказал: «Если она родилась, женись на ней. Это хорошо». Родителей надо слушаться. Неужели не знаешь об этом?

— Вот что скажи, Александр, — не ответила Ольга Николаевна. — Только честно. Твой отец был... ну, этим... шаманом. Я сама в этом убедилась. А ты? Ведь по наследству передаётся... В тебе есть эта способность?

— Зачем меня боишься? — улыбнулся гость.

— Тебе же не трудно ответить. И ответил бы.

— Нет, я не шаман.

— Точно не шаман?

— Почему не веришь?

— Нет, я верю, верю.

Теперь Ольге Николаевне стало жалко наивного парня, который проехал тысячи вёрст за пустой надеждой. Он не знает её доченьку. Уж Мариночка за себя постоит. Её в тёмный лес не заманишь. Разве только руки-ноги связать, да рот скотчем заклеить, как в кино. А на такое гость не пойдёт. Сразу же видно — человек безвредный. Только к несчастью своему в мечту поверил. А уж Ольга Николаевна доподлинно знает, как сладкие мечты оборачиваются в горестную печаль.

Даже некое возвышенное чувство жалости теплом наполнило грудь Ольги Николаевны, как она представила, что ждёт в реальности бедного Александра. Марина не только поднимет его на смех, но и ёщё и оскорбит. На это её хватит. Если родную мать обижает, то уж чужого человека тем паче. И уже хотелось оградить молодого человека от жестокого разочарования, смягчить удар судьбы.

— Когда придёт? — спросил юноша.

— Поздно приходит, — торопливо ответила Ольга Николаевна. — Иной раз уже сплю...

— Подожду, — заявил юноша.

Ольга Николаевна оказалась в затруднительном положении — он явно был готов хоть до утра сидеть в кухне. Прирождённый охотник, терпения хватит. Надо будет по телефону предупредить дочку, чтобы подготовилась к встрече.

— Где остановился, Александр? — осторожно спросила Ольга Николаевна, пытаясь сбить мысли юноши. — Есть хоть, где ночевать?

— Есть. В гостинице.

— Дорого же в гостинице.

— У меня денег много, — спокойно сообщил юноша.

— Мог бы у нас, — предположительно сказала Ольга Николаевна, больше для того только, чтобы успокоить совесть — всё-таки проявила гостеприимство.

— Нельзя, — решительно заявил юноша. — Жених не может жить в одном доме с невестой. Когда женятся, тогда они живут в одном доме. И спят вместе.

Последнее уточнение весьма смущило Ольгу Николаевну, но она уже чувствовала себя уверенно, выяснив, что юноша не остаётся в её доме на постой.

— Ну, что ты будешь ждать? — оживилась Ольга Николаевна. — Она может и у подруги заночевать. А давай лучше мы так договоримся.

И Ольга Николаевна стала объяснять, как проще всего устроить встречу. Сегодня уже ничего не получится, мол, а завтра она договорится с дочерью, и они все трое могут повидаться, посидеть в кафе, подробно всё обсудить и понять друг

друга. Нелегко далось, но Ольга Николаевна всё-таки убедила юношу преспокойно ехать в свою гостиницу, а завтра приехать ближе к полудню. Времени хватит ей на то, чтобы с дочкой поговорить да с мужем посоветоваться. Втроём-то что-нибудь и придумают.

Гость молча слушал, потом поднялся и вышел в прихожую. Ольга Николаевна обрадовалась, что он собрался уходить. А молодому человеку захотелось побывать одному, потому что в голову пришло много мыслей. Он узнал такую новость, что сильно всполошила его душу. Оказывается, и на самом деле есть на свете та девушка, о которой он думал. Уже в прихожей хотел спросить у женщины, как зовут её дочь, но не стал этого делать. Пусть девушка сама скажет. Это лучше.

Уже и облегчённо вздохнула Ольга Николаевна, что всё обошлось, первая встреча кончилась тихо да ладно, а тут её будто ушатом ледяной воды облили. Гость распахнул дверь и шагнул уже за порог, как Марина в спешке чуть было не наскачила на парня.

— Марина! — невольно воскликнула в испуге Ольга Николаевна.

А молодые люди прямо застыли на какое-то время, глядя друг на друга, а потом гость бросил свою торбу и убежал, а Марина медленно поднесла ладонь ко лбу и закрыла глаза. Потом уже пришла в себя и сильно разозлилась.

Глава 3

Выбежав на улицу, Санча прежде всего увидел перед собой деревья и очень обрадовался. С деревьями он дружил с малых лет, и они ему ни разу ничего плохого не сделали, потому что относились к нему по-доброму. С ними было легко говорить, о чём угодно, они участливо слушали, не мешая его мыслям, а наоборот — своим молчанием давая возможность самому додуматься до чего надо.

Двор был обсажен какими-то незнакомыми деревьями, которые в его краях не росли, и потому Санча не знал, как называются. На самом деле это были осины и липы, да ещё каштан. А потом уже бросилась в глаза берёза, под ней как раз стояла скамейка, на которую поспешно сел Санча.

Берёза приняла его соседство со спокойным добродушием.

«Меня зовут Элексан», — мысленно назвался Санча, чтобы дерево не приняло его за безымянного бродяжку. Санча объяснил берёзе, что хорошо знаком с её родичами и потому доверчиво относится к ней. Ведь так не бывает, чтобы ты не знал имена своих друзей. Санча даже потянулся и провёл ладонью по гладкой и тёплой коре, чтобы дерево убедилось в его дружеском расположении. Санча родился в тайге, вырос среди деревьев и живёт среди них, охотясь на зверей или ловя рыбу. Санча специально об этом подумал, чтобы дерево поняло, что к нему присел свой человек, друг многих-многих, целых тысяч, а то и миллиона елей и берёз, ольхи и лиственниц, без которых не представляет свою жизнь и которые все вместе составляли тайгу.

Братание состоялось, и Санча стало сразу легче, испуг улетучился, будто густая корона над головой поглотила его. В голове мысли прояснились, пришли в порядок, выстроились строем одна за другой. Ещё подростком был, когда произошёл с ним один казус. Он пробирался через кусты голубики, обсыпанные ягодами. Остановился,

соберёт пригоршню, отправит в рот и шагает дальше. В очередной раз, как срывал ягоды, почувствовал кого-то за спиной. Оглянулся, а буквально в двух шагах стоит на задних лапах медведь. Прямо-таки навис над ним. А у Санча ни ножа, ни топора с собой. Да и что мог бы он, имей топор? Медведь надвинулся, и Санча носом уткнулся ему в пахучее брюхо. Такого страха Санча никогда прежде не испытывал. Да и после тоже. До сегодняшнего дня. Тогда, сытый и довольный жизнью, медведь лёгким ударом лапы отбросил подростка в сторону, чтобы тот не стоял на пути, опустился на передние ноги и продолжил лакомиться ягодами, потряхивая головой.

Нынче Санча не на медведя наткнулся. Но чего он так испугался? Девчонка была на голову ниже ростом, плечики узкие, хрупкие на вид, а талия такая тонкая, как у стрекозы. Прирождённый охотник Санча никакой опасности не почувствовал, как если бы встретил оленёнка, которому и года нет. Чем это беззащитное существо могло угрожать парню, тело которого обвито тугими, как жилы, мышцами? Да он запросто менурея, самого сильного в стаде оленя, мог повалить за рога. Правда, никогда этого не делал, чтобы не позорить вожака перед соплеменниками, особенно важенками. Женская натура не устойчивая, своим кумирам слабину не прощает. Зачем же портить авторитет менурея ради похвальбы своей силой?

Сидя под берёзой, Санча разбирался в том, что с ним произошло при появлении этой девушки. Он что, женщин не видел? Да сколь угодно! Ехал в купе с тремя болтушками. Красивые были, как куколки, приятными духами пахли, во всю силу старались понравиться, прямо соревнование устроили между собой, а он отмахивался от них, как от назойливых мух. А почему отмахивался? Да потому что женщины пока не занимали Санча, он для этого был слишком занят, много дел находил и в тайге, и на озере, и на реке, и на оленем пастбище. Дня не хватало, чтобы всё успеть, благо летом ночи белые, спал по пять часов, и то жалел напрасно потерянное время.

А была же ещё одна, скорее всего, главная причина — он считал себя наречённым, его невеста жила в далёком городе, куда он ехал, уже вышла из отроческого возраста, созрела для замужества, и он не имел права об этом забывать. Если бы, скажем, затеял с купейными девицами шуры-муры, то потом себе не простил бы, извёлся бы совестью, повернулся назад и отцу сказал бы, что не исполнил родительскую волю. Отец отвернулся бы, чтобы не видеть его, ослушника.

Под уважительно притихшими листьями берёзы думалось ясно и спокойно. Санча начал понимать, что он испытал не испуг. И ни к чему тут пример с медведем. На самом деле он обрадовался, и настолько сильно, что потерял над собой управу. Из головы вылетели все слова, губы напрасно пытались их поймать, отчего предательски задрожали, и чтобы не опозориться вконец, Санча бросил вещевой мешок с подарком под ноги девушке, а сам убежал. Вот почему он бежал — от радости.

Естественно, Санча не раз пытался представить, как выглядит его невеста, особенно пока ехал в поезде. Лежал на верхней полке или сидел у окна, да только и думал, какая она собой — светловолосая или чернявая, высокая или маленькая, полная или худосочная. А потом задумывался над одним и тем же вопросом — а есть она вообще на белом свете?

Попутчицы шибко мешали ему своей болтовнёй, они умолкали только на то время, как спали. А если человек говорит много, то он глупый. Умные мысли зреют долго и в молчании, это Санча знал. И его досадовало, что женщины в большинстве своём очень говорливы. Если невеста такая же сорока, то Санча огорчится, но отца, конечно, не ослушаётся. Отец сильно болеет, ему трудно даётся даже голову поднять. Наверно, думает о смерти, потому сказал:

— Если зеленоглазая родила дочь, женись на ней.

Почему-то отец не допускал мысли, что дочь зеленоглазой может быть некрасивой. Однако Санча заранее знал, что повезёт невесту домой независимо от того, хороша она или дурнушка. В тайне ему хотелось, конечно, чтобы она была привлекательной, но некрасивые женщины бывают понятливей и сердобольней, с ними легче устраивать семью, потому что о себе не воображают невесть что и не ходят, задрав носы.

Но судьба-затейница такое выдала, что Санча растерялся, будто выронил весло и лодку понесло по каменистому перекату, того гляди — дно прошибёт. Он почувствовал неодолимую власть над собой, которая исходила от этой невелички, от этой хрупкой девчонки с большими зелёными глазами. Санче эти глаза показались колдовскими, которые могли превратить его в каменного идола, не пустился он в позорное для парня бегство.

Бедный Санча влюбился с первого взгляда. Вот что с ним сотворилось! Им овладело чувство, о котором он ничего не знал — ни как оно случается, ни как называется. В его стойбище не было принято говорить о каких-то там сердечных переживаниях, в суровых условиях люди были суровы, да и по природе своей стеснительны. Никто не рассказывал Санче о том, что от встречи с девчонкой может так бешено забиться сердце, а по жилам хлынуть горячая кровь. Да ведь и то странно — столько девчонок видел, а такого конфузя с ним не случалось.

Только под берёзой Санча совсем успокоился, и вернулось к нему привычное равновесие духа, свойственное людям с добрыми помыслами в голове. Зато у себя в квартире Марина прямо-таки выходила из себя, злость кипела и пенилась в ней, как чёрное кофе в турке. После того, как незнакомец убежал, Марина сердито пнула вешмешок, брошенный ей под ноги, а оттуда показался рукав. Марина потянула, зацепив каблучком, и легко извлекла лисью дошку. С этой штукой, неся её «за шкирку», Марина ворвалась в кухню и в негодовании спросила:

— Что это?! Калым?

— Что? Что? Идём! — с тем же нервом воскликнула мать, схватила за руку дочь и потащила в гостиную. А там на спинке кресла лежали две лисьи шкуры, которые были такими пушистыми, что невольно хотелось погладить.

— А это что?! — наступала Ольга Николаевна, возмущённая тем, что дочь кричит на неё, не видя, в каком состоянии мать.

На какое-то время Марина умолкла, поражённая увиденным, а Ольга Николаевна опять ушла в кухню. Марина смотрела на две дорогущие шкуры, потом бросила в кресло дошку и ринулась к матери весьма боевая.

— Скажешь, наконец, кто это?!

— А ты догадайся! — подбоченилась мать. — Ты же вон какая умная! Меня и слушать не хочешь. Думаешь, я придумала Прокопия. Это мои фантазии! Откуда мог приехать человек с такими подарками?

— От Прокопия что ли? — до шёпота снизила голос Марина.
 — Сын его. Вот кто!
 Марина молчала, а Ольга Николаевна победно вскинула голову.
 — Между прочим, за тобой приехал.
 — Как за мной?
 — А так вот! Увезёт тебя в тайгу. Женой будешь ему.
 — Как это увезёт?
 — А так и увезёт. Не верила мне, а теперь сама увидишь.
 — Ну, знаешь, мама!
 — Знаю. В милицию побежишь? Не помогут, милая. Он всё может. Он шаман.
 Хоть и скрывает.

Прямо-таки торжествующее чувство возмездия за прошлые обиды со стороны дочери охватило всё холеное существо Ольги Николаевны, и чувствовала она себя бесстрашной амазонкой, скачущей в атаку с хоругвью в руках. Надо будет выяснить, использовали или нет хоругви полуоголые воительницы в битвах или обходились без них.

Слово «шаман» отрезвляющее сработало на Марину, никаких экстрасенсов, колдунов и чародеев её практичный ум не признавал. Чушь это всё собачья! Никто над ней не властен — в этом у Марины не было сомнений. Если она чего не хочет, то не заставишь, хоть тресни, на куски разруби, каждый кусок будет кричать — нет! Она гордилась своим сильным характером и полагалась на себя полностью.

— Думаешь, он ушёл? — говорила мать. — Не-ет, он вернётся. Он ночью придёт. Через стену пройдёт. Сонную тебя утащит.

— Шаман? Увезёт? — прошипела Марина, и в злости красивая. — Ну, я покажу ему. Я ему... Сейчас! Сейчас! Он у меня получит!

И она выбежала с кухни, а потом из квартиры. Марина полагала, что гость в эти минуты идёт к остановке, до которой минут десять ходьбы. Да и автобусы ходят редко, улица невелика, и район немноголюдный. Так что Марина догонит голубчикка и мало тому не покажется. Если надо будет, Марина и матерные слова знает, наслышалась от родного народа. Как сыпанёт горохом, женишок липовый побежит от неё куда подальше, как от чумы.

Злость, как раскалённый камень, брошенный в кадку с водой, прямо шипела внутри. Только и отличие, что пар не шёл из ушей. Марина была готова с кочачьей яростью вцепиться в лицо незваного гостя, но подумала — только обломает ногти.

Выскочив на крыльцо, Марина увидела своего женишка на скамейке под берёзой. Даже не ожидала, что так повезёт. И она двинулась на него, как на врага, и с той отвагой, которую порождает уверенность в победе. Но в трёх шагах от него будто споткнулась, что-то мигом с ней произошло, и вся боевитость моментом улетучилась. Гость смотрел на неё с такой приветливой добротой, будто для него роднее не было человека на всём свете. В его серых с голубизной глазах была, как в родниковой воде, ничем не замутнённая чистота, и ни капли притворства. Люди обычно прячут свои мысли, особенно парни, слова умильны, на лице — любезность, а в голове — чёрт знает что. В человеке самое отвратительное — это двуличие.

Марина ненавидела лицемерие, и её сильно печалило, что оно свойственно всем её окружающим. А глаза этого парня не врали, Марина почему-то сразу в это поверила.

— Я знаю, как тебя зовут, — сказал юноша. — Тебя зовут Мариной.
— Ну, конечно! — сдержанно пожала плечами Марина. — Мама ж назвала. Он провёл ладонью по скамейке рядом с собой и пригласил:

— Садись.

И Марина села.

— А тебя, как зовут? — спросила она, искоса глядя на него.
— Санча. Так меня друзья зовут. Но ты можешь звать, как захочешь.
— Как это — как захочу?
— Александр или Элексан. Тоже правильно будет.
— Лучше — Санчо. Короче. Фамилия не Панса?
— Я читал о Дон Кихоте. Но не Санчо, а Санча. Так правильно.
— Хорошо, — согласилась девушка. — Пусть Санча.

Да что же это такое? Она сидела рядом с парнем, которого ещё три минуты назад готова была исцарапать, и говорила так мирно, будто братца родного встретила, по которому к тому же соскучилась. И теперь ей стало ясно, отчего так уж она обозлилась, увидев неожиданного гостя.

После случая с подругой, Марина стала презирать своих сверстников. Если они сворой накидываются на беззащитную девочку, то какие они мужчины? Уроды. Марина слово дала себе, что пока не сделает карьеру, пока не почувствует себя уверенной в этом неприветливом мире, никаких любовных историй у неё не будет. Своих поклонников отшивала жёстко и грубо, в ней было столько презрения к ним, что охотники поволочиться уходили побитыми шавками. Будет и семья, будет и ребёнок — один, не больше! — но только потом, а пока столько дел, что времени тратить на примитивные страсти не намерена.

Когда распахнулась дверь квартиры, и Марина увидела перед собой парня, она оттого обозлилась, что сразу почуяла сердцем, как этот человек опасен для неё. Она в ярости заметалась, словно этаким образом могла погасить возникшее предчувствие, отвести от себя беду, но ничего не получилось. Она смирененько сидела рядом с тем, которому собиралась показать кузькину мать. И знала, что сидевшего рядом юношу она не может обидеть, как ребёнка, потому что ей этого не хочется.

Как хлопнула входная дверь, Ольга Николаевна слышала, но уже больше часа прошло, а дочь не возвращалась, и бедная женщина места себе не находила. Несколько раз звонила по мобильнику, но дочь отключила свой телефон. Что же делать? Мужу сообщить? Так что он может? Скажет, что занят, вот и всё.

А если гость уже умыкнул её? Но не может такого быть! Не чужой же какой-то проходимец, а сын Прокопия. Тот не мог вырастить бессовестного нахала. Единственno доступным человеком, с кем Ольга Николаевна могла поделиться тревогой, оказалась Лидия Осиповна, благо оставила свой телефон.

Та оказалась дома, и звонку обрадовалась. Лидия Осиповна очень досадовала, что из-за глупой обиды ушла прежде времени и неосмотрительно. О ней могли вообще не вспомнить, — какая нужда? — а надо было бы как-то так себя поставить, чтобы гость никак без неё не мог обойтись. Но ничего толкового в голову не пришло вовремя, а всё из-за обиды и расстройства. Лидия Осиповна прямо локти

кусать была готова, что погорячилась и сама себя выключила из событий, которые непременно возникнут. И что это за жизнь такая?! Вечно не везёт бедной женщине.

Но телефонный звонок примирил её с действительностью. Как только Лидия Осиповна услышала жалобный голос избалованной — как ещё прежде про себя окрестила — «кисейной мадам», так сразу почувствовала себя не лишней. Уж теперь-то она не даст промашки. Ольга Николаевна стала рассказывать о том, как всполошили её дикие намерения гостя, с которыми он приехал, как она не успела обдумать своё поведение, а случилось непредвиденное — молодые люди столкнулись в дверях, повели себя странно и даже непонятно, а теперь неизвестно куда пропали, так что в голову лезут самые пугающие предположения.

С тихим удовольствием выслушав стенания Ольги Николаевны, Лидия Осиповна преисполнилась подлинного спокойствия, которое свойственно только сильным личностям.

— Дорогая моя! — произнесла умиротворяющим голосом Лидия Осиповна. — Я не вижу причин для паники. Положись на меня.

— А что вы предпримите?

— Это не телефонный разговор.

Когда-то Лидия Осиповна была правоверной комсомолкой и всё ей мерещились диссиденты, готовые продать родину за доллары. Молодая Лидия охотно согласилась сотрудничать с органами, когда ей это предложили, она хотела быть полезной Родине. Но её стараний оказалось мало, огромная страна развалилась. И что же хорошего было на её веку? Что такое может вспомнить Лидия Осиповна, отчего душа согрелась бы? Ведь ничего. Сны-то снятся одни и те же, как она подносы несёт, как обслуживает пьяных посетителей, да прислушивается к разговорам.

Но нет и нет! Было, что вспомнить! От неё зависели судьбы людей. Уже много лет Лидия Осиповна не испытывала это сладкое чувство превосходства, когда чьё-то положение, а то и свобода зависели от неё, простой вроде бы женщины, ничем не приметной и внешне безобидной.

Телефонный звонок Ольги Николаевны разбудил в душе пожилой женщины забытые чувства, и она уже была готова действовать, ещё не зная ни цели, ни пользы.

А молодые люди продолжали сидеть под берёзой, и говорилось им друг с другом легко, будто сто лет — ну, чуть меньше! — знали друг друга.

— В тайге страшно? — спросила Марина.

— А в городе? — спросил в ответ Санча.

— Я тут выросла.

— А я там вырос.

— Хоть чего-то боишься? Или ты ничего не боишься?

— Ещё день назад ответил бы с лёгкой душой, что страха он не знает. Но сегодня Санча затруднился ответить. Он боялся того, что Марина останется в своём городе, а он вернётся в свою тайгу. Если они расстанутся, он будет тосковать по ней. А душа его никогда не знала тоски и неизвестно, управится ли с этим чувством. Значит, нельзя ему расставаться с Мариной. Это было очевидно.

Глава 4

Прямо-таки некая хвороба навалилась на бедную Ольгу Николаевну — представить невозможно! — книги валились из рук. Просто какая-то китайская казнь! Устраивалась в кресле читать, к примеру. А через какие-то минуты замечала, что книга лежит на коленях, а сама она в забывчивости смотрит в пустоту, и на душе так тревожно, что хочется Ольге Николаевне обернуться птицей, да улететь за леса, за моря, то есть в такую даль, где не достанут заботы, где только шум листвы ласкает слух.

Причиной её волнений, конечно же, были дочь и приезжий юноша. От Маринны можно ожидать, чего угодно. Она и такое выкинет, до чего нормальному человеку не додуматься. Вот возьмёт, да бросит учёбу и уедет с этим красавчиком в его Тмутаракань. Там она среди гнуса и комарья не уживётся, конечно, но ведь вернётся не одна, а с ребёнком в подоле. Каково будет матери? А ведь непременно так и случится. Уж Ольга-то Николаевна знает, что такое любовь. Каждый раз прыгала, как в прорубь. Только потом, уже запоздало, замечала, что вода-то ледяная.

Конечно же, Ольга Николаевна рассказала мужу о неожиданном госте. Да и как было умолчать, если он вчера по возвращению с работы сразу увидел на спинке кресла в гостиной две лисьи шкурки и дошку? Целое богатство! Но Олег Степанович немало удивился только тому, что Прокопий опять напомнил о себе.

— И с чем пожаловал юноша? — спросил Олег Степанович жену. — В такую даль попусту не ездят.

— Говорит, отец просил привет передать.

— И всё? — не поверил Олег Степанович. — Все его дела?

— Помнишь, — осторожно спросила Ольга Николаевна, — зачем Прокопий приезжал?

— Ну, чего же не помнить! За невестой.

— Так и он, сын его. За тем же. Говорит, отец сказал, если у меня дочь, то он на ней жениться должен.

— «Отец сказал». Да что, у них традиция такая? Прокопий то же самое повторял. Но тот был... Как бы сказать? Первобытных нравов. А этот?

— Мне кажется, простоват, неотёсан, тонкостей не понимает.

— А Маринка что? Она-то как настроена?

— В том-то и дело. Пугает она меня.

— Чем пугает?

— Доверчива уж больно. Вчера выскочила за ним и на весь вечер пропала. Сегодня с утра звонила в гостиницу. Ему, конечно. Я слышала. И говорила, как с братиком родным. А если уедет с ним? Что на это скажешь?

Эти опасения жены вызвали у Олега Степановича скептическую усмешку.

— Наша дочь, — сказал он уверенно, — и чтоб в тайгу? Не знаешь намерения своей дочери? Чего бы она так английский и французский учила? Ей Запад подавай, Париж.

С тех пор, как Олег Степанович стал деканом, он говорил только уверенно и своим словам придавал вес степенной неторопливостью. Он несколько пополнил, выглядел солидно, носил дорогие костюмы и держал голову на плечах начальственно, исключив всякую суеверность. Олег Степанович считал, что достиг той высоты, которой доволен, и большого не хотел. Зачем искушать судьбу?

Тревоги благоверной супруги своей Олег Степанович не принял всерьёз, но с сыном Прокопием всё-таки захотел повидаться. Своё прошлое Олег Степанович не любил вспоминать. Прежний Пелугин был суетлив, слаб, не в меру чувствителен и суматошен, а потому в глазах нынешнего Олега Степановича не вызывал уважения. Он не хотел бы, чтобы кто-то узнал, как отверженный супруг жаждал наказать Ольгу за свои страдания, и для этой неблаговидной цели намеревался использовать колдовскую силу шамана. Даже противно вспомнить.

— И хотя Прокопий был нынче ни к чему, всё-таки неловко не повидать его отпрыска, не спросить, как поживает старый знакомый. Да и любопытно стало, удалось ли упрямому жениху сосватать строптивую Анку.

— Поговорить надо с ним, — не очень уверенно произнёс Олег Степанович и глубоко задумался.

Оставшись наедине, Олег Степанович тут же вышел из задумчивости, решив, что об отношениях молодых людей говорить с гостем не будет, нет на то причин. Какое сватовство? Это же чушь!

Когда донеслись до него трели дверного звонка, Олег Степанович так и понял, что пришёл гость. Марина звонить не стала бы, у неё ключи. А чтобы ещё кто-то потревожил, мало вероятности. Через минуту в кабинет заглянула Ольга и подтвердила догадку — пришёл гость.

— Говорит, Марина пригласила. А самой нет. Вышел бы ты...

— Иду, — кивнул Олег Степанович и спешить не стал.

Он сидел за компьютером и раскладывал пасьянс «Солитер». Олег Степанович часами мог заниматься карточными пасьянсами. Жена, конечно же, думала, что он занят серьёзной умственной работой и старалась не мешать, может, только по неотложной надобности заглядывала в кабинет, а так свято оберегала покой мужа. Сам же Олег Степанович считал свои увлечения пасьянсами лучшим открытием от повседневных забот и суеты.

Только начальники и актёры умеют выдерживать искусственную паузу, тем сильнее повышая к себе интерес. Олег Степанович появился в кухне через четверть часа и несколько расстроился, потому что гость встретил его слишком спокойно. Он как раз в чашку густого чая насыпал ложкой сахар, и это занятие его занимало больше. Пять чайных ложек насчитал Олег Степанович и даже хмыкнул от удивления.

— Твой муж? — спросил гость Ольгу Николаевну.

— Познакомься — Олег Степанович, — повела рукой на супруга Ольга Николаевна.

— Отец говорил о нём, — признался гость. — Ты от него ушла. Потом вернулась?

— Может, позволите присесть? — напомнил о себе Олег Степанович.

— Садись, — кивнул гость. — Будем чай пить.

— Вижу, парень без церемоний, — солидно заключил Олег Степанович и сел напротив гостя.

— Да уж вот, мы такие, — негромко и как бы вскользь предупредила жена и поднялась, чтобы приготовить ему кофе.

Олег же Степанович открыто стал разглядывать парня, который с удовольствием прихлёбывал чай из блюдца и не обращал на него ни малейшего внимания. Он

был хорош, даже очень хорош собой, но при столь правильных чертах, при столь выточенном носе и чувственных губах был ещё и по-мужски крепко скроен, его тело дышало уверенной и спокойной силой. Должно быть, где-то там, у себя дома, он так же несуетно пивал чай, только что перед этим завалив очередного медведя.

Выходило, что Прокопий всё-таки добился своего — породил светловолосого сына. И как ему удалось? Если юноша, сидевший напротив, похож на мать, то уж больно хороша была в молодости Анка. И Прокопий умудрился покорить сердце такой девушки? Ну, молодец!

— Как зовут твою маму? — неожиданно даже для себя спросил Олег Степанович.

Гость неторопливо допил чай и поставил блюдце на стол, только потом поднял взгляд на Олега Степановича. Должно быть, не было у него привычки одновременно заниматься двумя делами.

— Зачем спрашиваешь? — гость уставился на него потемневшими глазами.

Так наливаются густой синевой прозрачная озёрная глубь, когда туча закрывает солнце. Возле родительской дачи находилось просторное озеро, и Олегу Степановичу приводилось удить с лодки.

В это время сработал мобильник Ольги Николаевны.

— Да, дочка, — ответила она. — Да вот сидит. Ты где? А чего не придёшь? Да передаю, передаю.

Явно огорчённая этим коротким разговором, Ольга Николаевна даже несколько испуганно подала телефон гостю, а тот запросто поднёс непривычную вещь к уху и сказал громко:

— Говори!

Затем молча послушал, торопливо передал телефон Ольге Николаевне в руки и спешно в прихожую. С резвостью, удивившей жену, Олег Степанович бросился за гостем и спросил:

— Твою маму зовут Анной?

Гость, уже открывая входную дверь, ответил:

— Не Анной, нет.

И ушёл, хлопнув дверью скорее — по привычке. Рядом с Олегом Степановичем оказалась супруга.

— Ты видел? — с недоумением спросила она. — Ушёл. Куда она позвала его?

— Откуда я могу знать?

— Как она с матерью разговаривает! Это же... Это же... Ты тоже хороши. Думала, поговоришь по-мужски с этим... Что он затевает? Что нам от него ждать? Надо было спросить, что он себе думает.

— Так он и ответит! — невесело усмехнулся Олег Степанович, погладил жену по плечу, поцеловал в щёку и ушёл в кабинет.

Ольга Николаевна вернулась в кухню, окончательно убедившись, что помочь от мужа не будет. Она знала его, он никогда не полезет туда, где может схлопотать по носу. Он и в детстве, должно быть, придерживался принципа — «по шее не хочешь, в драку не лезь». Оно вроде бы и правильно при спокойной жизни, но когда семье угрожает беда, осторожничать никак нельзя. Ольга Николаевна чувствовала, как нарастает во всём её изнеженном теле энергия. Поймав в зеркале свой взгляд, она даже удивилась решительности, которую уловила в глазах.

В них явно читалось — «коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». Русская же баба!

Тем временем Олег Степанович вернулся было к пасьянсу, но игра не пошла. И откинувшись на спинку стула, он глубоко задумался, пытаясь понять, отчего ему стало беспокойно. А с ним явно что-то происходило, из глубин памяти, как из мутного тумана, возникло плоское лицо Прокопия с чёрными неподвижными глазами. Оно проплыло мимо, растаяло, но осталось в оробевшем сердце такое ощущение, что Прокопий далеко не ушёл, а притаился на балконе, поведи взглядом и увидишь его круглый затылок.

Сам Олег Степанович судьбу никогда не испытывал. Он считал, что надо идти в строю, не сбиваясь с шага. Какому начальству понравится, если оно командует — «Левой!» — а ты ступаешь правой ногой, да ещё дерзко смотришь ему в глаза. Таких обычно отправляют на обочину, там выпендривайся, сколь угодно. Начальство всегда заметит того, кто ему особенно послужен, кто не портит строй. Такому можно доверять. В этом Олег Степанович убедился на собственном жизненном опыте.

Но в эти минуты в глубине души возникло непонятное недовольство собой. Никогда прежде Олег Степанович не задумывался над тем, почему в его жизнь приходил Прокопий. Он видел в этом случайность. А если это не так? Если судьба подкинула некий шанс, если его приход имел глубинный смысл? Но какой шанс? И какой смысл? Трудом и терпением он достиг какой-то высоты. Но ведь совершенно другое предназначение могло быть ему уготовлено. И как раз на этот шанс и на этот смысл выводила встречи с Прокопием, а Олег Степанович намёка не понял.

И что же у него могло быть иначе? Всё предельно просто — Олег Степанович мог сделать научное открытие. Он ведь не только от Прокопия слышал о Золотой Бабе, но и от своей супруги наслушался, а уж она литературы начиталась достаточно. А ведь это был его путь! Его предназначение! Сотни лет люди пытались найти это чудо. Но некие хранители так умело скрывали от любопытных божество, что по сей день оно остаётся тайной. А через Прокопия при некоторой ловкости можно было выйти к той пещере, где хранилась скульптура. И тогда имя Олега Пелугина осталось бы в истории редчайших открытий человечества.

На этой пафосной ноте размышления Олега Степановича прервала без привычной осмотрительности вошедшая в кабинет супруга. И даже голос её произвучал требовательно:

— Ты мне нужен.

И сам от себя того не ожидал Олег Степанович, но глядя на жену, он с пронзительной, прямо-таки со жгучей тоской подумал: «Господи, зачем мне нужна эта жизнь? Зачем мне всё! Ещё не поздно, ещё пятидесяти нет. Если не уеду к Прокопию, жалеть буду. Представить нельзя, как буду жалеть. Судьба даёт последний шанс».

— Что, милая? — привычным голосом спросил Олег Степанович жену. — Что случилось?

— Сейчас приедет Лидия Осиповна, — сообщила она. — И ты всё расскажешь.

— А кто эта Лидия Осиповна? И что я должен ей рассказать?

— Конечно, о Прокопии. Всё, что помнишь. А Лидия Осиповна обещала помочь нам.

— Помочь? В чём?

— Неужели не понимаешь? В дом беда пришла.

Она имела в виду — любовь. Если Марина влюбилась в этого парня, то уже управы на неё не будет.

— Хорошо, хорошо! — поторопился успокоить жену Олег Степанович. — Я полностью в твоём распоряжении. И память у меня хорошая, я всё помню. Когда придёт эта женщина?

— Она уже едет. Её зовут — Лидия Осиповна. Уж запомни, пожалуйста.

— Не беспокойся, милая. Я тут же выйду к вам, как она придёт.

Жена ушла, а Олег Степанович остался со своим настроением. «Какая беда? — подумал он. — Они поступят так, как сами считают нужным. И ничего тут не поделаешь. Они молоды. В них многое ещё дерзости. Признаться, я завидую своей дочери. Если полюбит, и в тайгу уедет. Не в отца».

И тут подумалось Олегу Степановичу о том, что каждый человек на земле хоть раз в жизни да переживает некое просветление ума, когда становится ясно, что идёт ошибочным путём, но исключительно редкий обрубит канаты, которыми держит его быт, и уплывёт в открытый океан. Вот ведь вопрос — он-то сам может обрубить? И этот вопрос ответа требует. Даже безотлагательного. Судьба снова подбросила шанс. Третьего раза не будет.

Вскоре прибыла гостья. Чуть помедлив, Олег Степанович вышел из кабинета. Жена познакомила с пожилой женщиной с узким лицом, на котором вытянутый вперёд нос явно говорил о большой любознательности. Такой нос, подумал Олег Степанович, только и принююхивается, только и суётся, куда надо и куда не надо.

Все трое устроились за кухонным столом. Ольга Николаевна предложила гостью кофе, но Лидия Осиповна отказалась, да и чаю не захотела. Тогда Олег Степанович предложил вина. Лидия Осиповна замахала рукой, мол, это уж вовсе ни к чему. Ничто не должно отвлекать от разговора, на который они собирались. Это было понятно по её лицу, Лидия Осиповна была настроена на сугубо деловой тон.

— Давайте разберёмся, что мы знаем об этом парне, — предложила Лидия Осиповна.

— Да собственно ничего, — пожала плечами Ольга Николаевна.

— Ну, как! — не согласился Олег Степанович. — Он сын нашего хорошего знакомого.

— Не знаю, насколько «хорошего», — раздумчиво произнесла Ольга Николаевна, сама удивляясь своим словам. — Но лет двадцать назад гостили у нас один человек. Звали — Прокопий. Это был его отец.

— Можно подробней, — попросила Лидия Осиповна.

И Олег Степанович рассказал, как случайно встретил Прокопия, привёл домой, угощал чаем и проводил на вокзал, но не стал уточнять, что послужило причиной такого гостеприимства.

— Он тоже оттуда, откуда и этот? — спросила Лидия Осиповна.

— Да, да, — закивала Ольга Николаевна. — Адреса не называл, но с Севера, Севера... — И зачем-то, понизив голос, добавила: — Он шаман.

— Кто? Кто? — не поняла Лидия Осиповна.

Ольга Николаевна рассказала историю, свидетельницей которой она была.

Хиленький телосложением Прокопий одним взглядом заставил огромного амбала корчиться от боли. Тот от страха чуть не лопнул.

К сожалению, Лидия Осиповна ни разу не сталкивалась с шаманами, да и не имело это в данном случае никакого значения. Если даже он летал, как жук, то и это ничего бы не прояснило. Ну, подумаешь, шаман! Мало ли кого и чего не бывает на этом свете!

— А чего он в нашем городе оказался? — поинтересовалась Лидия Осиповна. — Ну, тот, шаман?

— Да за невестой приехал, — поспешила ответила Ольга Николаевна. — Невеста тоже с тех мест. Но не хотела за него и бежала. А он — за ней.

— А чего к нам?

— Родня её в нашем городе, — ответил Олег Степанович.

Опытная Лидия Осиповна тут же поняла, что ухватила конец ниточки, которая и поведёт её дальше.

— К родне приехала, говорите? — тянула она ухваченную за кончик ту самую ниточку. — А можно с этой роднёй связаться?

Тут Олег Степанович больше был осведомлён и разъяснил, что Анка приехала к деду, которого звали Захаром Захаровичем. Ему уже тогда было за шестьдесят. Так что мог до нынешних времён и не дожить, хотя старичок был крепенький, пропитанный мёдом, как шпала смолой. Квартиру Захара Захаровича найти не составит труда, но опять же неизвестно, кто там теперь живёт. Вроде у старика были два сына, тоже здешние.

— А зачем нам родня? — спросила Ольга Николаевна.

— И в самом деле? — поддержал супругу Олег Степанович.

— Как невесту звали? — невозмутимо продолжила Лидия Осиповна.

— Анной, — в два голоса ответили супруги.

— Выходит, она мать вашего гостя?

— Пожалуй, нет, — ответил с каким-то даже сожалением Олег Степанович. — Я спросил парня, как зовут мать. Ответил — не Анной.

— Этого быть не может, — не поверила Ольга Николаевна. — Прокопий не мог ослушаться отца.

— Я тоже думаю — не мог, — сказал супруг.

В душе Ольги Николаевны шевельнулось ревностное чувство. Ведь когда-то Прокопий эту Анну предпочёл Ольге. Он был единственным мужчиной в жизни, который не прельстился ею, а это вдруг больно кольнуло самолюбие женщины. После стольких-то лет! И ей захотелось убедиться в том, что Прокопий потерпел неудачу. «Какая ж я всё-таки тонкая и сложная натура!» — подумала Ольга Николаевна.

— Говорите — «зачем родня»? — усмешливо спросила Лидия Осиповна, с явным превосходством поглядев на супружескую пару.

— Что это нам даст? — подхватился Олег Степанович.

— А подумайте сами, — многозначительно произнесла Лидия Осиповна. — Одно дело, не знать, куда он увезёт. И совсем другое — знать. Они будут в наших руках. Разве не так?

— Какая вы умница! — изумилась Ольга Николаевна.

Коротко посоветовавшись, пришли к единому мнению, что поиски родни Анны

просто обязательны. Если Анка стала женой Прокопия, то родственники знают её адрес. А уж Лидия Осиповна сумеет у них выведать. Этому её учить не надо.

Теперь можно было выпить кофе и даже винца. Почему бы и нет?

Глава 5

Знакомых ребят у Марины было много, всё-таки вертелась в студенческой среде, но она считала, что все они друг на друга похожи. Даже своих сокурсников Марина терпела только потому, что не хотела быть замкнутой букой, и тем посеять вокруг себя одних врагов. Но не было у них ничего своего, что делало бы каждого самобытным. Взгляды меняли запросто, согласно обстоятельствам, потому что не было своих. Свои-то надо выстрадать, хотя бы выносить, куда проще взять напрокат. А про чувства и говорить нечего — им бы только удовольствия!

В свои девичьи годы Марина ни разу всерьёз не влюблялась. Увлечения возникали, но тут же — как поётся в одном старинном романсе — «искры гасли на лету». Никто так и не сумел вскружить её трезвую головку настолько, чтобы она забылась. Подружки удивлялись, что до сих пор не имела своего парня, и советовали обратиться к невропатологу.

— У тебя что-то с головой, — заметила одна, ещё и пальцем прокрутила у виска.

— Мозжечок не срабатывает, — предположила вторая.

Всё-то они знали!

Но Марина имела твёрдые жизненные цели и не хотела тратить время на пустяки. Она не думала подобно мамочке, что любовь — это и есть высшее счастье. Подруги мечтали об удачном замужестве, каждая хотела выйти за богатого человека, а Марина считала это унизительным для женщины. Как это материально зависеть от кого-то? Одно дело — родители, на старости лет они сами будут нуждаться в её помощи. А чтобы чужой человек благодетельствовал! Это же рабство! Нет и нет, норковые шубки и французские духи будет покупать на свои деньги. Она слишком вольна в своих мыслях и желаниях, чтобы кому-то подчиняться, а тем более угождать за подачки.

Вчера вечером Марина отвезла Санчу в его гостиницу, да тут же поехала домой.

— Меня там потеряли.

Ей надо было подумать наедине, спокойно разобраться во всём, что принёс прошедший день. Уже в своей постельке Марина долго не могла уснуть. Конечно же, ей и в голову не приходило, что влюбилась с первого взгляда. Такого с ней никак не могло случиться. Она не какая-то наивная пустышка, чтобы обличьем её изумить. Явись живой Аполлон Бельведерский, николько не смущалась бы. Марина не доверяла красавцам. Чаще всего они глупы, потому что много любуются собой. А глупость мужчине, по мнению максималистки Марины, непростительна.

Глуп или не глуп этот Санча, Элексан, да ещё и Александр, Марина не успела раскусить, но уж больно доверчив и наивен. Ребёнок прямо. Марина рассудила так, что ничего общего между ними не может быть. Но почему так суматошно в мыслях и на душе неспокойно? Вот чего не понимала Марина. В конце концов,

Марина утвердила в мысли, что Санча задел только её любопытство, странный какой-то, на других не похожий. А так ничего особенного не случилось...

Вроде успокоилась на этом, уснула, так ведь Санча и во сне приснился. Будто идут, идут они куда-то. Он шагает впереди, а она спешит за ним. Какое-то пустынное место, безлюдье, а впереди тёмный лес... Он не объясняет, куда они идут и зачем. Ей страшно отстать и она еле поспевает за ним.

Можно сказать, что сон был в руку. Утром Марина позвонила Санче в гостиницу и велела прийти к ним домой. У неё ещё никаких планов не было. Она добровольно помогала приёмной комиссии, много пропадала в институте, а тут выпало свободное время. Ну, и чего бы ни повидаться? Можно закрыться от мамы в своей комнате и наговориться, сколько душе угодно. Но по дороге Марина из автобуса увидела афишу фильма, о котором много говорили, и у неё поменялись намерения. Она позвонила домой, попросила маму передать трубку гостю, а тому велела встретить её на автобусной остановке. И теперь уже не во сне, а наяву Марина и Санча шли по людной улице к недалёкому кинотеатру. Они опаздывали, поэтому спешили. И он шёл впереди скорым шагом, а она ухватилась за его руку и семенила на каблучках за ним.

Но уже у входа в кинотеатр Санча остановился и неожиданно сказал:

— Не пойду.
— Что так? — весьма удивилась Марина и уставилась на него строгими требующими немедленного ответа глазами.

— Поговорить надо, — сказал Санча.

— Выйдем из кино, поговорим.

— Нет. Теперь надо. Кино потом.

— Ну, что за капризы?

— Пойдём, — он взял её за руку и повёл от входа.

На той стороне улицы находился бульвар. К нему можно было выйти через подземный переход. Спускаясь по широкой лестнице, Марина высвободила руку.

— На такой фильм не пошёл, — проворчала Марина. — А вообще-то ходишь в кино? У вас показывают?

— У медведя в берлоге? — без улыбки ответил Санча.
— Понятно. Но телевизор-то хоть есть?
— Откуда, если тока нет?
— Вы живёте без электричества? — не сразу поверила Марина. — Как же это можно?

— Никто от этого не помер пока.

— А радио? На батарейках, к примеру?

— И радио нет.

— И мобильников нет?

— А зачем они?

— Как это зачем? Вы же тёмные люди!

— А Пушкин?

— Что Пушкин? — растерялась Марина.

— Он тоже тёмный? Телевизор не смотрел, радио не слушал, по мобильнику не болтал.

Сегодня Санча уже не казался таким наивным, а говорил даже чуть снисходительно, со скрытой усмешкой, и его занимала какая-то важная для него забота.

— Пушкин книги читал, — нашлась Марина.

— И я книги читал, — признался Санча.

— Ах, да! — припомнила Марина. — Ты говорил, что читал о рыцаре Дон Кихоте. Значит, в школе учился?

— Нет.

— А где брал книги? Что, есть библиотека?

— Я тебе потом всё расскажу. И про книги. А сейчас не хочу. У меня разговор есть.

— Ну, хорошо, — согласилась Марина.

Они уже выбрались из подземного перехода. Марина повела Санчу в сторону от главной аллеи бульвара, устроились на скамейке в безлюдном месте, тут им никто не будет мешать.

— Ну, о чём ты собрался говорить? — спросила Марина.

Санча ответил не сразу, прежде он задумчиво посидел, забывшись. Потом посмотрел на Марину и заявил:

— Надо найти женщину.

— Интересно! — Марина бросила на него быстрый взгляд.

Её удивления он не понял, не уловил, потому что очень был сосредоточен на своих мыслях. И Марина прикусила язычок, хотя в голове промелькнули разные и даже озорные мысли. Какую женщину? Зачем? Причём тут Марина?

— Один не найду, — задумчиво продолжил Санча. — Город большой. Женщин много. — Он посмотрел на неё. — Помоги. Отец сказал: «Ольга поможет». Но я не буду твою маму просить. Зачем? Я с тобой хочу.

— Что о ней знаешь? Об этой женщине...

— Её зовут Анна.

— И всё? Можешь представить, сколько Анн в городе? Нашей с тобой жизни не хватит всех обойти. Точно говорю! А почему маму не хочешь попросить?

— С тобой лучше, — ответил он.

— Вот что, дружок, — решительно заявила Марина, которая невнятчицы терпеть не могла. — Выложи всё, как есть. Ты меня понял?

И Санча рассказал, что своей матерью считал женщину, на которой был женат отец. Её зовут Эдэ. У него даже сомнения не возникало, что это не так, хотя две сестрёнки походили на родителей, такие же некрупные и чернявые, а он сильно отличался.

Отец, должно быть, умирать собрался. Вот почему он позвал к себе сына и признался, что Санчу родила другая женщина, а не его жена Эдэ. Ту женщину зовут Анной. Она живёт в далёком городе. Санча должен найти её. Может быть, той Анне живётся трудно, и Санча ей поможет. Прокопий очень виноват перед ней. Но она увидит Санчу и простит, потому что нельзя винить Прокопия за такого сына.

— Прости меня, — заявила Марина, потому что сказанного мало показалось. — Но я разобраться хочу. До полной ясности... Можно?

— Разберись.

— Ты хочешь найти, потому что отец просил?

— Да.

— А разве сам не хочешь?

— Мою маму зовут Эде. Мне другой не надо.
 — Но эта же твоя биологическая мать! Как же голос крови?
 — Она меня бросила. Мне было несколько минут. Вот сколько. Она даже не глянула, кого родила. Какая она мне мать?

— Но, может, так сложились обстоятельства. Мало ли!
 — Поможешь найти? Или только будешь спрашивать и спрашивать?
 Санча явно сердился, а Марина совсем даже не хотела злить его.
 — Да не беспокойся, найдём мы эту женщину, — уверила Марина. — Если она в нашем городе, найдём.

— Хорошо, — согласился Санча. — А в кино я всё равно не пошёл бы.

Марина пристала с расспросами, стала выяснять причину такого упрямого нежелания идти. Санча не выдержал и признался, что уже однажды ходил в кино, это в селе было. А там такое показывали, но он тут же выбежал из зала.

— Это нельзя показывать, — сказал жёстко. — Нельзя! Мы же не собаки.

— Причём тут собаки?

— Только они могут у всех на виду этим заниматься.

По тому, как Санча стыдливо прятал глаза и даже покраснел, Марина догадалась, что он увидел постельную сцену.

— А почему нельзя? — заинтересовалась Марина. — Неприлично? Это бабушки так считали. Даже прабабушки.

— Зачем? — отчуждённо спросил Санча, сурохо глядя на Марину, будто она-то и была виновата. — Зачем это показывать?

Щепетильность Санчи показалась ей смешной.

— Я спросил — зачем? — настаивал на ответе суровый Санча.

Поскольку прямого ответа не было у Мариной, то она пошла на наступление.

— А ваши мужики чего хотят от баб? — спросила она с вызовом и нарочито грубовато.

— Детей, — не задумавшись, ответил Санча.

Марина еле удержалась, чтобы не рассмеяться. Услышали бы сокурсники!

Три часа пролетели незаметно, как три минуты, а ровно столько они провели вместе. Посидели в кафе, погуляли по городу, прикидывали планы, как найти женщину по имени Анна. Марине надо было ещё вернуться в институт. Приёмной комиссии она помогала не без корысти, хотя бесплатно. Она зарабатывала имидж отзывчивой и трудолюбивой девушки.

Отчего так не хотелось расставаться с гостем, Марина не стала думать. Обещала после занятий позвонить. Он хотел её проводить до института, но она побежала к автобусу одна. И не оглянулась.

Освободившись от дел, не стала звонить Санче сразу. Решила на полчасика заглянуть в Интернет и хоть чуть чего-то узнать о Золотой бабе. У них нынче возникла разговор и о том, какому божеству поклоняются родичи Санчи. Её теперь занимало всё, что касалось этого парня. Прежде интересы Мариной бродили далеко в стороне, потому она о Золотой бабе если и слышала чего, так не хранила в памяти. А теперь с нетерпением забежала в компьютерный класс и начала поиски в Интернете. Довольно скоро Марина пришла к выводу, что люди охотнее всего рассуждают о том, чего в глаза не видели, а если и слышали, то вполуха.

Некий австрийский посол Герберштейн побывал в Московии 1520 году. И вот он свидетельствовал на всю Европу, что «за Уралом стоит идол «Золотая баба»

в виде старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ребёнок, про которого говорят, что он её внук». А ещё он сообщает о том, что идол сей издаёт страшные звуки наподобие труб. Сам он, конечно, не видел статуи и трубного гласа не слышал, но уверен, что пишет чистейшую правду.

Слухи о Золотой бабе поползли по Руси с одиннадцатого столетия. Путешественники рассказывали, что дикие народы Зауралья поклоняются «Золотой бабе», Великой богине Севера, отлитой из чистого золота. Откуда она там появилась, были разные толкования. Одни предполагали, что угры участвовали в походах на Рим в четыреста десятом году до нашей эры, они-то и увезли в качестве трофея прекрасную статую. Угры вернулись на родину к Ледовитому океану, и антличная статуя стала для них главной богиней.

В подтверждение этой версии приводятся слова римского историка Юлия Поннония Лэта, который писал: «Угры приходили вместе с готами в Рим и участвовали в разгроме его Алларихом (Алларих — король вестготов). На обратном пути часть их осела в Паннонии и образовала там могущественное государство, а часть вернулась на Родину, к Ледовитому океану, и до сих пор имеет какие-то медные статуи, принесённые из Рима, которым поклоняются как божествам».

Другие учёные считают, что это статуя Будды, тоже выкраденная, но только уже из Китая. Были и сторонники «христианского» происхождения Золотой бабы. Они предполагали, что эта статуя Мадонны была выкрадена во время набега на один из христианских храмов, а потом превратилась в языческое божество.

Свою версию выдвинули и уфологи, не остались в стороне. Оказывается, это робот-инопланетянин. По какой-то причине хозяева остались на земле. Он даже поначалу двигался, потом окончательно поломался и только изредка издавал звуки, наподобие бычьего рёва. Робот сей был женского обличия и сверкал золотом.

Рим, Китай, Индия, да ещё небесная высь!

Один учёный называл Золотую бабу коми-пермяцким божеством, второй — коми-зырянским, третий — vogульской богиней Куалтысь, четвёртый видел в ней влияние культа древнеиндийского божества подземного мира Иомы.

«Одно ясно, — сказала про себя Марина, — что ничего не ясно». Оно и понятно, никто из иностранцев, да и русских не видели Золотой бабы, потому что её от чужаков прятали инородцы. Но и сами манси, ханты или коми тоже находились в большом неведении, потому что в глухих лесах охраняли божество особые люди, которых можно назвать жрецами, а иначе — хранители.

Однако в 1904 году писатель К. Д. Носилов на Конде нашёл очевидца, слепого старика манси Савву, который сообщил ему, что Золотая баба выглядела следующим образом: «Голая баба и только. Сидит. Нос есть, глаза есть, всё есть, всё сделано, как быть бабе». Он в молодости видел.

Ещё Марину удивил разброс свидетельств того, где таится Золотая баба. Языческие народы опасались, что идол попадёт в руки христиан. По тому как они продвигались на Север, местонахождение идола менялось. Марина читала в одной из справок: «Во времена Стефана Пермского (конец XIV века) «Золотая баба» находилась в святилищах к западу от Урала. После похода русских войск в Пермь Великую в 1472 году, когда пермские земли официально были присоединены к Москве, лесные волхвы вынуждены были прятать кумира в пещере на реке Сосьве. Затем она очутилась уже за Каменным поясом (за Уралом), в обском

лукоморье. После прихода Ермака священный кумир тщательно скрывали в неведомых тайниках близ низовьев Оби».

Тот же С. Герберштейн писал: «Золотая баба есть идол, находящийся при устье Оби, в области Обдоре, на более дальнем берегу...» На карте он впервые поместил изображение Золотой бабы в виде статуи женщины с копьём или жезлом в руке, короной на голове. Вслед за ним и на иных картах Золотая баба рисовалась близ устья Оби.

В школе по географии Марина была далеко не отличницей, но уж в том-то разобралась, что в этих свидетельствах говорилось о краях, откуда приехал Санча. Она ещё одно сведение вычитала: «В Новгородской летописи 1538 года говорится о миссионерской деятельности Стефана Пермского. Стефан ходил по Пермской земле, разрушал древние святилища и ставил на их месте христианские храмы. В летописи сказано, что сеял Стефан в Пермской земле веру Христову среди народов, которые прежде поклонялись зверям, деревьям, воде, огню и Золотой бабе».

Вполне могло так случиться, что нашлись упрямые язычники, которые захотели сохранить свою древнюю веру, и ушли на восток, захватив божественную для них статую. Потомки этих людей дожили до наших времён и скрытно от мира обитают в горах Урала. Один из них по имени Элексан, а проще — Санча сидит сейчас в гостиничном номере и ждёт звонка Марины.

Только теперь девушка спохватилась и позвонила. Санча мигом поднял трубку.

— Чем занимаешься? — спросила Марина.

— Жду, — ответил он.

— Чего ждёшь? — прикинулась непонятливой Марина.

— Когда позвонишь.

— Ой, всё не получалось! Извини! Чем занимался?

— Ждал.

— Пришёл в номер и стал ждать? — засмеялась Марина.

— Да.

Это никуда не годилось. Он там сидел и ждал её звонка, она тут сама не своя была, всё о нём думала. Если так дальше пойдёт... Марина не стала уточнять, что будет, если так дальше пойдёт. Надо самой остыть и его остудить, а то ведут себя, как дети.

— Знаешь, Санча! Сегодня уже поздно. И я очень устала. Давай завтра созвонимся. Спокойной ночи!

Она положила трубку и тут же прикусила язык. Было немножко совестно, Санча не заслужил такого деловитого тона, но с другой стороны, сам виноват. Сидел столько часов и ждал её звонка. Дурак что ли?

Глава 6

Сидя за компьютером, Марина слышала за дверью своей комнаты, как отец с матерью говорили о какой-то поездке в деревню. Они прошли через прихожую в кухню. Марина решила поговорить с ними. Отец, надев фартук, крутил мясорубку, готовил фарш. Ольга Николаевна никогда не покупала магазинный, готовый, свой есть свой, к тому же из отборного мяса. Ольга Николаевна, увидев дочь, воскликнула:

— Наконец-то!

— Заработалась, доча? — сочувственно спросил отец.

— Нельзя же так, — заметила Ольга Николаевна. — Головке отдых нужен.

— Чем озабочены? — спросила Марина. — О какой деревне разговор?

— Ольга Николаевна слабо махнула рукой, и этот отчаянный жест означал, что в её жизни одни заботы и никакого просвета.

— Да тут — понимаешь? — одного человека надо найти, — стал объяснять Олег Степанович, не зная толком, насколько позволительно ему быть откровенным. — В городе его не оказалось. Сказали — на даче.

— Кто такой?

— Захар Захарович Зуйков.

В старой телефонной книжке Олег Степанович обнаружил адрес старика, с которым встречался два десятка лет назад, когда искал Анну. Телефон, конечно, поменялся, но справочная дала новый номер. Позвонил по нему, и ответила какая-то женщина. От неё и узнал, что Захар Захарович в деревне.

— И зачем он вам? — спросила Марина.

— Он дед той Анны, которую надо найти, — начал отец, но Ольга Николаевна дёрнула его за руку, и он умолк.

— Папу попросила Лидия Осиповна, — объяснила Ольга Николаевна. — Вот он и отвезёт её на своей машине. Надо же помогать людям.

Чтобы отец из чистейшего доброхотства поехал куда-то за рулём, в это Марина поверить не могла. Папа человек серьёзный, ему солидность не позволит суетиться по делу, которое его не касается. Кстати, откуда возникла какая-то особа по имени Лидия Осиповна, ради которой родители стали суетиться? Не трудно было догадаться, что лукавят они, голубчики, правду не говорят.

— Куда отвезёт? — как бы между прочим, без видимого интереса спросила Марина.

Отец назвал деревню, которая была от города не так далеко. Ольга Николаевна строго посмотрела на мужа, и Олег Степанович поспешил добавить:

— Моё дело водительское. Куда скажут, туда и поеду.

И он сосредоточенно стал крутить ручку мясорубки.

Всем своим видом показывая полное безучастие к тому, о чём только что шёл разговор, Марина стала готовить себе бутерброды с сыром. Олег Степанович даже облегчённо вздохнул. Он не понимал, почему нельзя говорить дочери о задуманных поисках, но выразительные взгляды жены убедили, что ему лучше молчать. Пока Марина ела, он управился с работой, поставил миску с фаршем на стол, помыл руки и чуть ли не рысцой удалился с кухни, предварительно выяснив, что в его помощи пока не нуждаются больше.

Утром пораньше Марина позвонила Санче. Поздоровалась. Он ответил. Марина не почувствовала в его голосе обиды. Однако спросила на всякий случай:

— Не дуешься?

— За что? — не понял он.

— Что вечером не встретились?

— Ты устала.

Святая невинность! Что ни скажи, тому и поверит.

— Тогда встречаемся, — деловито заявила Марина и объяснила, как ему

доехать до автовокзала, где она будет через сорок минут. Примерно столько же ехать до нужной деревни. Удачно угадать бы только на рейс. Зачем в деревню? Всё она объясnit по дороге.

А в нужной деревне благодушно настроенный Захар Захарович Зуйков в это утро вышел из дома, даже и не предполагая, что кому-то уже понадобился. С родными он общался по телефону, так что всегда заранее извещали о приезде. Да и навещали не так часто, всё-таки занятые люди, деньги зарабатывали и в отцовской помоши не нуждались, естественно. Так что поневоле старик жил для себя и только, потому, пожалуй, и обладал завидным здоровьем. Его некрупное, поджаристое тело было пропитано мёдом, прогрето солнцем и очищено целебным деревенским воздухом. В свои восемьдесят два года старик сохранил и ревность движений, и здоровый цвет лица.

Где-то около одиннадцати часов утра он беспечально поливал помидоры в парнике, когда услышал молодой и требовательный голос:

— Есть кто-нибудь?

За калиткой стояла нерослая девчушка и была одна, поблизости больше никто не маячил. Так что Захар Захарович без опасений подошёл и спросил через калитку:

— Тебе кого?

— Вы Захар Захарович? — спросила девушка.

— Ну, предположим, — ответил всегда осторожный Захар Захарович.

— Мне нужна ваша внучка, — прямо заявила девушка.

— Которая? — усмехнулся Захар Захарович, подумав про себя, что уж больно деловая из себя незваная гостья.

— Анна, — твёрдо сказала девушка.

Захар Захарович внимательней пригляделся к собеседнице. Вроде ухоженная, одета прилично, тряпки на ней дорогие, да и лицо не вызывает подозрений. А то ведь бродят всякие проходимки. Сам-то Захар Захарович не встречался с ними, но разговоров хватает.

— И кто будешь такая, что до моей внучки дело? — спросил Захар Захарович.

— Я-то никто. А мама — кто. За одной партой сидела с вашей Анной.

— Вместе учились? — уточнил Захар Захарович. — Это ж где?

— На Севере. Где же ещё? На Сыне-реке.

Про реку Сыню Марина узнала только этим утром, как ехали в автобусе, расспросив Санчу обо всём, что он сам мог знать об этой Анне. Знал он мало, но Марина могла подробно рассказать старику о реке, которая сбегала с Уральских гор и после дождей становилась бурным потоком, а потом опять усмирялась. На берегу этой реки стояла деревушка, где когда-то жила Анна. Марина заметила, что упоминание о реке явно впечатлило старика.

— На Сыне говоришь? — произнёс старик уже доверчивей. — Учились вместе. А ты что, одна приехала?

— Да вроде не маленькая. И не одна, а с группой. Меня Мариной зовут. Я проездом. Вообще-то мы едем в Германию. — Марина сочиняла на ходу. — Там соревнования по... — Марина запнулась, не сразу определив, каким видом спорта она занимается, но уже через несколько секунд уверенно продолжила: — ... по теннису. Ну, среди студентов.

Старик неторопливо открыл калитку.

— Проходи, студентка.

— Она здесь? — подивилась столь скорой удаче Марина.

— Нет, её тут и не бывает. Я тебя мёдом угощу. Поговорим толком.

— Я не могу засиживаться. Мне бы только адрес. Встретились бы где-нибудь, подарок передала бы и всё. — Про подарок выскоцило неожиданно для себя. — Вечером поезд. Надо успеть.

— Какой подарок? — поинтересовался старик.

Вот теперь думай — какой? Хорошо, что с памятью ладно, вспомнила лисы шкурки, что лежали на кресле в гостиной.

— Ну, какой может быть подарок с Севера? — очень достоверно пожала плечами Марина. — Лису мама послала. Отец у меня охотник. — И отец с чего-то появился! — Так вот и привезла я шкурку. Мне она теперь в обузу. Не ехать же с ней в Германию. Не пропустят через границу. Вы уж дайте мне её телефон, а то прямо не знаю, что делать.

Не углядев ничего опасного в том, что он даст телефон внучки, Захар Захарович высыпал на мобильнике номер и показал Марине. Та скоренько перевела цифры на свой телефон, поблагодарила, попрощалась и поспешила прочь.

— А медком чего не угостилась? — растерянно спросил Захар Захарович.

Марина только махнула рукой. На автобусной остановке ждал её Санча.

Марина была очень довольна удачей, а Захар Захарович, запирая калитку, вдруг подумал, что не выяснил, как эта девчонка нашла его, кто подсказал, где искать. Как же он допустил такую оплошку? Не насторожился, не спросил... И что теперь? Не бросаться же вдогонку, у девицы уже и след простыл. Смачно плюнув с досады, Захар Захарович позвонил внучке. А что могла сказать Анна? Ну, были у неё подружки в школе. И сидела она с кем-то за партой, но не с одной же все годы. Захар Захарович не забыл известить о подарке. Внучка не стала упрекать ни в чём старика, а даже успокоила, что сама во всём разберётся, когда девчонка позвонит. Может, и впрямь от какой-то подруги. Можно и встретиться.

Дальнейшая жизнь Захара Захаровича в этот день потекла было в привычном русле. Он возился на участке, работы всегда хватало, и она не досаждала старика, потому что Захар Захарович твёрдо усвоил истину — «движение — жизнь» — и следовал ей неукоснительно. Прогулками, бегом или гимнастикой заниматься был непривычен и не любил, а вот с лопатой или тяпкой очень даже ладил. Ложился спать, чувствуя в теле приятную усталость, и в сон проваливался, как в омут.

Благоверная супруга два года назад умерла, прилегла после обеда на кушетку, да и уснула навеки. Захар Захарович на поминках в кругу многочисленной родни слёзно винил себя, что не заставлял супругу по утрам «откусывать мёду». А то жила бы ещё и жила. Один у неё был грех — не любила сладкого. И зачем, спрашивается, Захар Захарович держал пасеку? Это он так при людях — зачем? А сам-то знал — для себя, прежде всего.

В городскую квартиру старик прописал дочь Ираиду, которая вернулась с Севера с милой сердцу старика внучкой Аннушкой. Прежде внучка наезжала в деревню к дедушке, но потом удачно вышла замуж и живёт в загородном коттедже с приличным участком. Что ей дедова хата! Но каждую неделю внучка звонит, утром в понедельник уж обязательно спросит: «Как ты там, деда?»

Текущий день ничем не отличался от прожитого вчера, а завтрашний обещал быть таким же — и это больше всего устраивало Захара Захаровича. Разные неожиданности и перемены только нервы треплют, а ничего хорошего не приносят. Проснулся, поработал по хозяйству, уснул. А что ёщё надо пожилому человеку? Старым себя не называл.

Но этот день с утра выбился из привычной колеи. Как бесёнок какой из неоткуда, вынырнула девчонка, взбаламутила покой, а уже ближе к обеду опять у калитки появилась гостья. Теперь старуха в шляпке, в сером длинном плаще, с красным ридикюлем через плечо.

В отдалении и по ту сторону улицы, что делила деревню надвое, стояла машина. Зоркий Захар Захарович разглядел за лобовым стеклом водителя. И какое же у неё дело до него?

— Есть кто-нибудь? — спросила старуха точно так же, как утренняя пигалица.

Слепая что ли? Не видит, что хозяин подбирает шланг после полива клубники. Захар Захарович даже не ответил, а надвинул большой козырёк кепи на глаза и двинулся к калитке.

— Вы Захар Захарович? — спросила старуха тоном налогового инспектора. — Тогда я до вас. Зовут меня Лидия Осиповна. Откройте калитку.

Так он и открыл, разбежался! Нет, Захар Захарович сунул руки в карманы ярких пятнистых шорт и отчуждённо уставился на гостью.

— Кто вам дал мой адрес? — на этот раз в первую очередь спросил Захар Захарович.

— Сидоров.

— Что за Сидоров ёщё?

— Не знаешь?

— Не знаю такого.

— И я не знаю. Какая тебе разница, старый ты пень, кто адрес дал?

— Сама ты...

Ворона общипанная, — ловко подсказала Лидия Осиповна и прямо-таки дружеским тоном продолжила: — Два сапога пара. Спросил бы лучше, чего прёрлась?

— Ну, и чего? — насторожился Захар Захарович.

— Дай мне адрес Анны.

— Зачем?

— Мне надо поговорить с ней.

— О чём?

— Тебя это не касается.

— Не скажешь — о чём, не дам адрес.

— Ты что, старый, условия мне ставишь? — повысила голос Лидия Осиповна. — Я что у тебя прошу? Государственную тайну продать?

Но Захар Захарович был не из пугливых, не воробышкой породы.

— А я вот участковому звякну, — заявил он. — Ходят тут всякие, крутятся, вынюхивают. Всем Анна понадобилась вдруг.

— Кто крутится? Кому всем?

— Утром на твоём месте девчонка стояла. Сразу видно — шельма, воровка, наводчица. Знаю я их! А теперь вот ты. Участковый разберётся.

И он достал из кармана мобильник.

Никакого участкового Лидия Осиповна не опасалась, никто её не тронет, у неё старая корочка с милицейской печатью сохранилась, а бывших осведомителей не бывает. Так что старик на свою голову ещё заботу накличет, если Лидия Осиповна намекнёт стражу порядка, что выполняет поручение, огласке не подлежащее. Участковый только козырнёт ей, а старику и пальцем погрозит — «Смотри ты у меня!»

Старик кривым, похожим на хищный клюв, пальцем тыкал на циферки, а Лидия Осиповна с олимпийским спокойствием ждала, считая до шести. Когда неловкий палец старика навис над последней цифрой, Лидия Осиповна с умильной улыбкой на лице произнесла:

— А ты на это глянь!

И выставила перед собой корочку с милицейской печатью.

Кривой палец Захара Захаровича промахнулся, мимо мобильника проскользнул, глаза растерянно застыли и стали плоскими, как монетки. А Лидия Осиповна сердечно продолжила:

— Ну, дошло до тебя?

Вот тут-то старик действительно оробел. Муж внучки ворочал большими денежными делами, к нему как-то уже придирилась налоговая инспекция. Тогда обошлось...

— Что тебе надо? — взмолился Захар Захарович, будто забыл, о чём просила гостья.

Лидия Осиповна неторопливо достала из ридикюля ручку и подготовилась на каком-то клочке бумаги записать номер телефона. Захар Захарович старательно продиктовал. Лидия Осиповна спрятала адрес в ридикюль.

— Ну, вот и хорошо! — сказала она. — А то начал дурака валять. Пока!

И даже ручкой помахала, кокетливо улыбнувшись. Однако вспомнила, обернулась и спросила:

— Как выглядела эта «шельма, воровка и наводчица»?

Достаточно было нескольких слов старика, чтобы Лидия Осиповна догадалась, кто это была.

— Знаю я эту рецидивистку, — усмехнулась старуха. — Её вся полиция области ищет.

И засмеялась. Очень уж была довольна собой Лидия Осиповна. Чего бы не пошутить? Настроение Захара Захаровича было куда хуже. Собрался было тут же позвонить внучке и предупредить, да чего-то расхотелось. Анна женщина не глупая, сама разберётся. Да и супруг её крутой мужик, изворотливый. А Захару Захаровичу нервничать ни к чему. Правда, на сердце не жалуется. Так ведь оттого и не жалуется, что бережёт.

Он смотрел на уходящую к машине пожилую женщину и всё более успокаивался. А Лидия Осиповна, устроившись рядом с водителем, первым делом сообщила:

— Ваша дочь тут побывала.

Олег Степанович, конечно, очень удивился.

— Марина?

— У вас ещё есть дочери?

— Зачем... была? — не понимал Олег Степанович.

— Вот и я хотела бы знать. Вы пока супруге не говорите. Ольга Николаевна женщина нервная, впечатлительная и всё испортит. Я сама выясню.

И она показала клочок бумаги, на котором были крупно написаны цифры.

— Значит, Анна в городе? — спросил Олег Степанович. — А не там? Что это значит?

— Вот мы её и спросим, почему она в городе, а не там, — победно заявила Лидия Осиповна.

Дальнейшие действия Лидии Осиповны были предельно деловитыми и направленными к цели. Она села в машину, велела Олегу Степановичу ехать в город, а сама стала звонить, но ей долго никто не отвечал.

— Что она, спит что ли? Не время вроде.

Однако Лидия Осиповна настойчиво продолжала добиваться своего, и на том конце всё-таки ответил женский голос.

— Ну, милая! — заговорила по-свойски, как старая знакомая, Лидия Осиповна. — Слишь что ли? Чего трубку не берёшь?

Та, видимо, стала что-то объяснять, но Лидия Осиповна перебила и первым делом спросила:

— Тебе девчонка не звонила сегодня? А я кто? Узнаешь.

Она сразу перешла на «ты» и продолжала говорить в той же простецкой манере, видимо, взяв на себя роль старшей подруги. Оказалось, что никто не звонил. Лидия Осиповна посмотрела на Олега Степановича. Потом перешла непосредственно к делу, назвалась по имени-отчеству и сообщила, что у неё есть для Анны большая новость, которую передаст при встрече. По телефону говорить об этом не будет, нужно обязательно повидаться.

У Анны, видимо, возникло много вопросов, разговор затягивался. Явно было, что женщина на другом конце связи никак не соглашалась на свидание, не находя себе в нём нужды. У Лидии Осиповны явно терпение кончилось, лимит вежливости исчерпался, и она сказала ледяным голосом:

— А то могу к тебе сама прийти. И не одна. Напомни-ка мне, что с тобой было лет двадцать назад. То ли насморком болела, то ли роды случились. А? Муж дома будет? А то познакомлю с твоим сыном.

Ответ, видимо, был скор, потому что Лидия Осиповна тут же спрятала мобильник, немножко чувствуя себя Цезарем в юбке. «Пришла, увидела, победила». Коротко и ясно. Поражение приходится объяснять многословно, а победа за себя сама скажет. Но Олег Степанович почему-то не разделял радужного настроения попутчицы. Его-то больше занимал другой вопрос.

— А зачем к старику приходила Марина? — спросил Олег Степанович. — Как вы думаете?

— Это её спросить надо.

— Ей-то зачем Анна?

— Что Маринке вашей нужно, — твёрдо сказала Лидия Осиповна, — пока не знаю. Но выясним, выясним...

В эти минуты Лидия Осиповна чувствовала себя очень хорошо и была в полной уверенности, что всё может. Такое было воспарение духа, будто сидит на белом облаке и смотрит сверху вниз на землю. А там люди суетятся, что муравьи.

Глава 7

Как и Лидия Осиповна, заполучив номер телефона, Марина тут же и позвонила бы Анне, безотлагательно. Но без Санчи этого делать не стоило, и она прежде добежала до автобусной остановки, где оставила парня. А тот стоял такой понурый, такой беспространно печальный, что Марина обомлела. Санча поднял на неё измученный взгляд и проговорил с подлинным горем:

— Я безмозглый налим.

Автобусная остановка находилась на перекрёстке. Машины шли по кругу, огибая островок зелени посредине. А на том островке паслась белая коза на привязи. Почему надо было устраивать козу на самом загазованном пятаке, когда вокруг хватало места для выпаса, понять невозможно. Сколько тут щипала траву коза, и придёт ли кто-то за ней, тоже оставалось тайной.

— На плечах не голова, а болотная кочка, — скорбно произнёс негромким голосом Санча.

Мимо проносились машины, чуть сбрасывая скорость на круге, но будто неведомая сила снова подхватывала их и увлекала вперёд. Они спешили, обгоняя друг друга, рвались вперёд с таким рвением, словно впереди где-то медленно закрывались ворота рая, и надо было успеть. Ничем другим нельзя было объяснить этакую оголтелую спешку. И только белая коза никуда не торопилась. Тысячи лет она оставалась всё той же козой и вполне этим была довольна.

— Я только теперь понял, — жалобно признался Санча. — А надо ж было сразу догадаться. Почему я такой глупый?

— Может быть, чуть позже выясним, почему такой глупый, — спокойно предложила Марина. — А теперь лучше позвони матери. Телефон я достала.

Ей так хотелось похвастаться своей удачей, что Марина не придала особого значения странному приступу самобичевания Санчи. Что на него нашло? Ведь сущий пустяк, должно быть, а огорчения столько, словно вот-вот конец света наступит и в том он виноват, поскольку допустил какую-то оплошку.

— Кому? — не понял Санча.

— Как это кому? — строго спросила Марина. — Забыл? Позвони, говорю, матери.

— Матери? — переспросил Санча. — Зачем?

— Ничего себе вопросик! Мы чего здесь?

— Не буду я говорить ни с кем.

— Тогда я, — заявила Марина.

— Не надо, — поспешно попросил он, испуганно глядя на неё.

— Почему?

— Не надо звонить. Совсем не надо.

Вот те на! А чего она старалась? Конечно, не таких уж больших трудов стоило выпросить у старика нужный номер телефона, так ведь всё равно обидно. Видите ли — не надо! Так раньше нужно было думать. Марина не потеряла бы зря столько времени. Делать ей больше нечего?

Нельзя на лету останавливать птицу, она упадёт. Не нужно удерживать гончую, если та уже увидела зайца. Разрыв сердца может случиться. Это где-то вычитала Марина или сама только что придумала, насчёт разрыва сердца. Но не это важно.

А то возмутительно, как себя Санча повёл. Что могло произойти за время отсутствия Мариной? Какая муха укусила? И уже была она готова выложить своё возмущение, не очень-то подбирая слова, не больно-то церемонясь, да в этот момент Санча, отвернувшись, глухо и тяжко простонал, отчего сердце Мариной защемило от жалости, а в груди стало тесно от сочувствия.

- Что с тобой? — встревожилась Марина, приблизив к нему лицо.
- Я только теперь догадался.
- О чём?
- Меня отправили, чтобы меня там не было.
- Кто?
- Дед уговорил отца. А тот отправил.
- Зачем?
- Чтобы я не мешал деду. А без меня беда будет.
- Какая беда?

Марина погладила руку Санчи, сама удивившись своему порыву, но получилось уместно, даже нужно, словно ему только этого движения и не хватало для поддержки.

— Успокойся, — попросила Марина, сама села на скамью и рядом усадила Санчу. — А теперь, не спеша, по порядку, главное — доступно объясни, какой беды испугался. Когда она будет, где?

- Там, — махнул рукой Санча. — У нас.

Судя по расписанию, которое висело рядом, очередной автобус должен был прибыть только через пятьдесят минут, так что суетиться нужды не было.

— Что там может случиться? Рухнет на голову небо? Начнётся землетрясение? Мор нападёт? А если приедешь, что изменится?

— Если я успею, остановлю деда. Я скажу людям правду. А если я опоздаю, дед навсегда упрячет правду. И люди её знать не будут.

- Какая правда? Как её можно упрятать? Ничего не понимаю.

Чтобы прояснить что-то, Марина попросила Санчу рассказать хоть немножко о своих земляках. Выходило так, что основное население проживало в долине на берегу озера, а хранители жили обособленно, в горах. Над ними начальником был главный волхв или тун, как они называли. И этим главным туном был дед Санчи по имени Харла.

Умненькая Марина подумала про себя, что ничего особенного в социальном устройстве таёжных жителей не было. С древнейших времён уж так повелось — только образуется племя, как тут же, что тебе боровик среди маслят, вырастает вождь. Первым делом он окружает себя прислужниками и охраной. Создаёт элиту. Вождю полагались лучший конь и самая красивая женщина племени. И много ли изменилось с тех пор? Только разве коней заменили машинами.

— А твой дед очень богат? — спросила Марина, чтобы проверить свою гипотезу насчёт «лучшего коня и самой красивой женщины».

- У деда есть то, что на нём, да еды на день. Теперь тебе ясно?
- Он аскет? Или как там? Схимник?
- Думай, как тебе надо.
- Чего обижашься? Я понять хочу. Народ-то как живёт?

Судя по словам Санчи, люди были довольны жизнью и другой не хотели.

Обычно же верхи говорят о всеобщем счастье, а массы вечно недовольны властью. А тут прямо-таки всё наоборот.

— Народ живёт богато, а начальник — бедно? — засмеялась Марина. — Так не бывает.

— Для тебя не бывает, а для нас — бывает.

Люди непривычно верили, что всё добро от Зарни Ань. Она любит их. Но если они ведут себя плохо, непослушно, богиня сердится, и тогда вся тайга сотрясается от её гневного голоса. Птицы замирают на лету, зайцы падают в обморок, белки валятся с веток, медведи выскакивают из берлог. Но это когда сердится. А так она добрая, когда люди послушны. И зверь попадается, и рыба ловится. Поэтому люди стараются не злить свою богиню. Они счастливы, и это счастье им дорого.

— Сам-то видел, как птицы падают и белки валятся? — спросила Марина.

— Нет, не видел.

— Но слышал её голос?

— Слышал.

— Это страшно?

— Очень.

Практически настроенному уму девушки было непонятно, как люди могут верить, что какая-то скульптура, даже если из золота, может влиять на человеческие судьбы, гневаться и быть милостивой, вызывать священный трепет и страх? Да и сам факт того, что какое-то людское сообщество живёт вне цивилизации, был невероятным. Впрочем, узнай об этом по телевизору, Марина не придала бы никакого значения и тут же забыла бы. Мало ли о чём болтают журналисты! Но с ней рядом оказался человек из того мира, и этому человеку Марина не могла не верить. Однако не удержалась и скептически заметила:

— Смахивает на сказку.

— Я вру? — жёстко спросил Санча.

— Ну, хорошо, хорошо, — примирительно проговорила Марина. — Мы отвлеклись. Продолжай, Санча, я тебя очень внимательно слушаю. О какой правде ты говоришь?

— Зачем тебе всё знать? Не надо тебе всё знать. Это касается нас, больше никого.

А если всё дело в том, что Санча разочаровался в ней, в Марине? Так долго мечтал о девушке, одновременно гадая, есть она или нет её на белом свете, да вдруг встретил, обрадовался, а потом стал приглядываться, да всё больше убеждаться, что чужая она и никак ему не подходящая. Вот и придумал какую-то беду, отвратить которую может только он, а потому спешно уматывать ему надо. А то, видите ли, дед упрячет правду. В огороде что ли закопает? Придумал бы что-нибудь достоверней, а то сам же и запутался.

— Ну, и поезжай, — заявила Марина, и в голосе её прозвучало высокомерие.

— Почему сердишься? — удивился Санча.

— Потому!

А как ещё было ответить? Не говорить же о том, что до этого времени Марина уверенно топала крепкими ножками по своей тропинке жизни. Но появление Санчи сбило её с толку. Раньше было как? Вот есть она, а есть другие. И они чужие. Люди одиноки, даже когда обнимаются. И от веку так.

А с этим северянином всё было иначе. Марина чувствовала, что ему она может сказать всё, даже самое сокровенное, и он поймёт, а ей не будет стыдно. Да с чего бы такая уверенность? Ещё два дня назад не замечала, что она такая кисейная мадмуазель, вся в чувствиях прямо. Ей вовсе не хотелось походить на маму, которая обожала фантазии, от которых ни толку, ни проку не было. Неужели и впрямь эта блажь может передаваться по наследству?

— Не сердись, — мягко попросил Санча и дотронулся до её плеча.

«Не сердись». Хорошо ему советовать, а Марина сама не знает, что с ней происходит. Она терпеть не могла, когда её пытались лапать, свирепела прямо. А тут так приятно показалось, когда он коснулся плеча. Ну, чего он сразу убрал руку?

— Я твою маму отыскала, — упрекнула она и посмотрела в глаза Санчи. — А ты даже позвонить не хочешь.

— Звери и те не бросают своих детёнышней, — мрачно сказал Санча.

— Отец же попросил.

— Это нарочно, чтобы я уехал далеко.

Санча поднялся, видимо, сердился на отца и деда, которые так отдалались от него. Конечно, если это правда. К остановке подкатывал автобус. Марина и Санча устроились на заднем сиденье. Ехали молча. Марина очень не хотела, чтобы Санча уезжал в свою тайгу. А как его удержать?

Автобус добрался до вокзала, высадил пассажиров и устроился среди других машин на стоянке, чтобы отдохнуть после дороги до следующего рейса. А Марина и Санча побрали по улице. После долгого молчания Марина тихо спросила:

— А со мной не надо считаться?

— Как это? — не понял Санча.

— Мне показалось, что мы друзья.

— Почему показалось? Не показалось.

— А разве друзей оставляют? — Марина постаралась как можно печальнее и жалостливей говорить. — Разве это хорошо?

— Конечно, нет, — уверенно произнёс Санча. — Ты поедешь со мной.

От неожиданности Марина даже отскочила в сторону и остановилась. Он удивлённо уставился на неё, не понимая, что ей не понравилось. А её больше всего возмутило то, с какой уверенностью он сказал эти слова. Он уже решил, видите ли! А её спросил? Или у них не принято женщин спрашивать? Взял за руку, да повёл в свой вигвам, в ярангу — или как ещё? — в чум. И не смей упираться!

— Я поеду? — воинственно спросила Марина и ткнула себя кулачком в грудь. — Да с чего это вдруг?

— Сама же сказала, — несколько растерялся Санча.

— Что я сказала? Когда?

— Только что. «Друзей не оставляют», — сказала. А мы же друзья.

Видимо, Санча посчитал, что привёл неоспоримый довод, поэтому явно ожидал согласия со стороны Марины. Даже и не сомневался, судя по лицу.

И она быстрыми шагами пошла по тротуару. Санча недоуменно пожал плечами, так и не поняв, почему она ведёт себя непонятно, и поспешил за ней. Когда догнал её и пошагал рядом, Марина строго посмотрела на него и твёрдо сказала:

— Я не поеду. Никогда и ни за что! Запомнил?

Скориться Санча не собирался, поэтому согласно кивнул, но про себя подумал,

что настроение у женщин меняется, как погода, — только было солнце, а уже дождь. Но от этих минутных перемен не нарушается вечный порядок, осень следует за летом, а весна — за зимой. И не бывает иначе. Так и женщина извечно следует за мужчиной, как бы ни старалась быть самостоятельной.

Так что Марина поедет с ним. Тут нечего и думать. Не для того Санча встретил эту девушки, чтобы оставить в большом городе, где ходит несметное количество парней, и легко может оказаться среди них тот, кто уведёт её за собой.

Этого Санча не допустит.

— Рядом вокзал, — заявила Марина. — Идём, куплю билет. И катись!

Санче было хорошо с Мариной. И он не верил, что она сердится на него. Шли и молчали, по очереди поглядывая друг на друга. Иногда взгляды встречались. Санча был спокоен, у него-то на душе не было никакой смуты, чувства не метались, как снежинки в метель. Ему только было любопытно, о чём молчит Марина. Но спрашивать опасался, чтобы не вспугнуть настроение девушки, которое ему почему-то нравилось.

Когда добрались до вокзала и встали в очередь за билетами, Марина попросила денег. Не на свои же будет покупать билет! Но в кошельке Прокопия нужной суммы не оказалось.

— И это всё? — удивилась Марина. — И ты знал?

— Знал.

— Чего же молчал?

— Не спрашивала.

— Так у тебя вообще нет денег?

— Есть, много, — ответил Санча. — Но остальные в гостинице.

— Где? — поразилась Марина. — А ну, едем быстро!

В гостиничном номере из вещей оказался только уже знакомый Марине рюкзак, который лежал на видном месте. Уборщице и труда не надо тратить, развязала шнурок и любопытствуй.

В рюкзаке оказались три лисьих шкуры, в одну из которых была завёрнута пачка стодолларовых купюр, перевязанная дратвой, и толстая самодельная тетрадь в кожаном переплётё. Марина забрала деньги и положила в свою сумочку.

— Надёжней будет, — объяснила она.

Главная тревога прошла, и Марина заинтересовалась тетрадью.

— Это что такое? — спросила она.

— Прадед писал, — ответил Санча. — Но ты не поймёшь.

Санча подал ей в руки. Окинув глазами первую страницу, Марина и впрямь ни одного знакомого слова не обнаружила. Тетрадь была вся исписана мелким убористым почерком, строки прямо теснились, видно, автор очень экономил бумагу.

— Это на зырянском языке, — пояснил Санча.

— О чём он пишет?

— Много о чём.

— О твоих сородичах?

— Про это тоже. Откуда мы пришли. Почему ушли оттуда. Про себя тоже.

— Слушайся меня, — сказала Марина, коснувшись ладошкой его груди и строго глядя снизу вверх. — И не возникай.

Продолжение следует...

Василий Лодыгин

Чужис 1947 воын Кулёмдін районса Габов грездын. Помаліс Керчомъяса шёр школа, Коми государственной педагогической институт. Служитіс армияны, велёдіс школаын. 1972 восяны журналистад. Оңи «Парма гор» газетын медшёр редактор.

Поэт. Ләдзис кывбурзяса 8 небög. Тарысы өтдор дасытис поэтъяслыс 4 өтүвъя сборник.

Лөсъёдö и сыыланкывъяс. Сылён водзмостчомён котыртёма да быд во мунёйнія коми сыыланкывъяслён республика тишупёда «Василей» фестиваль-конкурс.

Россияса гижысъяслён да журналистъяслён котырзясо пырысы. Коми Республикалын культураын нимёдана уджалыс.

«Тадзи восьта полойлы йозё петан вис...»

* * *

Керкаыд кё нем виччысътöг сотчис,
Эн на чайт, мый олomyдлы пом.
Ләдзас овны, кодлён керка орччон,
Либо мёд оз шу, мый содтöд вом.

Век на ловъя миян татшом бурыс,
Век на пикё воём мортыс жаль.
Мортсö дорийс мортыс век на сюрас,
Юкас шöром, пöрччас юрсыс шаль.

Эн тэ чайт, мый лёкыс гёгёр вермё,
А тэ аддзы: ёнмё бурлён борд.
Мортыс мортон коляс, а оз звермы,
Сы вösна мый сийö збыльсь морт.

Видзёдан да, кыптас дзик выль керка,
Судзсяс уна йозлён уна ки.
Эг кё олой сёлём кылём серти,
Эг нин вёлой му выласось ми.

* * *

Көтү сёрён, тулыс гортас век жё воис
Да аддзис, мый эг усьёй лолён ми.
И, гашкё, таысь вель на шаньён лоис
Да ёзтіс кыдзяяс вылын вежов би.

И синъяяс водзын вирдыштісны джыдджъяс,
Да аддзим: джуджыд енәжыс дзик лёз.
А льомийыс плавгис еджыд-еджыд чышъян
Да гудёк корсыны тшょктіс миянёс.

Дзик тырыс удж, а колипалё лолыд,
Он вылышысь чуж, а лолан быттьё мёд.
Тадз овлё сёмын, тулысыс кор волё,
А мыйла тадз, сё збылышысь, ме ог тёд.

* * *

Енмыс эм ли абу, ме ог тёд,
Ола сідзи, быттьё сійё эм.
«Ентёг олём, — шуліс мамой, — сьёд,
Сытёг морттö тёлочитö нэм».

Енмыс сідзсо уна оз и кор,
Сёмын вёч, мый абу лёк, а бур,
Ло век мича лола йёзыс дор,
Некодёс эн некор йир да пур.

Да эн кор, мед содтіс таысь нэм,
Кытчёдз видзас, сысь аттьё шу.
Мамё шуліс: «Енмыс, Василь, эм!»
Менам сылён кодь жё олан ру.

* * *

Вёрсё-васё видзода,
Телевизор — ог.
Вёрсы-ваыс мича да,
Озджык кусынът шог.

Мен Москвалысь бызгёмсö
 Кывзыны зэв дыш.
 Кывза юлысь ызгёмсö,
 Лэдзла пипу пыж.

Тадзи восьта лолойлы
 Йёзö петан вис.
 Бордомыс, дерт, лоло и:
 Морт од, абу из.

* * *

Гожём небыдика сыліс
 Да и эновтіс шань горт.
 Чышъяныд күш пызан вылын,
 Быттьё бобулыслён борд.

Плавгысъёма, уна рёма,
 Быттьё дзоридзалысь видз.
 Кыпыйд ловнас кутчысъёмён,
 Век на күттө ловъя мич.

Но од воймас. Сьёлём доймас,
 Нимкодясъны оз нин куж.
 Мед кёть эськё арса войнас
 Эз на инмёдчывлы пуж.

Штудии

Владимир Шаронов

Владимир Иванович Шаронов родился в посёлке Вой-Вож. Заканчивал школу в посёлке Нижний Одес. Учился и работал в Ухтинском индустриальном институте, затем — в министерстве культуры РК, ГТРК «Коми гор». Во время учёбы в аспирантуре на кафедре теории культуры Санкт-Петербургского института культуры сблизился с религиозно-философским кругом, сложившимся вокруг ученика и душеприказчика Л. П. Карсавина — Анатолия Анатольевича Ванеева. По настоянию А. Я. Куклина и К. К. Иванова несколько лет занимался разысканием бывших заключённых Абезьского инвалидного лагеря и установлением могилы Л. П. Карсавина. При активном содействии литовского патриота Альгердиса Шеренаса, профессора СГУ В. А. Семенова и участии архимандрита Трифона (Плотникова) могила была установлена на чудом уцелевшем лагерном кладбище в посёлке Абэзь. В основу предлагаемой статьи легли материалы, собранные автором в течение последних

шести лет, помимо российских городов, в особом архиве Музея геноцида литовского народа в Вильнюсе, библиотеке Вильнюсского университета, личных архивах М. В. Скргинской, Е. И. и Л. А. Ванеевых, К. К. Иванова, отца Павла Адельгейма, Ф. Лесур и др. В настоящее время живёт в Калининграде.

Русский Лев — литовский Платон...

«.....

.....

Оставь герою сердце!

А. С. Пушкин

Лев Платонович Карсавин по свидетельствам близко знавших его людей был весьма склонен к ярким характеристикам. Младшая дочь Сусанна Львовна вспоминала, что «отец ради красного словца мог не пожалеть никого». История любит особенно иронично отнестись именно к историкам. По её воле несколько красивых, но поспешных фраз, сказанных о самом Карсавине в конце 80-х годов, и по сей день словно забавляются, играя с именем этого мыслителя и коварно отвлекая своей внешней привлекательностью от глубоких, а иногда и трагических обстоятельств судьбы этого очень непростого религиозного мыслителя. «Литовский Платон» — это про Карсавина. Так сегодня его уже привычно именуют в Литве, где Лев Платонович провёл более двадцати лет своей жизни вплоть до ареста в 1949 году. За что же русский историк, философ и поэт получил столь высокопарный титул, возносящий его едва ли не на вершины философского Олимпа? Увы, этот, казалось бы, простой вопрос застаёт врасплох не только россиян, но и литовцев из среды академической науки. Но не только высокое признание, а и

само решение Льва Платоновича поменять в 1928 году почти трёхмиллионный Париж — этот признанный центр европейской культуры, на едва ли стотысячный Каунас разве не рождает множество вопросов? Расхожая фраза: «Он — Карсавин — хотел быть ближе к России» вряд ли может быть исчерпывающим ответом и скорее усиливает, чем объясняет странность карсавинского выбора. Это очередное романтическо-патриотическое клише лишь в очередной раз сбивает с толку и, что важнее, совсем «не идёт» к непростому характеру Льва Платоновича.

Чтобы получить ответы на эти и другие вопросы, стоит для начала хотя бы пунктироно вспомнить, как соотносились культурные пейзажи Каунаса и Парижа в конце 20-х годов. Два наиболее значительных события происходят в столице новой Литвы в год переезда в него Карсавина: открытие памятника Свободе и пуск первого в истории города... водопровода. Правда, к недавно появившемуся здесь автобусу уже начали привыкать. А Париж, помимо живущих в нём миллионов толстых и тонких, богатых и нищих, умных и не очень «человеков», это — известные и даже вовсе великие имена, идеи и течения, определившие едва ли не всю панораму прошлого века. Это — Гертруда Стайн, Эрнст Хемингуэй и Генри Миллер. Это время сюрреализма и дадаизма. Это Пабло Пикассо, Фернан Леже и Жорж Брак... Это первые опыты сюрреалистического кино — «Раковина и священник» Жермена Дюланя и «Андалузский пёс» Луиса Бунюэля в соавторстве с Сальвадором Дали. Это Анри Бергсон, Эммануэль Мунье. И это — та самая Жанна-Флорентина Буржуа, она же — несравненная Мистингетт. Между прочим, — та самая королева песни, среди всего прочего придумавшая высокие перья танцовщицам из «Мулен Руж». Но отнюдь не по этой причине её единственную из всего списка гениальных парижан вспоминает Лев Платонович в своей «Поэме о смерти». Чем так задела она его, чтобы он поместил её в одном ряду с такими именами, как Аристотель и Шекспир? Что такого расслышал Карсавин в, казалось бы, легкомысленной песенке, чтобы он заявил: «Мудро поёт Мистингетт: «Il t'a vuie nre, plus que nre...» Ведь в произведение, написанное Карсавиным по приезде в Литву и названное им самим самым главным в своей жизни, так просто не попадают: здесь все имена и образы отобраны чрезвычайно тщательно, а многие пропали, не выдержав многократного редактирования автора. От того, что всё своё — непростое и главное — стремился Лев Платонович не забыть выразить в этом произведении, вышла поэма очень мудрой, не всякого даже серьёзного читателя допускающего до себя. Текст её так напряжён невидимыми судорогами страсти, владевших когда-то автором, так закручен в сложные сплетения и узлы, что местами просто духовно небезопасен. Трезво понимая это, Карсавин ещё больше зашифровывает и маскирует подступы к скрытому смыслу. Он то юродствует, то ещё дальше — откровенно фигляรствует и кривляется чертякой», то вдруг совсем неожиданно и как будто некстати делится своими мистическими откровениями и прозрениями о взаимных страданиях Творца и Творения. Так, — за маской шутовства — Карсавин заявляет о самых высоких истинах, понимание недостойности которых не мешает автору утверждать их значительность уже потому, что они открылись Льву Платоновичу настоящей любовью. Эта любовь- страсть к женщине, с которой он расстался, как и рождённые этим разрывом страдания, ломали его душу ещё после изгнания из России в Берлине, и позже —

в Париже. В том самом, где по словам Марка Шагала, сказанным именно тогда, «или умирают с голоду или становятся знаменитыми».

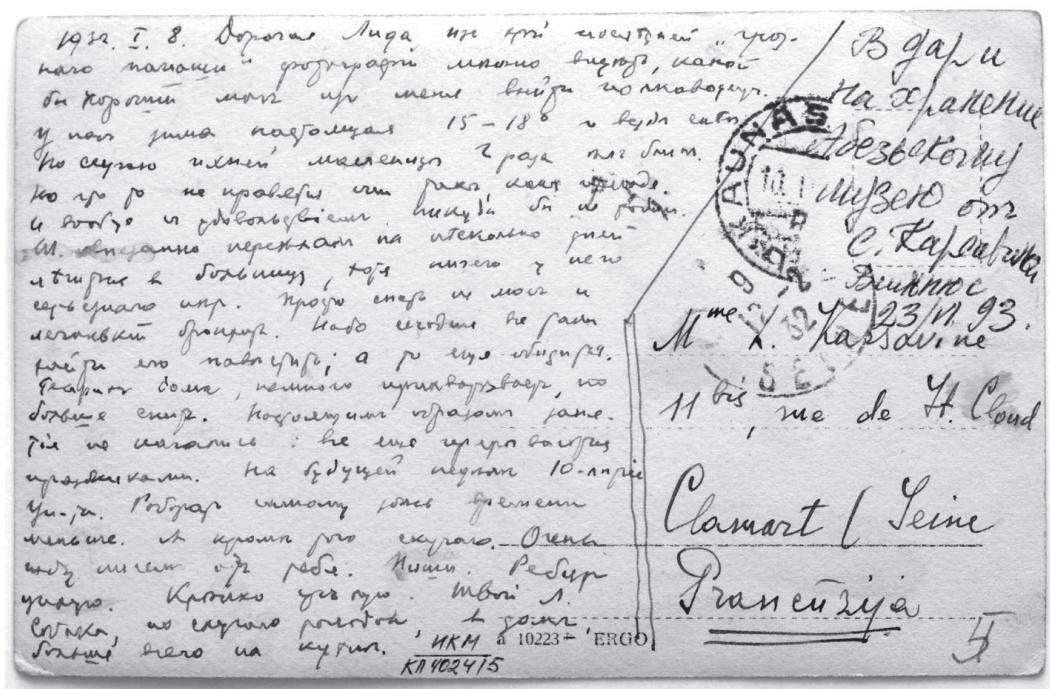
Но как бы ни была здесь сложна жизнь русских эмигрантов, уже одно их количество превышало всё вместе взятое население Каунаса. И если во французской столице перечень знаменитых имён коллег и соотечественников Карсавина — философов, историков, публицистов едва ли уместится на сотне страниц, то

среди трёх тысяч этнических русских горожан Каунаса такой же список с русскими фамилиями уместится на листочке. Впрочем, национально-этнических языковых барьера в то время в Литве не было уже потому, что языком Пушкина в недавно созданном университете новой — свободной — Литвы владели все. Образованную часть публики Каунаса вне зависимости от национальности составляли преимущественно выпускники университетов недавно рухнувшей Российской Империи.

Так что не стоит удивляться, что жена и три дочери Льва Платоновича, мягко говоря, воспротивились идее переехать, как тогда считалось, на «задворки Европы». Да, Лидия Николаевна не

Хранится в Интинском краеведческом музее. Фото
подарено младшей дочерью Льва Платоновича Сусанной
краеведу и патриоту посёлка Абэзь В. В. Ложкину.

последовала примеру жён декабристов, но неуместно будет из нашего «далёко» начать «по-христиански» рассуждать об обязанности супругов нести общий крест и поддерживать друг друга в страданиях... Тем более, что страданий на каждого из Карсавиных выпало к тому времени предостаточно и ещё больше их было назначено в будущем.

Так или иначе, но Льву Платоновичу, или, как он в шутку называл себя в кругу родных — «грозному папаше», пришлось в одиночестве прожить в Каунасе вплоть до 1936 года, когда в Каунас наконец приехали и Лидия Николаевна, и дочь Сусанна. Почти восемь лет Карсавин провёл в одиночестве, лишь наездами встречаясь с семьёй, оставшейся в Кламаре. Туда и приходили от него открытки, конверты с надписанным адресом: «Clamart, m-meL. Karsavine, rue de St. Cloud». Но не стоит сегодня искать тот снимаемый Карсавиными дом по этой надписи. Он находился в небольшом дачном местечке, куда принято было писать на адрес почтового ящика. До наших дней этот дом на чётной стороне разросшейся улицы с тем же названием сохранился почти без внешних переделок, он значится теперь под номером 26.

По-человечески вполне понятно, что именно ради устойчивого благополучия подрастающих дочерей Лев Платонович отказался от столь нужной ему как учёному возможности пользоваться богатством роскошных парижских библиотек. К тому же, заработка в евразийском движении из благотворительных средств британского миллионара и востоковеда Генри Сполдинга грозился иссякнуть. Причинами этого были не идеальные расхождения, а более разрушительные обстоятельства: человеческая неприязнь и даже вражда между П. Н. и близким к Г. Г. Сполдингу — П. Н. Малевичем-Малевским, через которого шло финансирование.

Да и с идейным единством среди идеологов евразийства всё было трудно и зыбко. Оценивая перспективы своего участия в евразийстве, Льву Платоновичу было очевидно, что явное потепление отношений в конце 20-х годов между «кламарским евразиархом» — как называли Карсавина молодые евразийцы, и Николаем Трубецким и тем же Петром Савицким так же неустойчиво. К тому же значительно более старший по возрасту и умудрённый жизненным опытом Карсавин уже не без оснований подозревал молодых евразийцев — Нину Клепинину-Сеземан, Петра Арапова, Александра Ланового и даже Сергея Эфроня и других в связях с ОГПУ.

Уезжая, Карсавин отшучивался на недоумения знакомых цитатой из Салтыкова-Щедрина: «Прикажут, и акушером стану». Правда умалчивал, что «акушеру» в Каунасе уже было предложено жалованье приглашённого профессора, сопоставимое с генеральским. В месяц Карсавину полагалось 3 тысячи литов. Для сравнения: жена Лидия Николаевна в одном из писем сообщает, что нанятой на полный рабочий день домработнице они платят в месяц... 30 литов. То есть зарплата Карсавина отличалась от реального «прожиточного минимума» в 100 (!) раз.

Ещё одним, хоть и косвенным, фактором своего надёжного положения в Литве был расчёт Карсавина получить поддержку и помочь премьер-министру Литвы Августину Вольдемарасу. В 1909 году они вместе оканчивали Санкт-Петербургский университет, а затем оба преподавали там же на историко-философском факультете.

Не последним обстоятельством в выборе Каунаса для Льва Платоновича было и то, что его кандидатуру каунасская профессура рассматривала наравне с признанным медиевистом, учеником самого Ключевского, Робертом Вишпером. То есть, приглашение стало самой высокой профессиональной оценкой и признанием Карсавина в стране, где католичество, столь последовательно беспощадно критикуемое Львом Платоновичем в самих доктринальных основаниях вероучения в таких работах, как «Восток, Запад и русская идея» и «Уроки отречённой веры», было не формальным вероисповеданием, а основой национального самосознания. Правда, нападая на Западную Церковь, Карсавин в иных случаях говорил, что в ней, как и в Церкви Восточной, Православной отразилась своя сторона христианского Откровения. Больше того, всегда склонный к творческим провокациям, идущий зачастую попрёк устоявшегося мнения, в других своих работах Лев Платонович мог одновременно с критикой отзываться о католичестве в самых превосходных выражениях... И, тем не менее, по понятным причинам критичное отношение Карсавина к Римской Церкви в Литве — одной из традиционных цитаделей ордена иезуитов — было известно слишком хорошо.

Вот почему любезное письмо, отправленное Карсавину в Кламар 9-го декабря 1927 года ректором Винцасом Креве-Мицкявичусом, почти сразу ставшее достоянием общественности в Каунасе, стало причиной скандала. В прессе стала разгораться полемика. Оно и понятно: вся Литва и, особенно, столица с воодушевлением ждут открытия памятника Свободе, а университет приглашает известного противника католичества!

К тому же и это университетское решение было не слишком единодушным. Имя Карсавина, как тяжёлый, но неустойчивый валун, оказалось между двух волн критики, ударяющих то «справа», то «слева». Профессура, придерживающаяся «левых» взглядов, была против приглашения Льва Карсавина и как представителя православия, и как представителя белоэмигрантов. По их мнению, другой репутации человек, которого большевики в 22-ом году выдворили за пределы Советской России, не заслужил. Критику с «правой» стороны возглавил прелат А. Якштас-Домбраускас, — культовая фигура литовского национального возрождения тех лет. Позиция прелата, имевшего превосходное теологическое образование и репутацию патриота-просветителя была максимально радикальной: «Если он /Карсавин/ порядочный человек, то он должен посмотреть на своё приглашение, как на настоящее qui pro quo или странное недоразумение». По характеристике Домбраускаса Карсавин — русский по национальности, по вере — православный в крайней степени, в политическом отношении — евразиец. В настящее время его профессия — богословие. Это отношение прелата ко всему прочему было не просто эмоциональным неприятием, но последовательной и аргументированной позицией авторитетного католического священника.

Домбраускас ещё в 1925 году познакомился с работой Карсавина «Уроки отречённой веры» и по этому поводу написал в католическом журнале «Путь истинный», что для Православной Церкви характерно то, что в ней большую роль играют не статусные иерархи — такие, как Филарет или Макарий, а такие светские мыслители, как Хомяков или Карсавин. Прежде всего, потому, что они гораздо убедительнее и даже заразительнее пишут. Теперь, спустя три года, прелат вполне аргументированно обращался к литовской общественности: «Можно ли позволять,

чтобы университет за деньги литовского правительства кормил противника католичества, который будет портить литовскую молодёжь?» Квалификация Карсавина, — историка им также была поставлена под сомнение.

В полемику вмешался Владимир Шилкарский, который знал Карсавина ещё в молодые годы. Шилкарский не менее аргументированно, чем Домбраускас доказывал, что богословие у Карсавина нисколько не мешает, а наоборот, помогает глубже понимать историю и исторические события. По мнению Шилкарского, Карсавина не принимает часть литовской интеллигенции «как человека и с кафедры, и в печати открыто исповедующего, что между учением Христа и положительным научным знанием не только нет противоречия, но существует глубокая и полная гармония».

Характеризуя Карсавина-учёного, Шилкарский одним из главных его достоинств заявлял о том, что Лев Платонович «расширил область своего изучения на догматику и философию христианства, что, не удовлетворяясь эмпирическими обобщениями исторического материала, он счёл необходимым осмыслить пути, по которым идёт род человеческий, и для этого обратился к помощи философии». Отвечая на возражения против приглашения Карсавина, Владимир Шилкарский остроумно парировал Домбраускасу, что если следовать его логике рассуждений, то верный сын Англиканской Церкви Исаак Ньютон никогда и ни за что бы не получил место профессора математики в литовском университете уже потому, что комментировал книги Ветхого Завета с сомнительных для католичества позиций.

Но не веские или остроумные доводы *Pro & Contra* решили судьбу полемики. Совершенно неожиданно Лев Платонович, известный своими крайне резкими, хлёсткими и порой доходящими до грубости оценками, обратился к прелату Дамбраускасу с личным письмом:

«Я очень хорошо понимаю Ваши побуждения и как католика, и как литовца. Ваше письмо меня, говорю откровенно, устыдило тем, что Вы смогли стать выше моих слишком задорных, сознаюсь, формулировок и подойти к существу дела, равно дорогого и Вам и мне.

Хочу я ответить сожалением о допущенных мною в них резкостях, неизбежно оскорбляющих религиозное чувство католика. Отнесите это на долю моего неудобного темперамента и внешних условий, и будьте уверены, что моё отношение к католичеству исключает всякое желание оскорблять и задевать права католика.

Вы, уважаемый прелат, дали мне урок истинно христианской терпимости, который я с благодарностью и раскаянием приемлю».

Насколько это письмо было совершенно поперёк обычных реакций Льва Карсавина, можно понять, если вспомнить, какая непростая репутация колючего саркастического человека закрепилась за ним ко времени переезда в Литву. Вот только некоторые характеристики Льва Карсавина, оставленные в воспоминаниях знатных людей ещё в университетский период:

«Смуглый и худой, похожий на свою сестру, всемирно известную балерину, Карсавин очень красив, но красив декоративно...»

«Особенно поражают его необыкновенные глаза. Я бы сказал, что глаза его не русские. По семейному преданию, семья Карсавиных происходила от Палеологов, византийской императорской семьи, которая дала России великую княгиню

Софии Палеолог. Глаза его стали для меня ключом ко всему его творчеству. Это — древнегреческие глаза».

«В его умном сосредоточенном лице мало мягкости, доброты и той светлой одухотворённости, которые так характерны были для его учителя Ивана Михайловича Грэвса. Что-то затаённое и недобро-насмешливое поразило меня в этом значительном лице талантливейшего молодого учёного».

«Ещё в годы первой мировой войны Иван Михайлович Грэвс мне говорил: «Из всех моих учеников я первым по талантливости ставлю Георгия Федотова. Но, конечно, выше всех сравнений я считаю сверхдаровитого Льва Карсавина».

«От самого Карсавина всё-таки смутное впечатление: конечно, он очень талантлив, очень много работает, прекрасно знает эпоху XII–XIII веков. Но как-то чувствуется, что он знает себе цену и его позиции сдвинуть ничем не возможно; на все возражения он отвечает: это для меня не важно, это не интересно...»

«Карсавин любит критиковать, Его душу поднимает спор, опровержение, развенчание, победа за счёт поражения других».

«Переоценка ценностей» его стихия. Мудрёный он человек и, во всяком случае, большой озорник».

«Вообще же Карсавин, человек, который очень легко обижает, и потому от него хочется быть подальше, хотя и признаёшь его очень интересным человеком».

Но всё же главным стержнем долгого общественного неприятия Льва Платоновича стали история страстной любви Льва Платоновича к его слушательнице на Бестужевских курсах Елене Скржинской и книге «Noctes Petropolitanae» (Петербургские ночи), посвящённой этим отношениям. В религиозно-философской среде на эту работу и на автора сразу же навесили ярлыки — «богословская эротика», «учёный эротоман». Весьма показательно то, что наиболее вызывающая, эпатажная часть — «Вторая ночь» ранее уже была опубликована Карсавиным в форме статьи под названием «Фёдор Карамазов как идеолог любви», но никакого скандала она тогда не вызвала. В тишине «Ночей» всё прозвучало иначе...

Чтобы понять резкость оценок, прозвучавших в адрес Карсавина, нужно иметь ввиду, что петербургскую исповедь Карсавина оценивала не нынешняя привыкшая ко всему современная равнодушная публика, а прежняя, воспитанная веком девятнадцатым. Ей, ещё склонной к текстам в духе «Добротолюбия» вместо душеполезных наставлений, написанных в IV–XV веках, предлагались следующие разъяснения: «Сама жажда осквернить понятна лишь на почве острого ощущения того, что оскверняется. Мне кажется, мы ошибаемся, испытывая вместе с Митею только чувство омерзения, когда всматриваемся в лицо старика и вслушиваемся в его голос, окликающий Грушеньку, когда не хотим вникать в глубокую нежность неожиданных в его устах эпитетов: «маточка», «ангелочек», «цыплёночек». Здесь рабство и нежность, та нежность, которая не знает: как назвать любимую, какое новое имя для неё измыслить, которой хочется принять любимую, как милого наивного ребёнка».

Ещё меньше к снисходительности широкую публику подталкивал житейский фон, сопутствовавший выходу в свет «Ночей», — о романе профессора со студенткой к тому времени знало уже слишком много людей. Ходили даже небеспорченные слухи о попытках законной супруги Лидии Николаевны закончить счёты с жизнью в студёных водах Невы...

Несмотря на наличие семьи и трёх дочерей Лев Платонович не только не стал скрывать любви к Елене Чеславовне, но сделал её главной темой книги, представив черты лирической героини «бессовестно и слишком узнаваемыми». Понятно, что по общему мнению православной общественности автор «не может себя считать христианином по убеждениям». Карсавин же, судя по авторской надписи на форзаце отдельно изданной специальной книжки с указанием «Экземпляр Елены Чеславовны Скржинской», ни на какое общественное признание и понимание и не рассчитывал. «Эта книга, — написано рукой Карсавина на том, подаренном ей экземпляре, — написана только для одного человека, который её отвергает».

В этой книге, как значительно позднее написали авторитетные исследователи творчества Карсавина, изложены почти все основные философские идеи Льва Карсавина. Но тогда, по выходе в свет «Ночей», рассмотреть, различить их в спёкшемся сплаве мистических озарений, чувственных переживаний, спекулятивных построений научного ума было некому. Слишком вызывающи были противоречия души чувствительной и, в то же время, умеющей быть беспристрастной, слишком глубоки были противоречия натуры, глубоко переживающей свою безудержную страсть и даже купающейся в своих чувствах и тут же окатывающей их ледяным рассудком. Слишком несоединимо соединение мистических озарений и рассуждений о низком и подлом.

Сейчас, по прошествии времени, когда и Лев Карсавин и Елена Скржинская давно пребывают в мире ином, а историю их любви остудил невозмутимый поток времени, мы можем иначе взглянуть на духовные коллизии «Петербургских ночей». Приведу, на мой взгляд, наиболее уместный и важный фрагмент из личной переписки с моим другом религиозным философом К. К. Ивановым, много обсуждавшим тему «Ночей» ещё с Анатолием Анатольевичем Ванеевым — учеником и душеприказчиком Льва Карсавина:

«Нравственно шокирующие провокации автора остаются тем воистину аморальным шлейфом, который тянется за отчаянным его прорывом за пределы нравственных оценок. Надо признать и то, что аморальное аморально, заслуживает определённой оценки, но ещё и то, что оно выходит за пределы оценок.

«Сама жажда осквернить понятна лишь на почве острого ощущения того, что оскверняется». Вы верно отметили важное: эти строчки Карсавина не подверглись критике. Они, действительно, вне её. Они восходят к теме В. В. Розанова: религиозные запреты в области эроса связаны с его святостью. Но Карсавин скользит к оправдательным оценкам, которые ещё хуже, чем осуждающий морализм. «Глубокая нежность» — опасная ошибка. Достоевский знал, что вблизи «идеала Мадонского» прячется «идеал садомский», что под видом «глубокой нежности» в душу прокрадывается тёмная сила, желающая предстать, по словам Апостола, ангелом света. Похоть переживается как нежное умиление. Обёрткой оказывается, как Вы отметили, самолюбование своими чувствами, от которого Карсавин не сразу избавился, что и подвело его вопиющим безвкусием в «Ночах». Как раз не «глубокая», а «глубоко поверхностная» нежность примитивной похоти облекается в глубокую любовь. Оправдываться не приходится. Но можно видеть, что Карсавина, как многих наших мыслителей, увлекал божественный свет в глубине человеческой, эrotической, романтической любви».

Итак, сама тема, а не только артистичность стиля, его чрезвычайная яркость и традиционный для русской религиозной мысли элемент юродства сыграли с Карсавиным злую шутку. Сколько бы ни убеждали одинокие голоса публику, ни теоретически, ни практически Карсавин не оправдывал пошлости и похабности героя Достоевского, многие сочли автора едва ли не адвокатом Фёдора Павловича. Меж тем Карсавин следовал по существу за столь же дерзкими мыслями Владимира Соловьева, Василия Розанова, Николая Бердяева, Дмитрия Мережковского и других. Но только в неосторожной, вызывающей, эпатирующей манере, усиленной узнаваемыми приметами своей истории любви. Вслед за ними он продолжал важную для русской философии тему о религиозном значении романтической любви и вечной женственности. Так что картонный барельеф Афродиты — маленьющую копию одной стороны знаменитого Трона Людовизи, Лев Платонович совсем не случайно подарил своей Елене. Этот картон свидетельствует о направлении мысли и чувств автора «Петербургских ночей», осмысливающего тему созидающе-разрушающей женственной силы и пребывающей за пределами человеческих суждений.

На его обратной стороне Карсавин вывел продуманно уместную строку из еврипидовского «Ипполита»: «Гордое сердце богов и людей ты, Афродита, смиряешь». Этот подарок Е. Ч. Скржинская всю свою жизнь сохраняла над своим рабочим столом в Ленинградской квартире. Сегодня Афродита всё также нашла себе место над рабочим столом, только в киевской квартире дочери Елены Чеславовны — Марины Владимировны Скржинской, авторитетного учёного, доктора исторических наук.

Как всякая, связанная с подлинными мистическими озарениями книга, а их в «Петербургских ночных» легко найти в избытке, это произведение незримо определило основные повороты личной судьбы автора. В конце концов, именно эта тоненькая книжка привела Карсавина в Литву: именно из-за неё Льву Платоновичу отказали в месте профессора Свято-Сергиевского православного богословского института, обеспечившим многим принятым сюда долгую и относительно налаженную жизнь в Париже. Крупнейший мировой специалист по творчеству Карсавина профессор Лионского университета Француаза Лесур в беседе со мной обратила внимание на один весьма показательный отзыв о Карсавине в письме Семёна Франка к отцу Сергию Булгакову, относящемуся к тому времени. Семён Людвигович, которого в числе очень немногих почитал как философа и человека сам Лев Платонович, указывает на определённую склонность Карсавина к ереси. И на то, что он, Карсавин, «как бы» и не католик, и не православный, и «в нём сидит какой-то мелкий бес. То есть, всегда не то, чтобы провокаторство, но желание всегда воспротивиться заведённому пути». Очень и очень немногие видели тогда в этом у Карсавина предельную честность мысли, которая его направляла и которой ещё предстояло оформиться в поздних работах.

Всё то же эхо «Ночей» без труда можно расслышать и в очень непростых обертонах отношений Карсавина с создателями евразийского движения, одним из ведущих идеологов которого стал и сам Лев Платонович.

Идея привлечь к работе для нужд евразийского движения Карсавина, который в то время по сути перебивался случайными заработками, принадлежала Петру Петровичу Сувчинскому — одному из организаторов евразийства, публи-

цисту и музыковеду. Однако этому категорически воспротивился Николай Сергеевич Трубецкой — признанный лидер новой идеологической доктрины: «Ваш план привлечения Карсавина мне очень не нравится. Верю, что он учёнее, умнее и, может быть, талантливее многих. Но нравственно он подмочен и скомпрометирован. «Старшие братья» все поголовно нравственно выше его, хотя умственно не могут с ним равняться. Если мы отказались от участия в Братстве, /«Братство Святой Софии» — В.Ш./ почувствовав еретический дух, а после этого примем к себе Карсавина, то навлечём на себя совершенно правильное порицание: ведь у Карсавина дух многое похуже! Если он искренне очистится от «розановщины» и «идеологии Фёдора Карамазова», то пусть сначала основательно реабилитируется вне наших сборников: тогда можно будет подумать...» При этом надо учесть, что Трубецкой не меньше, а, может, даже и более других осознавал, какая брешь образовалась в движении после того, как из него выломился всем своим скверным характером Георгий Флоровский. Настойчивость будущего зятя Льва Карсавина — Петра Сувчинского, в конце концов сделала своё дело, но «что вкривь началось, то вкось и покатится». Отношения Карсавина с основателями евразийства от начала и до ликвидации движения так и пульсировали от «крайне сложных» до «сложных умеренно».

Как бы там ни было, но даже из этого краткого перечисления лишь некоторых обстоятельств, сопутствующих появлению Карсавина в Литве достаточно, чтобы убедиться в необоснованности идеализации переезда Льва Платоновича в Каунас. Но как, за что русский Лев Карсавин стал Литовским Платоном? Очевидно, что одного факта освоения им языка своей новой родины явно недостаточно. И тогда, и в наше время в Литве легко найти достаточно профессоров из числа русских, весьма прилично знающих литовский язык.

Как раз за освоением литовского языка в первую голову скрывается самая прозаическая причина: не выучи Лев Платонович литовский язык в оговорённый контрактом срок, ему пришлось бы из собственных средств оплачивать переводчика для своих лекций.

Но в переходе на литовский язык, чуткое ухо может расслышать многие другие полутона, в том числе, — и ноту обоснованной обиды Льва Платоновича на коллег-соотечественников, нередко «в штыки» принимающих карсавинские работы. Но не грубость ярлыков разгромной рецензии на «Ночи» тогда ещё мало кому известного Андрея Платонова в газете «Воронежская коммуна» от 9 августа 1922 года, в которой Карсавин был назван ни больше ни меньше «дохлым человеком» из «мира червивых профессорских понятий», задевали автора... И даже не их поразительная живучесть обвинений в безвкусии, сказавшаяся, например, даже в том, что некоторые платоновские строки странным образом будут перекликаться с рецензией родного брата в будущем знаменитого Михаила Бахтина. В парижском журнале «Звено» в 1926 году Николай Бахтин, словно аукаясь с той давней воронежской статейкой, пишет уже о другой увидевшей свет в Берлине работе Карсавина «О началах»: «Книгу эту, напряжённую и бессвязную, невозможно читать без чувства какого-то почти физического недомогания. Безвкусие никогда не бывает только внешним, оно всегда — показатель какой-то глубинной, душевной нечистоты. Захлебывающееся многословие, неряшливость стиля и мысли, невоздержанность в образах — нигде не могут быть оправданы, и

менее всего — в религиозном познании, где первое, неустранимое требование — это строгость и чистота».

Впрочем, к тому времени уже освобождённый от восторга даже не столько своей любимой, сколько охватившим его состоянием любви, Карсавин и сам вполне видит недостатки своих «Ночей». В письме к Петру Сувчинскому в феврале 1926 года Лев Платонович признаётся: «Ведь чувствую же я теперь саму безвкусицу моих *Noctes*, о коих и слышать не хочу. Ведь важен не автор, а поднятый им вопрос, потому существенный, что наибольшая часть моей души в работе. А не следует ли направить душу инуде, если работа не к чему? И почему это всё заметки, какие читаю, ругань (по-моему глупая и обнаруживающая неумение читать, но ведь *«ciusvis hominis est errare, praescire autem auctoris»* (*Неполная цитата латинского выражения «Каждому человеку свойственно заблуждаться, но оставаться при заблуждении никому не следует, никому, кроме безрассудного*) — В.Ш.), а другие люди, которые бы, по моему рассуждению могли бы немножко понять, молчат? Разумеется, есть возможность приятного истолкования. Непонимание и молчание свидетельствуют о значительности; и было бы не очень лестно быть понятым и ценимым эмигрантскою склокою. Но ведь возможны и другие, не менее вероятные, но менее приятные толкования. Как-то Вы меня утешили по аналогичному вопросу, о чём вспоминаю с благодарным сердцем. Но горбатого только могила исправит. Во всяком случае, одиночество вещь тяжёлая, хотя, надо полагать, и душеспасительная. Простите за исповедь какого-то сердца (не знаю горячего или холодного) в чужих стихах и в своей прозе. Значения се му, разумеется, никакого не придавайте: просто немного расписался».

Конечно, было бы неверным смотреть на факт освоения Карсавиным литовского языка только со стороны «низких истин» обыденности. Не будет «возвышающим обманом» видеть в этом шаге Карсавина, со всей ответственностью освоившего язык приютившего его народа, нечто большее, чем только расчётливость или эхо обид. Отношение к литовскому языку у Льва Платоновича стало ответом русского историка и философа на поразительную открытость его новой родины к богатству европейской культуры и её готовность впитывать лучшее в мировой науке, которую он нашёл в той Литве конца 20-х годов.

Но всё-таки, даже этой, национально лестной оценки недостаточно, чтобы понять, почему русского мыслителя позже начали именовать Литовским Платоном. Настоящий ответ на этот вопрос сегодня укрылся за давностью лет и изрядно забыт даже в самой Литве, но всё же он есть.

В 20-х годах после организации первого национального университета новой свободной Литвы со всей серьёзностью встал вопрос способности литовского языка полноценно передавать теологические, философские и культурологические идеи. Для сомнений в этом были вполне серьёзные основания: едва заявивший о себе в начале XIX века национальный литературный язык уже в 1884 году попал под имперский закон, запрещавший употребление латиницы. В официальной печати предписывалась «гражданка», то есть, — использование только кириллических букв. Этот запрет, действовавший вплоть до 1904 года, серьёзно затормозил развитие литовского языка. Аптекарские дозы книжной контрабанды на латинице из Кенигсберга только подстёгивали национальное чувство, но, конечно, не могли стать настоящим лекарством от стагнации. Так что с обретением Литвой

своей независимости тема развития литовского языка и его возможностей в контексте мировой культуры переживала особенно остро.

Лев Карсавин с особой ответственностью отнёсся в дело освоения особенностей ткани нового для себя языка. По свидетельствам Аарона Штейнберга, доверие к мемуарам которого, к сожалению, снижает многочисленные неточности и всё тот же налёт некритичной очарованности личностью Карсавина, Лев Платонович с изучением литовского совершил настоящее чудо. Предполагая, какие сложности возникнут при попытке излагать философские и богословские тексты на литовском языке, Карсавин стал брать уроки не только у академических знатоков, но и у студента — сына литовской крестьянки. «Как мама скажет, так и правильно», — всякий раз отвечал юноша на трудный вопрос о подборе нужного слова для перевода. Этой искренней реакции Карсавин, свидетельствует Штейнберг, искренне восторгался: «Подумайте, какое счастливое положение в народе, когда мама-крестьянка есть Академия наук. Даже завидно». Памятую о санскрите, как первооснове русского и литовского языков, вслушиваясь в те и другие смысловые нюансы, Лев Платонович вместе со Стасисом Шалкаускасом, Антанасом Мацейной и другими товскими подвижниками проделал свою часть бесценной работы по «реабилитации» и своеобразной «сертификации» литовского гуманистического языка. В предисловии к первому тому «Истории европейской культуры», написанному на литовском и увидевшем свет в 1931 году, Лев Платонович написал: «Право, слишком много у этой книги трудно сопрягаемых целей — и написать её складно было трудно.

Я взялся за её написание, едва сводя концы с концами по-литовски, и только в процессе написания лучше освоил язык. Прошу извинить мне, что многое сказано слишком по-литовски». Скорее всего, памятую о возможных остаточных подозрениях в собственных антикатолических настроениях, Карсавин специально оговорил главный замысел своего масштабного труда:

«Несомненно, можно по-разному оценивать Западную Церковь, однако великое историческое её значение очевидно, как очевидно и то, что только изучение христианства позволяет историку обнаружить подлинное основание культуры европейцев — христианской культуры...»

(Всего увидело свет пять томов, последний — в двух книгах. В настоящее время на русский язык переведён только первый том — В.П.)

Изложение Карсавиным на литовском языке исторических, теологических и философских тем, по общему мнению, отличалось точностью характеристик и плотностью мысли. Ещё одним ответом, окончательно устранившим все сомнения о судьбах литовского языка, стал опыт перевода Львом Платоновичем фрагмента гегелевской «Феноменологии духа».

Создатель парижской семиотической школы Альгирдас Греймас, известный, прежде всего, тем, что соединил французский структурализм с достижениями русского формализма (В. Я. Пропп и другие), был одним из слушателей лекций Льва Карсавина. Он учился в Каунасе на юридическом факультете, но все эти два года (1934 и 1935 гг.) неукоснительно ходил слушать Карсавина на смежный — исторический факультет. Уже став человеком с мировым авторитетом и именем, Альгирдас Греймас так вспоминал об этих лекциях Льва Карсавина: «Он говорил по-литовски в совершенстве: слушая его, я отдавал себе отчёт в том, что литовский

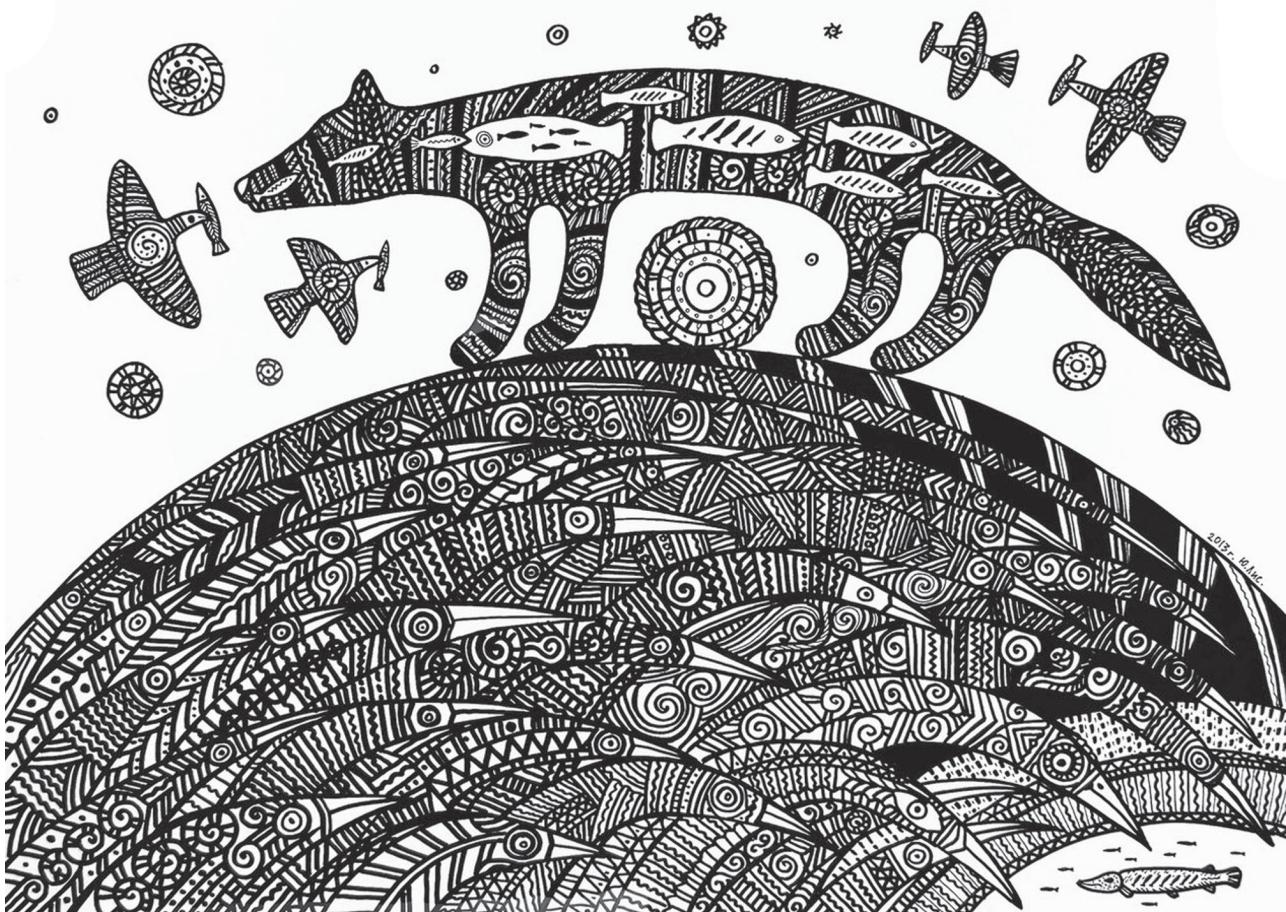
язык способен быть одновременно ясным и утончённым. Мне удалось встретить в жизни ещё только одного человека, язык которого был столь же прекрасен и высоко культурен. Но он был сыном другой империи — Адорно».

Тема связи тех, давних лекций Л. Карсавина и одного из исследований А. Греймаса о влиянии на ход мировой истории «маленького» человека: от Наполеона — к Ленину, далее — к Муссолини и Гитлеру и Сталину ещё ждёт своей разработки. Во всяком случае уже сейчас можно сказать, что в нём, как и в других работах Греймаса, можно обнаружить и заразительную карсавинскую склонность соединять несоединимое, и чуткость к здесь и сейчас разворачивающейся истории. То, что Лев Платонович осознавал себя находящимся на острие идеологической схватки, подтверждают не только доносы, отражённые в личном деле «Алхимики», под каковым именем значится Карсавин в секретном формуляре НКВД, но и даже шутливая надпись на фотографии 1932 года: «Из этой посланной «грозного папаши» фотографии можно видеть, какой бы из меня мог выйти полководец».

И, наконец, ещё одно значение, которое можно вывести из карсавинского титула «Литовский Платон», имея ввиду его главную идею о Жизни Бога через Смерть, выводящую нас к главной теме о христианском смысле атеизма, развиваемую впоследствии Карлом Ранером, отцом Сергием Желудковым, Анатолием Ванеевым, Константином Ивановым и другими. Карсавин считал, что рождение Христа онтически, т.е. в отношении бытия, представляет собой центр истории мира. История же развертывается от этого центра вдоль оси времени сразу в обе стороны — и в будущее и в прошлое, хотя для нас она и представляется движением только в одну сторону, всегда из прошлого в будущее в хронологической последовательности. В этой идее Льва Карсавина можно рассмотреть свою «симметричность» предчувствий христианского откровения Великого Платона и озарений о новых отношениях Творца и Творения Платона Литовского.

Арт-факт

Ирина Котылева

Котылева Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии Республики Коми в области культуры (1997), в Национальном музее Республики Коми работает с 1995 г., с 1999 по 2004 г. была зам. директора по науке, с 2005 г. – директор НМРК. В 1989 г. закончила Сыктывкарский университет по специальности «история», в 1996 г. – Екатеринбургский университет по специальности «искусствоведение». В 2005 г. обучалась в Академии менеджмента в Нижней Саксонии (Германия). Автор более 50 статей по истории и культуре региона.

Иконография св. Стефана Пермского XVII в.

Развитие иконографии «святителя пермян» св. Стефана Пермского является частью почитания первого епископа пермского. Особенностью развития почитания Стефана Пермского первоначально стало доминирование текста, распространение жития, создателем которых был Епифаний Премудрый, сподвижник и биограф великого современника Куликовой битвы. По преданию, Епифаний Премудрый создал и первый образ первого епископа пермского, который был возложен на раку Стефана, упокоенного в великоокняжеской усыпальнице в соборе Спасе-на-Бору в Московском кремле в 1396 г.

Основываясь на архивных документах и дошедших до нашего времени иконо-писных образах, можно говорить, что в XVII в. начинается активное формирование иконографии «зырянского апостола». В то же время следует отметить, что образы святителя Стефана присутствуют в миниатюрах «Лицевого летописного свода», созданного в XVI в. по заказу Ивана Грозного.¹

Особо следует отметить, что XVII веком датируется ряд житийных икон св. Стефана. Появление житийных образов, представляющих в центре образ святого и по периметру в клеймах (изображениях) сцены из жизни святого на основе текста существующего жития, свидетельствует о развитии почитания первого епископа пермского и, одновременно, отражает общий процесс развития иконописания на Руси, в частности, житийных икон.²

¹ Котылев А. Ю. Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси XIV–XXI веков.– Сыктывкар, 2012; Котылев А. Ю. Образы Стефана Пермского и земли Пермской в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века // Семиозис в культуре: философия и феноменология текста: Сборник научных статей.– Сыктывкар, 2009.– С. 218–222.

² Успенский Л. Московские соборы XVI в. и их роль в церковном искусстве // Философия русского религиозного искусства.– М., 1993.– С. 319.

Несомненно, особое место в ряду житийных икон Стефана Пермского занимала икона из Московского Кремлёвского собора Спаса-на-Бору (в настоящее время место нахождения иконы неизвестно, вероятно, она была утрачена в результате разрушения собора в 1931 г.). Данный житийный образ св. Стефана Пермского упоминается в описи храма, составленной в 1775 г.: «...по правую сторону от царских дверей образ Преображения Господня в серебряном окладе с цатами и каменями и жемчугом, образ св. Стефана пермского в сереброзволочённом окладе, образ архистратига Михаила и Гавриила и образ пресвятой Богородицы — оба в сереброзволочённых окладах»¹. В описи упоминается также персональный образ пермского крестителя, который был в пределе, посвящённого святому, и образ, «сего Святителя в сереброзволочённом венце», который находился на раке св. Стефана Пермского.

В 1855 г. главным архитектором кремлёвского дворца, профессором Ф. Ф. Рихтером, занимающимся реставрацией храма Спас-на-Бору, было принято решение «о необходимости очистить заново все иконы в иконостасе» с представлением этой работы известному художнику Подключникову...».² В ряду икон, предназначенных Подключникову для реставрации, значилась и «древняя икона св. Стефана Пермского с его деяниями и чудесами». Считается, что это один из первых житийных образов «зырянского апостола». Изначально реставраторами и исследователями определялось, что эта икона «писана московским пошибом XVII в.». На оборотной стороне иконы была надпись: «С. Стефан епископ родом бъ великия России, града Устюга, сын клирика соборныя церкви С. Богородицы иже на Устюге, именем Симеона и матери Марии и первый епископ Перми бысть, иже научи вере Христове и крести грамоту по их языку составил в лето 1372 г. представись в лето 1396, тело же его положено во святом храме сем». По описаниям XIX в. икона была значительна по своим размерам: $1 \frac{3}{4}$ аршина и шириной $1 \frac{1}{4}$ аршина. Икона имела восемнадцать клейм, расположенных вокруг образа Стефана, написанного в полный рост. В настоящее время представления об этой иконе можно получить только на основе фотографии, сделанной в начале XX века. Содержание клейм можно только реконструировать по аналогии с другими житийными иконами Стефана Пермского и то только какую-то часть.

Воспроизведения копии с кремлёвского образа (только средника) были представлены в изданиях XIX в., посвящённых деяниям св. Стефана Пермского и созданной им письменности для зырян, в том числе, данное изображение представлено в книге Г. С. Лыткина «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык». Г. С. Лыткин в комментариях к своей книге сообщает, что это воспроизведение образа св. Стефана, выполненное художником Н. И. Подключниковым для великой княгини Александры Иосифовны и что он находился «в опочивальне Ея Императорского Высочества».³ Данный образ был и основой для написания ряда икон XVII–XIX вв.

Вторым известным и дошедшем до нашего времени житийным образом св. Стефана Пермского XVII в. является икона из Сольвычегодска, которая находилась в Никольской церкви сольвычегодского Крестовоздвиженского монастыря. Данная

¹ Там же.— С. 11.

² Извеков Н. Д. Соборный храм во имя Преображения Господня, что на «Бору» при Большом Кремлёвском дворце в Москве.— М., 1913.— С. 22.

³ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык.— С-Пб., 1889.— С. 13.

икона имеет шестнадцать клейм. Порядок клейм следующий: «Пророческое приветствие будущей матери Стефана, трёхлетней Марии, Прокопием Устюжским», «Рождение Стефана», «Крещение младенца Стефана», «Поставление в диаконы», «Поставление в иереи», «Труды св. Стефана в Григорьево-Богословском монастыре в Ростове», «Св. Стефан плывёт в Пермские земли», «Св. Стефан совершаает богослужение в построенным им храме», «В споре с кудесником о правой вере Стефан проходит сквозь огонь», «Отказ кудесника пройти сквозь огонь», «Проповедь св. Стефана (?)», «Крещение Стефаном пермского народа», «Поклонившись в сторону Троицкого монастыря, св. Стефан приветствует преп. Сергия Радонежского на пути в Москву», «Ответное приветствие преп. Сергием Стефана во время трапезы в Троицком монастыре», «Преставление св. Стефана», «Погребение св. Стефана».

Одна из особенностей данной иконы в том, что два клейма посвящены молитвенному приветствию Сергия Радонежского и Стефана Пермского: В 13-м клейме «Поклонившись в сторону Троицкого монастыря, св. Стефан приветствует преп. Сергия Радонежского на пути в Москву»; в 14-м «Ответное приветствие преп. Сергием Стефана во время трапезы в Троицком монастыре». Эти два клейма представляют предание, нашедшее отражение в житие Сергия Радонежского, о молитвенном общении на расстоянии Сергия и Стефана как выражения особого духа единения и взаимопонимания двух лидеров русской православной церкви XIV в.¹ Именно эта икона ярко визуально представляет особое внимание в XVII в. к содружеству, к сотрудничеству (в понимании «сотрудников», вместе трудающихся на общее благо) двух деятелей церкви XIV в. в сложный период формирования единого государства. Тема молитвенного общения Сергия Радонежского и Стефана Пермского в XVII в. находит отражение в целом ряде памятников и в первую очередь в строительстве часовни на месте, где епископ пермский молитвенно обратился к настоятелю Троицкого монастыря.

В целом прослеживается особое отношение Строгановых к Стефану Пермскому. Доказательством тому является целый ряд памятников и свидетельств архивных документов. Так, из мастерских Строгановых происходит икона «Богоматерь Боголюбская с предстоящими» (конец XVI – начало XVII в.),² где ряд предстоящих включает в себя митрополита Алексия и «припадающих митрополитов Киприана, Филиппа и епископа Стефана Пермского». Изначально данная икона находилась в Благовещенском соборе Сольвычегодска³ и была написана непосредственно по заказу Н. Г. и М. Я. Строгановых Истомой Савиным. Данная икона проявляет значимость семантической взаимосвязи этих святых для культуры XVII в. и поддержания Строгановыми идеи единения русской церкви.

Подтверждением особого отношения Строгановых к идее единой церкви и к Стефану Пермскому является роспись в апсиде Благовещенского храма. Собор

¹ Котылев А. Ю. Изображение мистического общения Стефана Пермского и Сергия Радонежского в произведениях русской церковной культуры // Музей и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 7.– Сыктывкар, 2010.– С. 106–116.

² Антонова В. И., Мнева Н. Б. Каталог древнерусской живописи (ГТГ).– М., 1963, т. II.– С. 311–312; Рыбаков А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли вологодской XIII–XVIII вв.– М., 1995.

³ В настоящее время находится в собрании Государственной Третьяковской галереи.

расписывался по велению Никиты Григорьевича Строганова в 1600 г. иконниками Фёдором Савиным и Степаном Арефьевым.¹ В росписи апсиды Стефан Пермский предстаёт в одном ряду с Василием Великим, Григорием Богословом, Иоанном Златоустом, митрополитом Киприаном, Леонтием Ростовским и другими почитаемыми русской православной церковью святыми, предстоящими перед образом Богоматери. Данная роспись является ещё одним здравым свидетельством осмыслиения в начале XVII в. Стефана Пермского как одного из значимых деятелей и мыслителей христианской церкви. Подтверждением этому является и икона «Великие Минеи» из собрания Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, которая датируется второй половиной XVII в. Св. Стефан Пермский предстаёт в данной иконе в ряду других русских святых. Данная икона здраво воплощает идею единения русского государства, которая была идеологической подоплекой культурной политики того времени.

Эта идея воплощается в одной из святынь Благовещенского храма в Сольвычегодске — так называемом саккосе Стефана Пермского (уже во второй половине XX в. было определено, что саккос изготовлен в 1665 г.), что нашло отражение в иконографической концепции росписи данного епископского одеяния, где в единой композиции предстаёт ряд русских святых.² Учитывая особенности средневекового мировоззрения и значимость реликвий в культуре Руси XVII в., следует отметить, что вполне закономерно, что идея создания, «обретения» саккоса Стефана Пермского появляется во второй половине XVII в., что во многом связано с происходящими изменениями в русской православной церкви, но ещё в большой степени с заинтересованностью Строгановых в укреплении сакральной топографии Сольвычегодска как северного центра православия. «Обретение» святыни первого епископа пермского было значимым для укрепления имени первого епископа пермского и православия в целом в их владениях, что было немаловажным в картине мира Руси XVII в.

Анализ документов и памятников показывает, что Строгановы сыграли значимую роль в укреплении культа первого епископа пермского в XVII в. в Перми Великой.³ М. С. Трубачева считает, что «внимание, обращённое Иоанникием Строгановых на Великопермский край, могло быть связано с глубоким почитанием преподобного Стефана»⁴ и отражало историю пермской епархии. В 1383 г. была образована Пермская епархия, первым епископом которой стал Стефан. Центром Пермской епархии до конца XV в. была Усть-Вымь. Первоначально в состав епархии входили земли средней Вычегды и Сысолы. Приращение новых земель епархии происходит при епископах Герасиме, Питириме и Ионе. Крещение Перми Великой было осуществлено пятым епископом Пермским Ионой. Пермская епархия состояла из Перми Малой (земли Вычегды, Сысолы, Выми) и Перми Великой (земли Вишеры и Камы). В этом контексте важно расположение

¹ Евдокимов И. Север в истории русского искусства.— Вологда, 1921.— С. 71.

² Более подробно см.: Котылева И. Н. Два саккоса — один текст... // Арт, 2013, № 3.

³ Котылева И. Н. Место св. Стефана Пермского в геокультурной политике Строгановых (к вопросу о развитии почитания первого епископа Пермского в XVI–XVII вв.) // Культурное наследие Русского Севера: память и интерпретации: к 90-летию Сольвычегодского историко-художественного музея. Изд-во «Пушкинский Дом».— С-Петербург, 2009.— С. 69–77.

⁴ Иконы Строгановских вотчин XVI–XVII веков. По материалам реставрационных работ ВХНРЦ академика И. Э. Грабаря.— М., 2003.— С. 10.

Сольвычегодска в низовьях Вычегды недалеко от мест миссионерской деятельности Стефана. Одновременно, Строгановы, идя по Вычегде и Сысоле, имели выход на Каму.

Значимой частью политики Строгановых было возведение храмов и создание монастырей в Перми Великой, где чествованию святителя зырян отводилась особая роль. В этой связи значима опись 1623 г. писца М. Ф. Кайсарова, дошедшая до нашего времени только благодаря публикациям XIX в. Пырского Преображенского монастыря, чье создание было одним из первых деяний Иоанникия Фёдоровича Строганова. Кайсаров отмечает большое количество икон в иконостасе, а кроме того, зафиксировал среди книг (Евангелие, Апостол, Книга Ефрема сирина, Исаака сирина, Псалтырь, Служебник) Житие Стефана Великопермского.¹

Описания, сделанные Кайсаровым, свидетельствуют, что в Перми Великой местами официального почитания Стефана Пермского стали Чердынь и Соликамск, основных форпостах Строгановых в их освоениях восточных земель.² В Чердыни в «храме во имя Стефана Пермского Чудотворца» главной святыней была икона Стефана Великопермского. Имевшая «прикладу 3 гривны серебряные, золочёные, басмыны, да гривна серебряная белая».³ Приёмником древнего Стефановского храма, видимо, сгоревшего в конце XVII в., стал каменный Воскресенский собор (1750 г.), в котором Стефану Пермскому посвятили придел. Одно из преданий Чердыни, бытовавшее вплоть до конца XIX в., повествовало, что «в древние времена» святыней Чердыни была икона св. Николая, писанная Стефаном Пермским.

Легенды о крестителе пермян на протяжении столетий сохранялись в с. Бондюга Чердынского уезда. По историческим свидетельствам, именно здесь до XIX в. на берегу Камы стоял «огромный крест», поставленный жителями на месте камня, на котором, по преданию, плавал Стефан Пермский.⁴ По письменным свидетельствам XIX в. в церкви с. Бондюга находилась икона Божией Матери с надписями на стефановской азбуке (икона сгорела в пожаре 1807 г.).⁵ Из с. Бондюга происходит и житийная икона Стефана Пермского XVII в., один из древнейших образов пермского святителя, дошедших до нас.⁶ Икона имеет лишь восемь клейм, но они, в отличие от всех других известных житийных икон, равновелики среднику. Как и во всех иконах, клейма читаются построчно и составляют следующий ряд: «Учение св. Стефана», «Пострижение в иноки Григорьево-Богословского монастыря», «Поставление в дьяконы», «Поставление в пресвитеры», «Благославление св. Стефана на поход в Пермскую землю», «Научение народов», «Разрушение кумирниц», «Крещение пермяков».⁷

¹ Словцов И. П. Пырский Преображенский ставропигиальный 2 класса монастырь // Пермские епархиальные ведомости. 1867. № 13. – С. 214.

² Чагин Г. С. Указ. соч.– С. 283.

³ Цитируется по Чагину. Указ. соч.– С. 284.

⁴ Чагин Г. С. Указ. соч.– С. 288. После закрытия церкви в с. Бондюга крест перенесли в Чердынский краеведческий музей.

⁵ Чагин Г. С. Указ. соч.– С. 289.

⁶ Власова О. М. Житийные иконы св. Стефана Пермского в отношении к тексту «жития» // Искусство.– М., 1999.– С. 185–191.

⁷ Власова О. М. Житийные иконы св. Стефана Пермского в отношении к тексту «жития» // Искусство.– М., 1999.– С. 185–191.

По описаниям Кайсарова, особо почитали жители Соликамска образ «местного чудотворца Стефана» с житием.¹

Прослеживается, что род Строгановых сыграл определённую роль и в объединении культов свв. Стефана Пермского и Прокопия Устюжского.² До XVI в. почитание Прокопия Устюжского в основном было распространено в народной среде Устюга. С момента канонизации предания о Прокопии и его чудесах становится частью письменной культурной традиции Русского Севера. На рубеже XVI–XVII вв. происходит переплетение житийных историй Стефана Пермского и Прокопия Устюжского, что находит отражение и в иконографии. В конце XVII в. (в 1668 г.) по заказу Афанасия Гусельникова для Прокопьевского собора Великого Устюга неизвестным устюжским мастером пишется житийная икона Прокопия с сорока клеймами³, одно из клейм этой иконы посвящено пророческому дару юродивого и представляет предсказание им трёхлетней отроковице Марии рождения сына Стефана, которому суждено совершить великий миссионерский подвиг. Аналогичный сюжет представлен и в одном из клейм в иконе, происходящей из Никольской церкви во Владычной слободе в Вологде (вероятно, икона была исполнена около 1669 г.).⁴

По архивным документам и описаниям XIX в. образы первого епископа пермского в Вологде и находящихся рядом монастырях в XVII в. бытовали, что вполне закономерно, учитывая, что фактически с конца XV в. Вологда была центром епархии. При епископе Пермском Филофеи в 1492 г. Пермской епархии были переданы земли «на Вологде городе и на посаде». Теперь епархия состояла из трёх частей Перми Вычегодской, Перми Великой и удалённой от них на сотни километров Вологды, — и именовалась Пермской и Вологодской. В 1564 г. центром епископии становится Вологда. Окончательный перенос кафедры в Вологду был утверждён собором в 1589 г. В XVI–XVII вв. в Вологде одной из чтимых церквей была церковь во имя епископов Пермских Стефана, Герасима, Питирима и Ионы. Местом особого почитания «первокрестителя пермян и творителя новой азбуки» в Вологодских землях был монастырь, основанный сподвижником Сергия Радонежского Дмитрием Прилуцким. По преданию, Дмитрий Прилуцкий поставил в своём монастыре часовню в честь зырянского святителя, тем самым отдавая должное памяти друга. Св. Стефан Пермский и ныне особо почитаем в Спасо-Прилуцком монастыре.

Особое место в ряду житийных образов святителя пермян занимает житийная икона св. Стефана Великопермского из храма с. Вотча⁴ на р. Сысола. По мнению реставраторов, письмо иконы позволяет говорить, что она, возможно, написана сольвычегодскими мастерами, а не является примером местного письма, и была написана в начале XVII в. Вотчинский монастырь был одним первых, основанных Стефаном Пермским на земле коми, и оставался одним из центров сохранения

¹ Подробнее: Котылева И. Н. Свв. Стефан Пермский и Прокопий Праведный: идея единства русской православной Церкви (XIV–XVII вв.) // Семиозис и культура.– Сыктывкар, 2008.– С. 125–130.

² Сорокатый В. М. Образы Прокопия Устюжского в иконе // Житие святого праведного Прокопия Христа ради юродивого Устюжского чудотворца.– М., 2003.– С. 165.

³ Там же.– С. 178.

⁴ Собрание Национального музея Республики Коми, а в настоящее время икона находится на реставрации.

наследия «творителя зырянской азбуки» и его почитания на протяжении столетий. В документах Вотчинского прихода XIX в. отмечается, что эта «икона древнего письма»¹. Композиция иконы состоит из центрального изображения с образом Стефана Пермского во весь рост, что характерно для всех житийных образов святителя, и расположенных вокруг двадцати клейм. В настоящее время икона находится в процессе реставрации, и пока трудно определить содержание каждого клейма, но в фондах музея хранится прорись, прорисованная копия житийной иконы св. Стефана Пермского, выполненная С. Е. Шармоновым.² По общей композиции иконы на прориси и иконы из Вотчи, по композиции отдельных клейм с редкими сюжетами можно говорить, что данная прорись выполнена Шармоновым именно с этой иконы. Особо ценно, что в прориси Шармоновым надписано содержание каждого из двадцати клейм: «Рождение св. Стефана», «Крещение св. Стефана», «Приведение св. Стефана учиться грамоте», «Поставление св. Стефана во дьяконы», «Поставление в просвирты», «Поставление св. Стефана во епископы», «Стефан постави церковь во Благовещенье пресв. Богородицы», «Св. Стефан собрался неверные людя (неразборчиво) сожже кумирницу», «Свят. Стефан кумирницу со идолы сожже», «На св. Стефана собралися неверны люди со оружием. Хотяху его убить», «Св. Стефан крести пермские люди», «Стефан св. учит пермские люди», «Св. Стефан совещаха пройти с пансотником сквозь воду», «Св. Стефан взя пансотника за руки и веде его на огонь», «Преп. Св. Стефан со старейшими из Волхвов», «Отвращенность пансотника крещеные люди», «Св. Стефан азбуку незнаму сложил на пермском языке», «Поставиша пермски люди храма во имя святого Стефана», «Представление св. Стефана», «Перенесение св. Стефана».

В Вотчинской иконе появляется сюжет о создании «пермски люди храма во имя святого Стефана», что вполне закономерно, т.к. именно в честь небесного покровителя первомученика Стефана была основана крестителем пермян пустынь недалеко от Вотчи.³

Первое письменное упоминание данной иконы обнаруживается в Описи церквей Яренского уезда 1772 г.⁴ История почитания данной иконы во второй половине XIX в. – начале XX в. отражена в целом ряде документов.⁵

Первоосновным центром развития почитания «зырянского апостола» при последователях Стефана Пермского в XV–XVI вв. являлась Усть-Вымь. Закономерно предположить, что первые образы «святителя зырян» появляются и здесь. Основываясь на архивных документах и публикациях XIX в., исследователи

¹ НАРК. Ф. 232. Оп. 1. Д. 297. Л. 41.

² Подробнее о коллекции прорисей С. Е. Шармонова из фондов НМРК можно познакомиться в статье Н. Е. Плаксиной. Иконные прориси С. Е. Шармонова из фондов Национального музея Республики Коми // Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми.– Сыктывкар.– С. 48–66.

³ Шаламов П. Церковно-историческое описание Вотчинского прихода Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии.– Усть-Сысольск.– С. 12.

⁴ Котылева И. Н. «Опись церквей Яренского уезда 1772 г.» в контексте изучения почитания св. Стефана Пермского в XVIII в. // Историческое произведение как феномен культуры. Сб. научных статей.– Сыктывкар, 2009.– С. 11–19.

⁵ Более подробно см.: Котылева И. Н. Житийная икона св. Стефана Пермского XVII в. из с. Вотча: история её бытования и аналогии // Музеи и краеведение: тр. Нац. Музея Респ. Коми.– Сыктывкар, 2010. Вып. 7.– С. 20–28.

отмечают о наличии образов св. Стефана Пермского в XVII в. в Благовещенской церкви в Усть-Выми, а также в Парчегской церкви.¹ Особо следует подчеркнуть, что в Парчегской церкви образ св. Стефана Великопермского входил в состав деисусного чина, что свидетельствует о высокой сакральной оценке первого епископа пермского.

В 1607 г. в Усть-Выми появляется икона последователей Стефана Пермского, епископов Герасима, Питирима и Ионы, написанная по велению Василия Шуйского. Этот факт позволяет говорить, что в начале XVII в. происходит формирование единого культа первых епископов пермских², получившего развитие в большей степени в XIX в.

По архивным документам реконструируется, что к XVII в. относился и образ Стефана Пермского, который находился в церкви Стефана Великопермского Чудотворца с. Ношуль (ныне Сысолийский район Республики Коми). Из писцовых книг 1645 г. не совсем ясно, был ли на иконе только образ пермского епископа или также присутствовал образ архидьякона Стефана, или это было две самостоятельные иконы. В любом случае, совместное представление св. Стефана Пермского и архидьякона Стефана свидетельствует, что в XVII в. определялась взаимосвязь и преемственность Стефана Пермского и архидьякона Стефана. Это подтверждает единовременное создание житийных образов св. Стефана Пермского и св. Стефана Первомученика для Благовещенского и Введенского соборов в Сольвычегодске. Концептуально осмысленную взаимосвязь св. Стефана Пермского и св. Стефана Первомученика в XVII в. подтверждает и житийная икона св. Стефана Пермского из с. Вотча. Вотчинский монастырь был одним из первых, основанных Стефаном Пермским на земле коми, и оставался одним из центров сохранения наследия.

Анализ разнообразных источников: икон, документов, свидетельств убедительно свидетельствует, что XVII в. обозначил новый этап в развитии почитания пермского святителя. До этого времени имя Стефана Пермского жило в текстах/книгах, хранимых в монастырях, и в преданиях и легендах, бытовавших в местах, связанных с его жизнью и миссионерской деятельностью. Распространение визуальных, «зримых» образов святителя позволяло более активно представлять имя Стефана в общем культурном потоке, способствуя упрочнению его культа в самых широких слоях населения, а не только в среде образованного духовенства. Появление житийных образов Стефана Пермского связано с официальной канонизацией первого епископа Великопермского в 1549 г. Особую роль в формировании новых традиций написания образов святых сыграл московский Собор 1551 г., вошедший в историю под названием Стоглавый. На этом Соборе отдельно обсуждался вопрос о возможности изображения на иконах «людей несвятых,

¹ Плаксина Н. Е. Иконы Стефана Пермского в храмах зырянского края (по материалам Национального архива Республики Коми) // Памяти равноапостольного Стефана: к 610-летию успения св. Стефана Пермского. Материалы Расширенного заседания учёного совета национального музея Республики Коми.– Сыктывкар.– С. 6–11.

² Более подробно см.: Котылева И. Н. Развитие почитания первых епископов пермских свв. Герасима, Питирима и Ионы в XVII–XVIII вв. // Музеи и краеведение. Тр. Национального музея Республики Коми. Вып. 8. Материалы международной научно-практической конференции «Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире.– Сыктывкар, 2011.– С. 87–90.

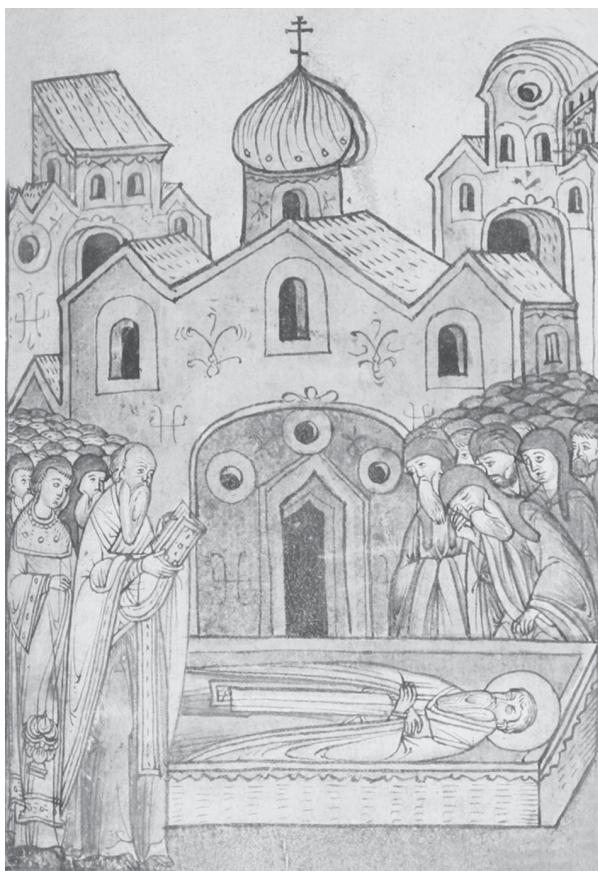
³ Там же.– С. 320–321.

живых и мёртвых» и «неверных»³, что особо значимо в связи с рассмотрением иконографии святителя пермян, т.к. «неверные», «волхвы», «Памсотник», одни из персонажей на клеймах житийного образа «первосятителя пермян».

Построение житийных икон св. Стефана Пермского является характерным для житийных икон русских святых и тесно соотносится с текстом его жития, созданного Епифанием Премудрым. Представление Епифанием Премудрым создания Стефаном пермской грамоты как явления уникального и исключительного находит своё отражение и в житийных образах «первосятителя пермян». Сформированная концепция житийного образа первого епископа пермского и его иконографии в целом получила развитие в XVIII–XIX вв. Дальнейшее проведение исследований иконографии св. Стефана Пермского, несомненно, позволит определить разнообразные культурные тенденции в истории православной церкви на Северо-Западе России и особенности развития почитания «апостола зырян» в частности.

В контексте культуры Руси XVII в. особое значение приобрело совместное представление Стефана Пермского и Сергия Радонежского, Стефана Пермского и Прокопия Устюжского, что в целом отражает устремления формирования единого государства. Развитие почитания пермских епископов Герасима, Питирима и Ионы несомненно способствовало усилению культа первого епископа и было важ-

ным фактором в формировании культурного пространства и епархии, и соседних земель. На наш взгляд, рассмотрение культа св. Стефана Пермского в контексте развития почитания других святых одно из потенциально ёмких, перспективных и важных структурных направлений при изучении развития православия на Севере Руси и развития православного искусства в частности.

Миниатюра XVII в. в рукописном сборнике XVIII в. Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Татьяна Бойцова

Татьяна Ивановна Бойцова, искусствовед, заслуженный деятель искусств Российской Федерации.

19 сентября 2013 года в столице Республики Коми г. Сыктывкаре открылась XI межрегиональная художественная выставка «Российский Север». Республика второй раз принимает её. Впервые зональная выставка «Советский Север – 5» была показана в Сыктывкаре в 1979 году. В преддверии Олимпиады «Сочи – 2014» нынешняя XI выставка имеет статус участника культурной Олимпиады.

Грандиозный по масштабу выставочный проект включает в себя разнообразную культурно-досуговую программу, начало которой, сразу же, после открытия выставки, положила Всероссийская научно-практическая конференция «Художественная жизнь СевероЗапада России. История и перспективы».

Сегодня мы начинаем публикацию статей, посвящённых самым значимым проблемам развития изобразительного искусства как в целом по стране, так и отдельно, по регионам.

Союз художников России на рубеже веков: вхождение в новую реальность

Искусство Севера России представляет яркую страницу отечественной художественной культуры. Оно сформировалось на основе традиций российского, европейского изобразительного наследия и самобытных культур северных народов. Органичность сочетания этих базовых начал прослеживается в искусстве целой плеяды выдающихся мастеров российского Севера разных поколений, школ и направлений. За последнее десятилетие общая картина развития искусства северных регионов заметно изменилась, что связано с целым рядом причин, в том числе с переориентированностью многих авторов на новые формы и новейшие технологии. Нельзя не учитывать и роль Союза художников России в жизни, а значит, и в творчестве большинства участников выставки «Российский Север». Эта организация пережила в последние два десятилетия большие изменения. Все

технологии. Нельзя не учитывать и роль Союза художников России в жизни, а значит, и в творчестве большинства участников выставки «Российский Север». Эта организация пережила в последние два десятилетия большие изменения. Все её творческие и организационные процессы этих лет были связаны с проходившими в стране реформами. Причём, оба десятилетия сильно отличаются друг от друга.

Как известно, в 1990-е в стране активно разворачивался процесс развенчания мифов советской эпохи, шло беспощадное расставание с прошлым, во имя нарождающейся демократии. В костре истории сгорали не только мнимые ценности, но и лучшие достижения культуры народов. Параллельно общество открывало для себя малоизвестное и недоступное ранее отечественное и зарубежное наследие, делало первые шаги к знакомству с современным западным искусством. Люди начинали свободно путешествовать, участвовать в проектах других стран, знакомиться с неизвестной ранее парадигмой западной культуры. Выставочные площадки всё больше завоёвывали проекты, связанные с новым **пониманием искусства**. В России складывались принципиально иные взаимоотношения государства и творческой личности, выстраивалась новая грань современного искусства. В это время Союз художников России был поглощён решением больших внутренних проблем. Распад страны повлёк за собой процесс разделения Союзов художников стран, прежде входивших в состав СССР, который проходил весьма болезненно. Рухнула экономическая база организации — Художественный Фонд, прежде поддерживавший все важные программы. На протяжении почти всех девяностых организация не имела возможности осуществлять всероссийские и зональные выставки, которые, на фоне активной и восходящей в моду деятельности повсеместно возникших арт-галерей, требовали освобождения от устаревших, организационных и экспозиционных форм работы и использования всего лучшего, что было накоплено предшествующим мировым опытом. Фактически в 1990-е годы Союз, лишённый монополии, был отодвинут на периферию художественной жизни. При этом, продолжали активно функционировать, стремясь интегрироваться в новую реальность, региональные отделения, которые, несмотря на разрушение экономической базы по-прежнему проводили множество выставок. В эти годы в искусстве всех этнических регионов России ещё сохранялись национальные школы в том виде, в каком они сформировались во второй половине XX столетия. Более того, эти школы испытали повышенную тягу к истокам религии и традиций своих народов. Определённую роль в этом сыграли идеи суверенитета, охватившие в тот период многие районы страны, в связи с чем весьма сильная линия национального самосознания художников нашла своё отражение и в изобразительном искусстве. При этом творческая жизнь в региональных отделениях в 1990-х годах концентрировалась, как правило, вокруг лидеров, чей творческий авторитет сформировался в 1970–1980-е годы XX столетия.

Процессы первого десятилетия нового века носили уже иной характер. Начавшаяся интеграция в международное художественное пространство переродилась в активное осваивание западных ценностей, в осознанные стремления значительной части российских художников вписаться в общекультурный мировой контекст. Всё это обострило существовавшее и ранее деление творческого сообщества на поборников западных культурных ценностей, сторонников экспериментов и новаций с одной стороны и приверженцев русской классической

традиции в искусстве. Эта двойственность существует в российской культуре с давних времён. При этом, приверженцы европейской и русской культурных традиций не всегда противостояли, не всегда спорили друг с другом. Так, например, искусство 2-й половины XIX столетия органично вписывалось в контекст европейской эстетики. В эти годы российская и западная система культурных координат развивались в одном русле. А вот в начале XX века эти две линии сильно размежевались, несмотря на то, что обе оставили в наследие выдающиеся достижения, сосуществующие в одних художественных стилях. Существовавшее на протяжении всего XX века, это размежевание ещё более обострилось в начале XXI столетия. Большую роль в том сыграли реформы, которые поддерживались одной частью общества и вызывали недоверие у другой. Этому способствовал и хлынувший на выставочные площадки страны под видом новаторских проектов поток эпатажных, часто не профессиональных художественных провокаций, нацеленных на скорую популярность авторов. Повлияли и стихийный процесс формирования российского артрынка, и трудно, интуитивно развивающееся движение галеристов. Естественно, всё это не могло не затронуть чувства значительной части художников-профессионалов, которые твёрдо встали на позиции сохранения существующей в стране высокоразвитой академической школы и национальных культурных традиций. Впрочем, эти благородные цели часто компрометировались присутствием на выставках Союза художников России слабых поделок в духе коммерческого реализма. Вместе с тем, та часть художественного сообщества, которая была вовлечена в процесс формирования в России искусства новых технологий, заняли активную, нередко агрессивную, позицию противостояния традиционистам и приверженцам классического понимания изобразительного искусства. В это время в художественной жизни России огромную популярность приобрели видео-арт, инсталляции, перформансы, художественная фотография. Всё чаще моду и вкусы в таких проектах начал диктовать крупный бизнес, развернувший практически внеконкурентные артцентры в Москве и других крупных городах страны. В эти процессы оказалась вовлечена значительная часть российского творческого сообщества, в том числе члены Союза художников России. Успех большинства проводимых в стране творческих акций, не зависимо от принадлежности организационных инициатив, как правило, обеспечивали члены Союза художников. Их имена звучат в проектах новых экспозиций ведущих национальных музеев России, на международных выставках, в многочисленных художественных проектах, галереях и салонах, в конкурсах, симпозиумах и аукционах самых разных творческих направлений. Многие авторы задумались в эти годы о том, какие ценности им ближе, какую традицию они несут своей деятельностью, каковы их мировоззренческие предпочтения в искусстве, что ближе в отечественном и европейском наследии... На этом фоне в большинстве региональных отделений Сибири, Урала, Дальнего Востока и Юга страны, в искусстве ряда северных и поволжских организаций явно обозначились тенденции к развитию новейших форм и технологий. В то же время, отделения союза в центрально-европейской части России (Ярославль, Рязань, Владимир, Орёл, Курск, Белгород, Воронеж и т.д.) объединились на общей платформе борьбы за реализм, за линию развития классического направления в современном искусстве. При этом, к новым тенденциям в искусстве оказались более склонны выпускники местных высших

и средних учебных заведений, а поборниками профессионализма и классической линии выступают, как правило, воспитанники ведущих академических институтов страны, где базовое образование играет особенно важную роль в системе подготовки художников. Взаимоотношения и взаимодействия представителей этих двух направлений породило немало конфликтов, чему в значительной степени способствовало острое противостояние Союзу художников России вновь созданных иных союзов и объединений.

Принципиальным отличием между двумя последними десятилетиями стала ещё одна характерная черта. Если в 1990-годы в региональных отделениях Союза ещё задавали тон художники-шестидесятники, то в 2000-х смена поколений в основном завершилась, и на первый план вышли представители генерации, мировоззрение которых сформировалось в 1980 годы. Это сказалось в их, более толерантном, подходе к формированию выставок. Однако в творческом сообществе проблема межпоколенческих взаимоотношений значительно обострилась.

Одним из принципиальных шагов Союза в конце 1990-х – начале 2000-х стало возрождение всероссийских выставок. В частности, был реанимирован многоуровневый проект «Россия», возникший в 1960-м году на волне «хрущёвской оттепели» и состоящий из веерных зональных выставок в федеральных округах страны — промежуточных этапов реализации проекта, завершающийся финальным показом в Москве. Они были вызваны к жизни самой ситуацией, складывающейся в отдалённых регионах государства, где в силу местных возможностей, творческий обмен осуществляется только с близлежащими отделениями союза. Кроме того, несмотря на существование множества профильных журналов, информация о российской художественной жизни оставляет желать большего. Не секрет, что российские журналы в основе своей являются отражением жизни столичных художественных кругов. Всероссийские выставки, охватывающие искусство всей страны, в определённой степени восполнили существующий недостаток информации и вновь предоставляли широким кругам российских художников и искусствоведов возможность творческого общения друг с другом. В 2000-е годы авторы, живущие в разных городах страны, вновь стали знать друг друга. Кроме того, несмотря на последствия экономического кризиса, в 2000-е годы при поддержке Министерства культуры РФ Союз провёл немало других крупных выставок. Именно в это время стало вновь возможным регулярное проведение молодёжных всероссийских смотров и выставок по видам искусства. Принимая во внимание инициативу и непосредственное организационное и финансовое участие федеральных округов и субъектов Федерации, огромное значение имели проекты «Скульптура России», «Единение», «Отечество», «Победа», «Красный проспект», «Шелкография России», «Пастель России», «Художники России — флоту» и др. Масштабность подобных акций не вызывает сомнений. Их формат и должен быть таковым, поскольку проследить творчество различных регионов в контексте искусства всей страны можно только через проекты подобного диапазона. В них участвуют художники всех областей страны, вплоть до самых отдалённых. Именно там эти выставки оказались наиболее востребованными. Но, главное, они дали возможность художникам регулярно представлять своё творчество в Москве.

Практически все выставки прошедшего десятилетия носят объединительный характер. Однако, они и сейчас нуждаются в освобождении от устаревших экс-

позиционных штампов и в использовании современных форм выставочной работы. Особо нужно отметить, что проекты Союза не представляют всего спектра художественной жизни в нашей стране. Они предлагают вниманию зрителей творчество только членов Союза и тех авторов, которые разделяют его позиции: профессионализм, уважение к отечественным традициям. Вне этих выставок в России происходит множество событий, связанных с деятельностью Российской академии художеств, многочисленных галерей и центров искусств, государственных и частных музеев. Но, на фоне этой активной деятельности в 2000-е годы Союз художников России стал постепенно возвращаться к утраченным в 1990-е позициям в общественной и культурной жизни страны. Члены Союза стали вновь входить в составы общественных палат, коллегий министерств, управлений и департаментов культуры, советов и комиссий по искусству, по присуждению премий и грантов на всех уровнях государственного управления. Вместе с тем, основная творческая и выставочная работа союза по-прежнему сосредоточена в региональных отделениях. Информационный ежегодник союза приводит такие цифры: в первое десятилетие нового века Союзом проведено более 25 тысяч выставок и более 600 пленэролов по разным видам искусства. Кроме этого, художники организовывают конференции, круглые столы, симпозиумы, ведут издательскую, благотворительную, просветительскую работу. Вновь начал издаваться журнал «Художник», выпускается «Информационный ежегодник», газета «Художник России», каталоги выставок и т.д. Несмотря на все проблемы 1990–2000-х годов, сохранены и открыты для работы Дома творчества: «Челюскинская», «Академическая дача» им. И. Репина, имени Д. Кардовского, «Байкал», «Горячий ключ». Союз активно участвует в проектах Российской академии художеств, Международной конфедерации союзов художников, представляет интересы российских художников в ЮНЕСКО, является учредителем почётных знаков и медалей. Таким образом, можно говорить о том, что деятельность Союза художников России в 2000-е годы была направлена на стабилизацию творческой атмосферы среди членов организации. Она повлияла на освобождение многих из них от депрессивных настроений, свойственных девяностым, когда в условиях отсутствия государственной поддержки искусства, необходимых нормативных документов, регулирующих в рамках государства жизнь и деятельность людей искусства и их социальные проблемы, союз не имел возможности оказывать им должную поддержку. Можно сказать, это было переломное десятилетие, направленное на преодоление постперестроичного синдрома, на выход из кризиса.

Союз художников России — многослойное и противоречивое содружество как по творческим устремлениям входящих в него художников, так и по возрастным, по мировоззренческим категориям. Он представляет собой обширный и очень не простой коллектив. Но его объединяющая роль может быть куда более важная, чем это можно предположить.

Вера Морозова

Вера Семёновна Морозова. Закончила Ленинградский институт культуры. Театральный критик. Член Союза театральных деятелей России.

Живёт в г. Сыктывкаре. Директор Колледжа культуры.

Большой праздник вместе с Малым театром

Северный театральный фестиваль проходил в Сыктывкаре с 27 сентября по 1 октября при поддержке Министерства культуры РФ, а также Министерства культуры и Правительства Республики Коми. В нём, кроме труппы Малого театра, принимали участие коллективы из Кирова, Вологды и Сыктывкара. На церемонии открытия в помещении Академического театра драмы им. В. Савина присутствовали Глава РК В. М. Гайзер и представитель Министерства культуры РФ О. В. Митченков, что говорило о значимости данного форума не только для республики, но и для всего севера России.

Вот уж точно в духе А. Н. Островского: «Не было бы счастья, да несчастье помогло»! Малый театр, вернее, его историческая сцена в Москве стоит на ремонте, и власти республики воспользовались возможностью заполучить столичных артистов на гастроли в Сыктывкар. Спектаклем «Свадьба, свадьба, свадьба!» (с подзаголовком «сцены-шутки») по двум водевилям А. П. Чехова они начали фестивальную неделю.

Надо отметить, что устроители организовали особую экспозицию перед спектаклем: в фoyer играл ансамбль скрипачей, а по прогулочным маршрутам публики фланировали молодые люди в театральных костюмах предположительно XIX века. Такая инициатива театра вполне соответствовала представлениям зрителей, которые собрались смотреть спектакль по произведениям классика. Но уже следующая инициатива выглядела более сомнительно: на сцену неожиданно выскочила делегация артистов в костюмах жителей «глубинки», с гармонистом во главе и подвыпившими мужиками иже с ним. Они стали пытать ведущих (Е. Софронов и О. Родович), как и где найти «свадьбующихся», чтобы повеселиться

сообща — тем более, что и подарки, и свой пай для общего стола у них имелся. Группа была симпатичной, состояла из наивно-простодушных энтузиастов, говоривших с выраженным коми акцентом — но у зала восторга не вызвала: всё-таки претензии зрителей были более высокими — встретиться с артистами *самого Малого, академического, московского!* А подвыпивших-то и у нас увидеть нетрудно... Следует отметить, что вышеобозначенная артистическая инициатива из разряда капустников повторялась ежевечерне во время фестиваля. Приходившие на каждый спектакль понемногу начали к ней привыкать, но всё-таки большинство зрителей постоянно ощущали лёгкую оторопь при её появлении.

«Свадьба, свадьба, свадьба!»

Часть I — «Предложение»

...Когда открылся занавес, зрители сразу зааплодировали. И понятно: на сцене возникла славная старинная деревянная беседка в саду, за которой в отдалении (через речку) виднелся лес. Дело в «Предложении» Чехова происходило солнечным погожим деньком, но художник А. Глазунов живописал зелень макушки лета в самых приглушённых тонах, когда яркое солнце будто обесцвечивало природу. Этот приём сразу сосредоточивал внимание на исполнителях. Перед беседкой, на плите старинной чугунной печки с фигурным литьём и высокой трубой хозяин имения (Б. Невзоров) варил варенье в медном тазу. Одетый попросту, в холщовые штаны с рубахой, он своим фартуком заботливо раздувал пламя, снимал то и дело пенку, пробовал сироп, что-то добавлял — одним словом, наслаждался жизнью. В беседке для того же ощущения полноты жизни стоял круглый стол, покрытый белой кружевной скатертью (понятно, ручной работы), плетёные удобные кресла и диванчик, чтоб было где прикорнуть на воздухе. Справа притулился к беседке старый, уснувший от летних забот и жары пёс (бутафория!), а рядом с ним — прелюбопытнейшая садовая скамья, которую легко передвигал один садовник, поскольку вместо второй пары ножек у неё имелось колесо. Отрадно, что театр не пренебрёг такими мелочами из жизни русских помещиков: сегодня зритель готов был и помимо спектакля с удовольствием рассматривать те предметы, которые находились на сцене: расписные короба и сита, деревянные чашки, витые ложки для варенья и пр. Отдельная песня — костюмы. Для героев пьесы костюм жениха Ломова (Г. Подгородинский) воспринимался как нонсенс: в летнюю жару, в деревне — во фраке!

О. Жевакина и Г. Подгородинский.

А для зрителей фрак был интересен меньше всего. Потрясало их совсем другое. К примеру, шикарные замшевые сапоги героя Б. Невзорова. Что же говорить о его дочери — Наталья Степановна (О. Жевакина) была одета как будто бы в простенькое, но между тем великолепное платье с кружевами, до поры скрытыми за кокетливейшим белым шёлковым фартуком. Да и прочие герои (слуги) тоже будто только что сошли с картин Венецианова. Читай: с какого-то сегодняшнего модного подиума. Неплохо для иностранца или другого особо привередливого зрителя — заскучал — и рассматривай себе костюмы или убранство сцены! Правда, возникала непрошена мыслишка: так красиво одета деревенская простушка — с какой стати? Может, с тайной надеждой получить предложение? Но нет — поведение и поступки расчёtlвой и недалёкой героини О. Жевакиной вовсе исключали такой поворот.

В первом своём спектакле артисты играли нервно, с пережимами. «Плюсвали», стараясь понравиться зрителю. Но интересно было всё равно — артисты Малого продемонстрировали влюблённость в детали поведения героев. Это тем важнее в случае с пьесой известной. Глеб Подгородинский (Ломов) виртуозно и остроумно демонстрировал периодически подступающие припадки, а его партнёр Борис Невзоров с удовольствием и мастерски его передразнивал. Ольга Жевакина привычно и ловко перебирала стручки гороха, перебрасываясь с женихом ситами как мячами, соревнуясь с ним в упрямстве.

С одной стороны, от добротного качества исполнения, от возможности видеть наяву любимых и известных артистов публика получила ожидаемую смеховую разрядку. Наверное, это немало — показать бесперспективность сплошного упрямства и настырности, высмеять их провоцирующих. Только вот напрочь при

этом пропала лирическая составляющая сценической истории. Если же допустить, что как раз в замысле постановщика — убрать эту самую лирическую струю — тогда можно было зрителю хотя бы намекнуть: зачем Наталья Степановна всё-таки настояла (дело дошло до истерики!), чтобы непременно вызвать обратно уже изгнанного просителя её руки?! Суeta на сцене завуалировала смысл.

«Медведь». Е. Харитонова и Г. Смирнов.

Часть II — «Медведь»

Художник А. Глазунов и во второй части спектакля сразу выявил замысел: комната бедовой вдовушки (Елена Харитонова) занавесью из перламутровых вставок напоминала о раковине, в которую она сама себя пыталась запереть. Её слуга (П. Складчиков) — длинный, худющий, в чём душа держится, — уж такой преданный барыне, которую, видно, знал с детства — ходил за ней как нянька за неразумным

дитём. Художник окружил её занятными вещами: старинными, то и дело ломавшимися стульями, высоченной китайской вазой (впоследствии треснувшей), полуупрозрачной дверью с абрисом цветущих ветвей (вишни?), остроумно использованным киотом: именно в нём находилось изображение её всячески обожаемого супруга на любимой лошади (видимо, на Тоби). Сначала створки киота были открыты, но из-за случайно произведённого вдовой выстрела (во время первого поцелуя) створки с шумом захлопывались сами по себе. Пользовалась героиня и премиленькой пурпурницей: в ней помещалась пуховка размером с думочку-подушку. Мало того, что исполняла траур, вдова не забывала напудриться — она даже переодевалась (!) для предстоящей дуэли: вероятно, помнила, что когда-то для маскарада шила себе эффектный красный костюм (художник К. Шамрин) на манер гусарского...

Виталий Петров уверенно сыграл роль разоблачителя вызревающего ханжества — и на его стороне оказывалась сермяжная правда жизни. Принципы — принципами, но надобно и род продолжать! Роскошная фактура артиста, его убедительная мужественность, комедийно оправданная агрессия — всё подтверждало правоту его героя. Мощное природное начало в помещике Смирнове самого помещика и разоблачало: он первый не устоял против чар застолившейся в одиночестве, но оказавшейся удивительно жизнелюбивой вдовы.

«Волки и овцы»

Второй спектакль «Волки и овцы» очаровал сыктывкарскую публику. И было отчего. Естественно — спектакль, поставленный в 1994 году, был уже неоднократно описан в прессе, разобран критиками и почти безоговорочно восторженно принят публикой. Тем не менее, сыктывкарский зритель был спектаклем восхищён. Людмила Полякова задала высочайший — верный и понятный всем тон — с первого появления на сцене. При ней «плюсовать» уже было невозможно. Её героиня несла пожизненный крест — и сердечная боль её сразу же ощущалась. Непутёвый родственник, чей мозг выедается алкоголем, бездетной тётушкой обожаем, что называется, утробой. Все задуманные аферы предпринимаются ею во

имя обеспеченного будущего для племянника, который постоянно срывает её планы. Д. Марин играет Аполлона уже потерявшим всякую волю, всякое представление о реальном своём состоянии, а между тем в редкие минуты трезвости предстаёт достаточно симпатичным молодым человеком. И как тут не вспомнить современных нам его «собратьев»... При этом удивительным образом и Л. Полякова, и Д. Марин играли всё-таки ко-

Л. Полякова и С. Аманова

Е. Харитонова, Б. Невзоров и П. Жихарев.

образ былой вершительницы судеб, что фразой (по мнению зрителей) оценивается сразу и сценический образ, и сама исполнительница.

Беркутова (Антон Хомятов) в этом спектакле нисколько не ослепляет соблазнительная Купавина в исполнении красавицы С. Амановой. Даже её появление в костюме восточной дивы не заражает его пыл — а она, простодушная, полагала сразить гостя наповал. Вальяжный барин Лыняев (Б. Невзоров) внимателен к проявлениям женственности, а значит, и к своему костюму, а Беркутов — в чём приехал — в том и наносит визиты — что ему провинциалы! Ему важно дело сладить! Купавина надеется всё-таки его приручить, но, видимо, это случится не скоро. Слишком заметно, что Купавина наивна и глуповата как голубь, — и в этом от своей тётушки Анфусы (З. Андреева) недалеко ушла. А уж та весь город потешает своей покладистостью и маловразумительными речами, оставаясь, впрочем, вполне безобидной и даже симпатичной особой. А. Хомятов играет Беркутова не лишённым мужской привлекательности и обаяния. Правда, иногда казалось, что артист несколько демонстративно предъявляет зрителям свою (действительно любопытную) трактовку образа, временами отстраняясь от ансамбля в целом. Его герой знает человеческую природу, применяет разные подходы к людям для достижения своих честолюбивых замыслов. При этом достаточно снисходителен к людским слабостям — лишь бы дело знали, профессионалами были. Так, он пользуется и посредничеством Вукола (В. Дубровский), и его племянника, по которому давно тюрьма плачет.

В. Дубровский представил зрителям интереснейшего героя — ловкого мошенника, которого сами клиенты благодарят за то, что он их потихоньку обирает, настолько изобретательно он это делает, настолько естественно им льстит. Тем более, что выглядит он добрецким усатым дядюшкой (многие найдут в нём сходство с популярным ведущим, хотя, если верить Интернету, артист смолоду носит усы), радующим своих работодателей разными сюрпризами-фокусами (однажды важную бумагу достал буквально из рукава!).

Племянника Вукола, обаятельного уголовника, артист Пётр Жихарев играет настолько эффектно, что можно было бы сцену с ним считать отдельным эстрадным номером. Но при этом из ансамбля он не выпадает. Во-первых, исполнитель так от природы пластичен, так изящно и свободно выполняет все выверты народной

медию. Как это им удавалось — секрет их мастерства, актёрской природы. В финале, когда говорят о героине Людмилы Поляковой как о самом значительном образе в их губернии («...я имел возможность вполне оценить эту во всех отношениях редкую женщину»), — в это действительно верится. Это выражение из уст Беркутова (А.Хомятов) не кажется ни натяжкой, ни тем более, насмешкой: Людмилой Поляковой создан настолько мощный

хореографии с «качалками» и переступаниями (постановщик П. Гродницкий), что просто не отделить его поведение от повадки персонажа. Красавец Горецкий в исполнении П. Жихарева живёт легко, балансируя как в пляске, так и по жизни — на грани дозволенного и недозволенного, и всё ему удаётся — что девчонку завлечь, что подлость совершить. Такой — оптимизма долго не потеряет. Будучи даже сосланным в Сибирь. Во-вторых, отдельным номером выход П. Жихарева не стал, потому что он сделан абсолютно в стилистике постановки и входит органичным течением в действие: его «па» затем очень забавно повторяет Б. Невзоров, лихо запрыгивая на скамью, желая доказать подначивающей его Глафире (Е. Харитонова) и себе, что и он не лыком шит.

Волки и овцы — так условно разделил А. Н. Островский персонажей своей пьесы. Многое ли изменилось в раскладе героев нашего времени?

«Провинциалка»

На следующий день после отъезда Малого театра показывал комедию «Провинциалка» по пьесе И. С. Тургенева Областной драматический театр из города Киров. Вятчане привезли постановку, которая обычно играется в бенефисы крупных актёров — пьеса даёт возможность обнаружить музыкальность исполнителей, вокальную технику, навыки убедительного перехода от серьёзного к коми-

ческому и наоборот. Автором оформления и постановщиком была сама исполнительница заглавной роли Елена Одинцова. Её главными партнёрами были Андрей Матюшин (Ступендей) и Никита Третьяков (граф Любин), а помогали движению сюжета молодые артисты Павел Каныгин (Миша) и Захар Пантелеев (лакей графа).

Достаточно простая, условная, но и безликая — без учёта особенностей именно этого произведения обстановка — она могла быть использована

Н. Третьяков и Е. Одинцова.

и в других постановках — как это было в старину: небо для всех на заднике и бантом завязанные длинные шторы по разные стороны сцены, причём, одежда сыктывкарской сцены меж занавесями при этом просвечивала. Элементарные мизансценические точки: трюмо слева, столик справа, диван между ними. Такое оформление, естественно, предполагает высокий уровень мобильности, гастрольной готовности. Большинство сцен происходило не к залу ближе, а в глубине сцены, что не способствовало большему пониманию тонкостей взаимоотношений героев. Собственно, глубины замысла, оттенков общения публика усвоить не успела — спектакль быстро закончился. Что и предполагалось — играющий постановщик просто не в состоянии объять необъятное. Между тем, некоторые моменты представления убеждали в том, что артисты в творческом

потенциале имеют возможности для лучшего выявления «предспектакльных» взаимоотношений их героев, для более объёмного решения ролей в целом, — как Ступентьева и Любина, так и молодых персонажей. К чести кировчан надо отметить их несомненную музыкальную одарённость и тонкий вкус: краткое, как будто намеренно сдержанное, но удивительно слаженное исполнение романсов, отдельно пение под собственный аккомпанемент на фортепиано Е. Одинцовой — артистов хотелось слушать и слушать.

«Когда мы свободны»

...Надо иметь большую художественную смелость, чтобы в наше время заявить сначала, а потом и поставить спектакль по пьесе А. Миллера «Смерть коммивояжёра». Ещё и название изменить — «Когда мы свободны» — чтобы совершенно исключить намёк на присутствие чего-либо криминального.

Артур Миллер смело включал в свои произведения не привычных публике героев — и в этой пьесе действуют герои, которые в finale не побеждают обстоятельства, не приходят к желанному зрителями оптимистичному финалу. Но он знал, как вызвать сочувствие к своим персонажам, которых сам понимал и которым сострадал.

Спектакль хозяев фестиваля — это образец старого (но всегда современного!) доброго психологического реализма, который во многих нынешних театрах замещается занимательностью сюжета, эксцентрикой характеров поступков, шокирующими подробностями. Между тем обнаруживаемая со сцены внутренняя жизнь героев этого тонкого и сложного для исполнителей стиля бесконечно притягательна, волнительна, узнаваема... И происходящее с Вилли Ломеном не оставило зрителя равнодушным.

Режиссёр Юрий Нестеров поставил спектакль про человека, прозревшего позже чеховского дяди Вани — тем горше для него мысль о напрасно прожитой жизни. Момент осознания этого обстоятельства был настолько катастрофичным, что разум его стал двоиться, вызывая из, казалось бы, давно забытого прошлого картины, всё более и более подкрепляющие ощущение личной вины.

Владимир Кузьмин, исполнитель главной роли, играет человека, считавшегося властным и сильным, но вдруг остановившегося в растерянности на перепутье. Он ещё по-мужски хорош, ещё случается, что голос его играет красками хозяина жизни, но окружающие уже понимают: образ непобедимого Вилли надломлен условиями быстро меняющейся жизни, осознанием неутешительных итогов собственной судьбы. Нервы его напряжены до предела, он в яростном

Слева направо: К. Карманов, В. Кузьмин, В. Козлов, В. Рочев.

бессилии кричит на свою терпеливую жену, обвиняет и обличает своих взрослых мальчиков, потом в отчаянном оптимизме уверяет себя и всех окружающих в том, что не всё ещё потеряно, что род Ломенов ещё воспрянет успехами его сыновей...

Художник-постановщик Анна Репина нашла удивительно ёмкий образ сценической среды, в которой существует окружение и семья Вилли: двухярусная конструкция с ярко-красными тоненькими (газовыми?!)

трубками на тёмно-сером фоне стен и обстановки. Эти трубы словно оплели дом в одночасье постаревшего коммивояжера и проникли не только в его спальню, кухню и другие комнаты — они заселились в его воспалённом мозгу, не дают ему покоя ни днём, ни ночью. Однажды он воспользуется их «подсказкой» и именно с их помощью уйдёт из жизни — к своему богатому, навечно хмурому и брюзжащему брату (В. Градов), который, тем не менее, смолоду стал для Вилли недосягаемым символом преуспеяния. Недаром постановщики одели его в одежду, будто пропитавшуюся золотом.

Жена Ломена, верная и бесконечно терпеливая Линда (Г. Микова) не подвергает сомнению ни одного слова из уст своего хозяина. Она готова отстоять его право на ошибки и капризы, не страшась ссоры со своими взрослыми сыновьями. Она отчётливо даёт понять, что не променяет «странных» Вилли Ломена на благосклонность детей. Линда когда-то по-настоящему была влюблена в своего мужа — это заметно и по тому, как она внимательна к каждому его слову, как вглядывается в его глаза, как различает оттенки поведения, как не всегда ловко пытается предупредить его гнев, предугадать реакцию. Любви, быть может, сейчас и нет уже, но есть сложившийся единый организм. Без Вилли она себя не мыслит, и, несмотря на то, что с ним она особого достатка не знала никогда, — уважает его за уже имеющееся, благодаря его упорному труду — семью, дом, — всё как у всех.

В сущности, неплохие ребята выросли из двух обожаемых своим папой ребятишек. Звёзд с неба, правда, не хватают, но не пропадут — а это главное. Они добрые, покладистые, хотя и не без недостатков: один порхает от женщины к женщине, другой никак не может избавиться от клептомании и никак не может угодить отцу в выборе жизненного пути. Вилли мнилось, что со временем дети непременно поймают птицу удачи

Сценография А. Репиной.

В. Кузьмин и Г. Микова.

за хвост, станут солидными и обеспеченными людьми, а когда этого не случилось, — разочаровался. Не в них — в себе, не сумевшем им помочь. Жену он не замечал — она была лишь приложением к его судьбе. Рядом с ним были более яркие, агрессивно-сексапильные подруги, вроде той (Н. Пешкина), что любила подарки брать коробками красивых чулок, вроде тех, эффектных и порочных, что сейчас морочат головы его парням. Друга с его сыном (И. Янков и А. Колмаков) он тоже не замечал — они всегда были скучно правильными, тем более, что друг всегда был малорослым и полноватым рядом с подтянутым и позитивным Вилли, и он всегда был, что называется, под рукой, рядом, и всегда готов был помочь. И помогал. Но нет! — выше всех в иерархии ценностей Вилли был брат с его богатством. Золото в сценических наплывах с его присутствием сверкало так ярко, что в глубокую тень уходили и скромная жена, украдкой штопающая свои чулки, и заботливый, но ничем особым не выделяющийся товарищ, с которым можно было скротить бессонницу, на которого можно было перевести скопившееся раздражение, у кого можно было стрельнуть денег до получки... Лишь под конец жизни Вилли начал понимать, что с ним делили судьбу бескорыстные, поистине золотые сердца. И в конце концов он начал понимать, как бесконечно многое потеряли его мальчишки, которые по сути лишены были отцовской руки, отцовского внимания. И вот сейчас, вот-вот сейчас они получат страховку — и уж тогда!..

«Дом Бернарды Альбы»

Последний день фестиваля принес ещё один сюрприз. Пьесу Г. Лорки «Дом Бернарды Альбы» показал Вологодский государственный драматический театр. Эту драму ставят достаточно часто как в самодеятельном, так и в профессиональном театре, потому что в ней прописаны только женские роли, необыкновенно востребованные в актёрских труппах. В постановке можно было предположить и длинноты, и монотон, и откровенно скучные места. Как бы не так! Зураб Нанобашвили явил фестивальному зрителю спектакль необыкновенно поэтичный, высоко вознёсшийся над бытом, но при этом реалистичный (Лорка писал пьесу, имея жизненный пример), и даже с некоторыми нотками комизма.

...За стенами родового поместья Бернарды Альбы кипит жизнь. Она колебродаит вокруг прочно запертой женской крепости, проникает в неё отголосками мужского

хора, слухами о наделавших в деревне шума событиях, обрывками обсуждений предстоящей свадьбы одной из пятерых дочерей хозяйки. Два персонажа из дома Бернарды служат посланцами внешнего мира, — такого манящего и такого недоступного другим обитателям. Они хоть и нищие работницы, но гораздо свободнее работодателей ощущают себя в жизни. Понсия (Н. Скрябкова) может позволить себе возражать самой хозяйке, то и дело пренебрегает

Н. Абашидзе в роли Адели.

запретами, со вкусом вгрызётся в кусок колбасы, пробует фрукты со стола. Служанка (А. Ноздрина), одетая как и все — в траур по недавно скончавшемуся хозяину, — непринуждённо и естественно предъявляет роскошное декольте, как принято в деревне. Дочери же бедной, но аристократически гордой Бернарды чахнут от несвободы, погружаются в депрессию, изводят себя фантазиями, интригают меж собой, соперничают не на жизнь. Сама Бернарда (Марианна Витавская), пытаясь поддержать в доме веками заведённый порядок, любя своих дочерей, не желая «испортить породы» их связями с какой-нибудь

«деревенщиной» и при этом не имеющая возможностей достаточно обеспечить их будущее, — уже давно находится на грани нервного срыва, но силой воли сдерживает себя, исключительно редко давая волю своим естественным порывам. Тем эффектнее они проявляются. Поразительно красиво и точно по замыслу сочинена сцена, когда неприступная вдова, неотчётливо осознавая свои действия, оставшись в одиночестве, в жаркую лунную ночь пытается сбросить с себя тяжёлое чёрное платье и отдаваться стихийно возникшему эмоциональному порыву. Но могучая сила воли одолевает этот приступ неожиданной горячности. Потенциально вызревший танец обрывается не родившись.

Сценограф спектакля Виктор Рубинштейн представил зрителям часть дома Бернарды, ограждённую от мира высокой стеной из кованого железа ржавого цвета, у которой двери захлопываются сверху вниз с лязгом и грохотом, напоминая о тюрьме. Обеденный стол не занимает много места, поэтому артисты открыты в игровом пространстве. Значительную часть одной из стен занимает большая картина, напоминающая о том, что есть грех, и есть люди, имеющие право находить и обличать грешников. Картина выполнена на гибких широких лентах как жалюзи: сквозь них герои проходят во внутренние покои, отчего она будто время от времени прорезается, что несколько отвлекает внимание зрителей. Но такой формат необходим для финала. Адела (Н. Абашидзе), уличённая в прелюбодеянии, услышав известие о том, что её возлюбленного больше нет — в шоке сбегает ото всех, и её находят повесившейся. Постановщики решают эту сцену исключительно броско: картина с шелестом сползает на пол, а с её обратной стороны на сцену вламывается громадный крест, к которому спиной приникла самоубийца. Конечно, распятие — уже само по себе сильнейший символ. Но именно — само по себе. В контексте спектакля его появление достаточно спорно.

Бернарда говорила сразу после похорон мужа, что восемь лет в её доме и ветру не будет доступа. Между тем Зураб Нанобашвили так выстроил пластический образ спектакля через звуковые, музыкальные, мизансценические контрасты, что будто ветры всё-таки проникают в дом-крепость и будоражат запертых женщин, возбуждая в них волнение и трепет, проявляя всю их эмоциональную палитру. Оказывается в результате, что природные законы, жизненные инстинкты оказываются мощнее законов подавления, придуманных людьми.

Обзоры. Новости

* * *

7 октября 2013 г. в зале президиума Коми НЦ УрО РАН состоялась презентация издания «История литературы Урала» (книга опубликована в Москве в 2012 г. в издательстве «Языки славянской культуры»). Основная концепция проведённого исследования была обозначена главным редактором издания, зав. сектором истории литературы Института истории и археологии УрО РАН, доктором филологических наук Е. К. Созиной (г. Екатеринбург) и ведущим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН П. Ф. Лимеровым (г. Сыктывкар).

Издание объединило усилия литературоведов, фольклористов, археографов, историков, специализирующихся по проблемам становления и развития историко-литературной традиции Урала. Исследование было подготовлено авторским коллективом, в который вошли учёные Урало-Сибирского региона и других научных центров России: Екатеринбурга, Новосибирска (чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановская и др.), Красноярска, Сургута, Сыктывкара, Уфы, Ижевска, Санкт-Петербурга (д.филол. н. В. Д. Рак, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН).

Представленное издание является первым томом четырёхтомной академической «Истории литературы Урала», в нём впервые осуществлён систематический анализ исторического развития литературы крупнейшего региона России.

В этом volume «Истории литературы Урала» характеризуются памятники башкирской, русской, удмуртской, коми устной и письменной словесности, начиная со времени формирования региональных литературных традиций и до конца XVIII в. Литература Урала рассматривается в издании как органическое и целостное образование в составе литературы русского государства XIV–XVIII вв.

В книге представлено восемь разделов, в которых приводится характеристика объёмного корпуса литературных произведений народов Урала в широком историко-литературном контексте. За основу композиции в книге был взят принцип историзма.

Издание открывает раздел *«Православные традиции в культурно-историческом освоении Пермских земель»*, в котором показано отражение в коми фольклоре и русской литературе традиции подвижнического труда Стефана Пермского, содержится характеристика памятников письменности и литературы Перми Вычегодской. Второй раздел *«Средневековая башкирская литература»* содержит анализ тюркской литературной традиции X–XVI вв., в русле которой произошло становление собственно башкирской литературы, обособленной от словесности других народов Урала вплоть до начала XIX в. Третий раздел *«Русская книжно-рукописная традиция на Урале в XVI–XVII вв.»* представляет обзор фольклорной традиции, возникшей в процессе культурного освоения края, а также произведений древнерусской литературы, привнесённых переселенцами; отдельной главой охарактеризованы книжные собрания церковно-монастырских библиотек, частных дворянских собраний (Строгановские библиотеки), крестьянских библиотек. Особое внимание уделено памятникам агиографической направленности — житиям Трифона Вятского, Симеона Верхотурского, старца Далмата и др., сказаниям о чудотворных иконах. Четвёртый раздел *«Литературно-просветительская деятельность Тобольского митрополичьего дома»* содержит материал об историко-литературных начинаниях первого архиепископа Киприана Старорусенкова, дьяка Саввы

Есипова, литературно-политической деятельности тобольских митрополитов и епископов. Формированию и развитию исторической прозы на Урале посвящён пятый раздел книги «*Историческое повествование на Урале*». Здесь представлена характеристика исторических сочинений, возникших в непосредственной близости от Урала или его пределах, — летописей, народной историографии походов Ермака в Сибирь, исторических сочинений старообрядцев, ставших одной из определяющих жанровых форм для старообрядческого литературного наследия региона. Шестой раздел «*Типы словесности горнозаводского Урала XVIII в.*» объединяет произведения, представляющие разные типы словесности: рукописный сборник былин и песен Кирши Данилова, просветительская и научно-деловая литература из библиотеки Акинфия Демидова, деловые и научно-популярные сочинения основоположников горного дела на Урале В. Н. Татищева и В. де Геннина.

Последние главы издания отражают процесс формирования индивидуально-авторского творчества на Урале, совпавший с эпохой российского Просвещения XVIII в. В седьмом разделе «*Документально-художественная литература Урала эпохи Просвещения*» содержится характеристика разнообразного литературного материала от записок путешественников на Урале, мемуарной литературы до литературной жизни Оренбуржья и формирования удмуртской литературной традиции. В этом же разделе представлено изучение уральских страниц жизни крупнейшего русского поэта Г. Р. Державина.

Заключительный восьмой раздел «*Литературный процесс на Урале конца XVIII–XIX вв.*» посвящён характеристике тобольских журналов как органов культурного самосознания края и творчеству авторских индивидуальностей П. П. Сумарокова, И. И. Бахтина, Н. С. Смирнова, П. А. Словцова, А. И. Попова, И. И. Варакина.

Таким образом, издание представляет пёструю картину развития литературы коренных народов Урала, обозначая историко-культурные и литературные очаги, общие тенденции и характерные особенности сложившихся литературных традиций.

Книга имеет хороший справочный аппарат, облегчающий работу с изданием: представлены указатели имён, произведений, географических названий. Подготовлена библиография по рассматриваемой проблематике.

Вышедшее академическое издание вызвало глубочайший интерес со стороны учёных, преподавателей, сотрудников учреждений культуры республики — библиотек, музеев, архивов. Книга органично соединяет научность и доступность изложения, написана увлекательно, содержит поистине уникальные сведения по истории культуры региона и его словесности, и может быть интересна самому широкому кругу читателей, использована в процессе преподавания истории литературы и культуры в школах и вузах.

К сожалению, в библиотеки республики поступили лишь единичные экземпляры данного издания, ставшего уже сегодня библиотечно-библиографической редкостью. Один из экземпляров издания был подарен на презентации главным редактором «Истории литературы Урала» Е. К. Созиной Национальной библиотеке Республики Коми.

*Е. В. Прокуратова, директор
Научной библиотеки СыктГУ, канд. филол. наук.*

